

Иван КОЗЛОВ

ПЕРСТЕНЬ ОРНА

Эта история рассказывает о временах и нравах в России времен Алексея Михайловича и Петра.

Над Москвой пролетает комета, и на поиск ее посылают отряд во главе с пятидесятником Федором Назаровым. Тот встречает людей, как он думает, восточного племени и получает от них в подарок для царя шкатулку с тринадцатью перстнями. По дороге домой на отряд нападают разбойники, перстни теряются, и Назаров пробует разыскать их.

Один из перстней попадает в Москву, о нем становится известно Федору Юрьевичу Ромодановскому, ближайшему сподвижнику Петра, главе Преображенского приказа, где рассматриваются дела государственной важности. Принес его сюда выживший стрелец отряда Назарова, который при допросе понес ахинею: стал рассказывать о том, что известно было только одному Петру и что произойдет в ближайшее время. Так, он точно указал, что ждет русскую армию в Прутском походе и что станет там с самим царём...

Странное то было время. На европейский манер пыталась жить Москва, а всего в семи днях езды от нее в реках еще жили русалки, в лесах – лесовики, и девки умели летать... И Ромодановский, и сам Петр смотрели на это с усмешкой, снисходительно, а ярыжка Никодим, волею случая взлетевший по служебной лестнице, принялся рьяно бороться «со всякой нечистью, которую в Европах на кострах жгут». Заинтересовался он и перстнем...

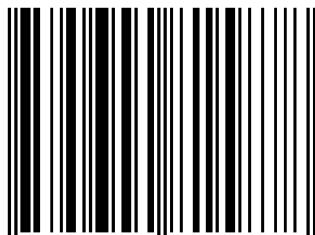
изд. Козлов Андрей Иванович

info@chitaem-knigi.ru

chitaem-knigi.ru

+7 (903) 732-85-45

ISBN 978-5-6048158-7-8

9 785604 815878

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИСКАЗКА	6
<i>Глава 1. Слуга знахаря</i>	<i>22</i>
<i>Глава 2. Пыль в глаза</i>	<i>33</i>
<i>Глава 3. Странные дела</i>	<i>41</i>
<i>Глава 4. Седьмая находка</i>	<i>47</i>
<i>Глава 5. Славное утро</i>	<i>59</i>
<i>Глава 6. Просьба Назарова</i>	<i>72</i>
<i>Глава 7. Отчего люди летают</i>	<i>81</i>
<i>Глава восьмая Новое действующее лицо</i>	<i>89</i>
<i>Глава девятая. Знакомство с Гремухой</i>	<i>99</i>
<i>Глава десятая. Допрос Григория Лукьянова</i>	<i>109</i>
<i>Глава одиннадцатая. Восьмой перстень</i>	<i>114</i>
<i>Глава двенадцатая. Шлемник, стальник, переступень...</i>	<i>121</i>
<i>Глава тринадцатая. Перед отъездом</i>	<i>131</i>
<i>Глава четырнадцатая. У дома Федора</i>	<i>142</i>
<i>Глава пятнадцатая. Смерть узника</i>	<i>153</i>
<i>Глава шестнадцатая. Откровения от Ульяны</i>	<i>161</i>
<i>Глава семнадцатая. Змеиная гать</i>	<i>169</i>
<i>Глава восемнадцатая. Московские приключения</i>	<i>175</i>
<i>Глава девятнадцатая. Тихие страсти</i>	<i>189</i>
<i>Глава двадцатая. Подающий надежды</i>	<i>202</i>
<i>Глава двадцать первая. А в это время...</i>	<i>207</i>

<i>Глава двадцать вторая. Зима 1711-го</i>	<i>215</i>
<i>Глава двадцать третья. Такая вот ночь...</i>	<i>227</i>
<i>Глава двадцать четвертая. Выбор</i>	<i>234</i>
<i>Глава двадцать пятая. Ошибка князя Ромодановского</i>	<i>241</i>
<i>Глава двадцать шестая. Когда нет выбора</i>	<i>256</i>
<i>Глава двадцать седьмая. Ночные происшествия</i>	<i>265</i>
<i>Глава двадцать восьмая. Разговор с Орном</i>	<i>272</i>
<i>Глава двадцать девятая. В доме на Моховой</i>	<i>280</i>
<i>Глава тридцатая. Развязка. Завязка.</i>	<i>290</i>
<i>ЭПИЛОГ</i>	<i>304</i>

ИВАН КОЗЛОВ

ПЕРСТЕНЬ ОРНА

ПРИСКАЗКА

— Ты никогда не видел их? — спросил Отео Рэй Натеус.

— Нет, — сказал Лэй. — Я же впервые здесь.

— А я четвертый раз посещаю время наших предков. Не удивляйся, они странноваты...

— Ну, странностей-то я насмотрелся. После трех лет странствий по нашим старым векам...

Нэя опустилась рядом с ними.

— Шестеро, на лошадях, оружия, которое причинило бы нам вред, нет. Мне обязательно присутствовать на этом рауте? — Увидев, что командир покачал головой, сбросила с себя одежду, повернулась и пошла к зеленому прозрачному озеру, правильным овалом расположенному метрах в сорока. К нему вела песчаная дорожка, обрамленная цветущим кустарником. Нэя не останавливаясь нырнула с крутого берега, уходила под воду всё глубже, но тело ее продолжало быть видимым с вершины холма и сквозь изумрудную толщу.

Всадники поначалу приближались кучно, но метров за триста растянулись в цепь, пропустив вперед и строго по центру человека в красном кафтане и собольей шапке, — спутники его были в одеяниях того же цвета, но с овчинными

колпаками на головах. Кони подошли к подножью холма и остановились сразу и резко, словно наткнулись на невидимую преграду. Хозяева их качнулись в седлах, непонимающе переглянулись, схватились за луки. Спокойным выглядел только их предводитель. Он положил руку на шею мелко задрожавшего животного, густым громким голосом крикнул:

— Кто будете?

Не дождавшись ответа, кинул взгляд через плечо на своих спутников:

— Бусурсмане, сразу видно. Ишь, одеты как: не понять, где штаны, где рубаха. Толмача надо было с собой прихватить. Ну да ладно. Я и с персами объяснялся, и с арапами. Эти на нас даже более похожи. Без сабель, без пицалей. Авось пойдем друг друга.

Он спрыгнул с коня, хотел было молодецки, быстрым шагом взбежать к незнакомцам, но ноги почему-то не послушались его, онемели, видно, от долгой езды, и пришлось лишь сказать:

— Я Федор Назаров, пятидесятник стрелецкого полка Егора Лутохина. Слышали, небось, о нём?

Лэй тихо, не разжимая губ, шепнул командиру:

— Язык адаптирован. Я могу с аборигенами изъясняться.

— Попробуй, — тем же манером ответил тот. — А я посмотрю, как это у тебя получится.

— Хорошо. Но сначала... Мы пустим их сюда?

— Думаю, можно. Для начала одного.

Лэй кивнул, сделал шаг вперед:

— Мне доверено представить вам Отео Рэя Натеуса, командира нашего космолёта...

Пятидесятник Федор Назаров, судя по нахмурившимся бровям, ничего не понял, и рука его потянулась к сабле, висящей на левом боку. Только тогда подал голос сам Отео Рэй Натеус:

— Меня зовут Орн, я тоже пятидесятник, моё племя живет к востоку. Поднимайтесь сюда.

Назаров, и без приглашения сделавший бы это, с удивлением вдруг заметил, как укладывается наземь ковыльная трава, образуя прямую тропу от его сапог наверх. Заохали за спиной стрельцы, кони засучили копытами. Федор на это сказал своему жеребцу:

— Колдуны, вишь, что вытворяют. Их и на костер можно, есть на то царёв приказ, да у меня у самого бабка была... Сглаз наводила, да.

— Чему они удивились? — спросил Лэй у командира. — И что значит — на костёр?

— Местная система поощрения за инициативу. Вот что, друг мой, ничего больше не предпринимай. Просто стой и слушай.

Федор между тем пошел по проложенной тропе, по ходу объясняя причины своего появления здесь:

— Звезда над Москвой пролетела, низко, с гулом. Царь и распорядился пойти ей вслед, что, если золотая она, да упала. Такому добру нельзя пропадать. До этого места мы двенадцать дён скакали. Народ расспрашивали, многие эту звезду видели. А вы разве ничего на небе не заметили?

— Наше появление здесь тоже связано с ней, — сказал Орн.

Лэй все же решил вставить и своё слово:

— Мы здесь планировали встретить Улэ, но она почему-то не явилась...

— Улэ? Кто такая?

Орн осуждающе взглянул на Лэя и пояснил:

— Женщина нашего народа... А мы, как и вы, прибыли сюда, ведомые звездой.

— Увидели её и примчались?

— Ну, вроде этого...

— А где же ваши лошади? — Пятидесятник уже поравнялся с ними, вытянул шею, разглядывая степь с

чахлым кустарником, необычного вида избу, всю слюдяную, сверкающую на солнце, и Орн, которого издавна соплеменники называли мудрецом, за многие годы впервые растерялся, не зная, что ответить. Он всегда и во всем старался говорить и поступать только правдиво, но обстоятельства порой складывались так, что этого было недостаточно. Как сейчас, к примеру.

— Лошади? Видите ли, дело в том, что, что...

Варианты ответа всё не находились, то тут произошло неожиданное. Взгляд пятидесятника упал на озеро, и он вскинул в том направлении руку:

— Русалка! Живая русалка, смотрите!

Это Нэя вынырнула из глубины, некоторое время пребывала по грудь в воде, но вот поднялась совсем, и пошла по ее поверхности к берегу, балуясь, рассыпая брызги вокруг ног. Не обращая особого внимания на косматого бородатого мужчину, и на остальных, продолжавших сидеть внизу на лошадях, она как бы заскользила над песчаной дорожкой, не оставляя следов, подняла свой костюм...

— Нет хвоста! Девка! Голая девка! — Назаров закрыл ладонью глаза, потом отвел ее в сторону, думая, что перед ним просто виденье. Но белое тело, неприкрытое, красоты невиданной, не исчезло.

— Чья? – сипло спросил сотник.

— Что значит, чья? – не понял Отео Рэй Натеус.

— Ну, чья жена, или дочь, или сестра?

— Я ничья, — ответила Нэя. — Я всегда принадлежала и принадлежу только сама себе. А в чем, собственно, дело?

Она тоже прилетела сюда, в это старое время, впервые, и просто думать не могла, что одежда здесь нужна не только для защиты от непогоды.

— Пойдем в избу, а? Ну пойдем! Я девок двенадцать дён не трогал, измучился весь... И ты – раз ничья, то чего ж?

Федор прикоснулся пальцами к ее плечу, словно желая еще раз убедиться, что перед ним живая женщина.

— А, — сказала Нэя. — Нас учили этому. Животный инстинкт. Как быть, командир?

— Это решать тебе.

Федор не слышал этих слов. Он глядел на Нэю, и небо качалось в его глазах. Прямо к кадыку подпер крик: «Если только кто сейчас поперёк!...» К женскому полу Федор всегда дышал неровно, к своим двадцати трем годам и сам был бит, и других бил за это, вправду зверем становился, оттого одни девки прятались от него, другие, познавшие уже с ним любовь, проходу не давали...

Кричать он не стал. Но грозно выговорил каждое слово:

— Если сейчас кто поперек...

— Зачем поперек – пойдем, — просто сказала Нэя.

Вечером они разожгли костер. Федор со стрельцами пили травяной чай, жевали сушеную медвежатину и смеясь, кривились, глядя на то, что едят люди восточного племени. Горох, как есть горох, один сладкий, другой сыром отдающий, третий вообще непонятно какого вкуса... Попробовали сами – выплюнули. И решили, что восточный край, где на обед такое готовят, царю не нужен будет.

Орн о звезде им всё рассказал. Не упала звезда на землю. Вот тут, недалеко от этого холма, собралась силой и ушла обратно в небо, затерялась среди других звезд. Так что можно завтра же в Москву возвращаться.

— Так ты, Орн, кто? — начал пытаться пятидесятник. — Ученый человек, или скоморох, или из купцов? Как царю доложить, кого мы встретили? Чего ему в подарок о себе передашь? Может, из оружия, может, забаву какую?

— Забаву? — переспросил Орн. — Можно, пожалуй, забаву. Царь — он как, умён?

— Так царь же! — с укором произнес пятидесятник. — Миром повелевает. Всё обо всех знает, с войнами в другие земли ходит.

На ладони Орна появился белый перстенок. Без изумруда-камня, даже не серебряный, видно, простойковки, но с красивой чеканкой. Зверь на нем крылатый, дракон – не дракон, а вокруг – листья навроде виноградных. Взял Назаров его в руку – а он невесомый, как пушинка. Хотел было на палец примерить, да Орн вовремя остановил:

— Погоди, не простой это перстень. Знать надо, какой его стороной надеть, и на какой палец. И только царю это положено. Если он и вправду такой, как ты говоришь, то поймет, как им воспользоваться, и для чего. Вдруг с нами, допустим, поговорить захочет, или узнать о чем важном, или в другом краю очутиться, пусть даже за морем...

Засмеялся Федор. Захохотали стрельцы. Тогда Орн на свой палец перстень насунул, покрутил:

— Смотри!

Исчез дракон, листья исчезли. Задрожал воздух, и сквозь него проявилась комната, огромная, светлая, а в комнате той стала видна кровать, и на ней лежит не спеленутый малыш, сучит ножками. Женщина подходит к нему, берет на руки, тут же появляется мужчина...

— Кто это? – сдавленно спросил Назаров.

— Царь, — ответил Лэй. — Алексей Михайлович. — А рядом супруга его Наталья Кирилловна и сын Петр, который войдет в мировую историю.

Назаров покачал головой:

— Не то говоришь. У нашего батюшки жену зовут Марья Ильинична, она из Милославских.

— Марья Ильинична умрет. Царь женится на Наталье Нарышкиной... У Петра, кстати, тоже судьба нелегко сложится. Сначала родная сестра его чуть не погубит, вот, смотри... — Лэй чуть тронул перстень, и стала видна дорога, по которой скачут несколько лошадей. На одной из них — юноша только пушок пробивается на месте усов. Вот он оглядывается и не замечает, что кривой сук старого дуба возник на пути, надо или пригнуться, или взять левее... Удар — юный всадник падает, чудом не попав под копыта других лошадей. — А позже, в молдавском походе, Петр едва не погибнет, поручик Павел Якушев у него на руках умрет десятого июля от турецкой пули на берегу реки, и с того дня император поймет, что и он смертен, болезнь отныне поселится в нем и будет точить до самой кончины...

— Не надо об этом, — тихо перебил Лэя Орн. Он взялся за кольцо, то ли покрутил, то ли подвигнул его, и появилось

новое видение. Непонятные огромные дома, грохочущие чудища на колесах, странно одетые люди...

— Это ваша восточная страна? — задал вопрос Федор.

Орн чуть улыбнулся:

— Наша. Восточная. Москва.

— Нет, тут я, смотрю, другие люди...

— Да такие же точно, — грустно ответил Орн. — Другими они станут очень нескоро.

Новый поворот перстня — и на чистом поле его вдруг проступило море-окиян, а по нему корабль плывёт, без парусов, волну носом режет... Хотя мал перстенок, а такое чувство, что море — оно уже вокруг, и палуба под ногами качается.

Стрельцы побледнели, шелохнуться боятся.

— Не балуй, — с трудом выдавил Федор. — Я плавать не умею.

— Да как же вы, ни летать, ни плавать, — покачала головой Нэя.

— Зато по мужской части, сама же призналась...

— Это правда, — И Нэя прислонилась головой к его плечу.
— Долго вспоминать буду. Впрочем, и ты меня, думаю, не раз помянешь...

Орн спросил:

— А хочешь, птицу железную сейчас перстнем вызову — на Луну слетаем?

— Нет, меня и так Лутохин с докладом, видно, заждался. С рассвета в Москву поедем.

— Вольному воля, — и Орн обратился к Лэю. — Принеси ларец, положи туда двенадцать перстней.

Лэй тотчас исполнил распоряжение.

Ларец был из темного дерева, с темным же бархатом внутри. На дне его лежали двенадцать перстней, точно таких же, какой на пальце Орна. Впрочем, тот перстень снял и бросил его к остальным, сказав при этом:

— Чудеса может делать только тот из них, которым я пользовался. Если царь действительно умён, он нужный тотчас определит.

— Как же определить, если они все одинаковы?

Лэй решил ему помочь:

— Понимаете, дело в сплаве. В тринадцатом несколько иной состав, бериллий, к примеру, в соотношении к вольфраму...

Орн прервал его:

— Царь должен знать, как отделяют зёрна от плевел. И еще: прежде чем воспользоваться перстнем, он должен себе

ясно сказать, чего хочет. Без этого перстень будет просто перстнем.

Пятидесятник Федор Назаров вместе со стрельцами тронулся в обратный путь как и планировал – с первым лучом солнца. Глядя им в спины, Лэй спросил, то ли командира, то ли себя:

— И вот они когда-то полетят к звездам?

— Они – это мы, — коротко ответил Оteo Рэй Натеус. — Полетели же...

А Назаров, проехав полдороги, приказал одному из своих людей, стрельцу Лукьянову:

— Дома заждались нас, верно. Но кони устали, загонять их вконец не будем. У тебя, Григорий, жеребец помоложе и посильней наших, скачи вперед, доложи Лутохину, а коль надо, и царю, что, мол, едем, и какой подарок везем. — Он вытащил ларец, вынул оттуда один из перстней. — Покажи для примера.

— А если это тот самый, который волшебный? — спросил Лукьянов.

Пятидесятник почесал затылок, покусал губу, потом сказал:

— Это вряд ли, чтоб с чертовой дюжины наугад один перстень выбрали и сразу нужный угадали. А если и так – ты

скажи, что пользоваться им, мол, только Назаров может, так что пусть ждут моего приезда.

Умчался Григорий. А Назаров со стрельцами к вечеру проехали через темное село, у колодца воды холодной испили, и бросила на него там взгляд баба грудастая. Перекинулся он с ней двумя-тремя словами, но и их хватило, чтоб поспешить чуть ли не за околицей устроить стоянку, второпях распорядиться стрельцам бдить, караул выставить, а самому бегом – к вдовушке. Он уже узнал, что черный мор прошел по этому краю, выкосил многих, а особенно почему-то мужиков, вот и тоскует баба.

Тешил её Фёдор до полуночи, пока луна в окно не заглянула, и пока не сказала та, что после мора в здешних лесах волков и татей полно стало. Волки в селе всех собак поели, а разбойники не заглядывают в дома лишь потому, что забрали отсюда уже всё, что хотели. «Теперь у дорог крутятся, проезжих грабят».

Шевельнулась тревога в груди пятидесятника. Ну, как на стрельцов его нападут, на лошадей позарятся? А если что с ларцом случится?!

Оделся Федор быстренько, пустил своего гнедого с места в галоп, а все ж не успел. Последний из стрельцов при нем уже от воровской стрелы рухнул, другие зарублены оказались. И

что обидно, разбойники-то —дохлый народишко, просто на спящих напали, потому и выгорело у них дело. Пятидесятник троих сабелькой достал, от макушки до пояса распластал с гнева, а четвертого заметил, когда тот через кусты на поле выскочил, вдоль реки помчал вскачь в сторону села. Конь под Федором и так в мыле, устал уже, как его шпорами ни подгоняй, может, и плюнул бы сотник вслед этому четвертому, да убежал тот с котомкой, в которой ларец был. Потому не жалел Назаров любимого своего скакуна. Догнал уже было вражину, да тот как сквозь землю провалился, едва в село въехал.

На окраине его Федор остановился. Непонятно было, куда скакать. Тихим ходом по единственной улице пошел, при луне, как филин, даже мышь замечая. Вот конь беглеца, уже без всадника. Куда тот мог подеваться? Прикинул, что один у него путь: дворами да садами к левой околице, а там балка, терном заросшая, в ней легко упрятаться, — это отметил Назаров еще вечером, когда со стрельцами к селу подъезжал. И рванул сейчас к терновнику.

Угадал.

Разбойнику, дурьей башке, затаиться бы в кустах, может, стрелец и проскочил бы мимо. Да нервы не выдержали, — вскочил, побежал. Федор его стрелой уложил — хороший был

лук у Фёдора. Спешился возле тела разбойника, поднял котомку, — на месте ларец, только открытый. И нет в нем перстней.

Сел пятидесятник Назаров на желтый камень ракушечник, стянул шапку, сободем пот со лба вытер, задумался. Стрельцов не уберег, подарок восточных людей царю не довез — что с ним в Москве будет?

Скоро луна пропала за угрюмыми тучами, молнии засверкали, дождь пошел, а Федор всё сидел и сидел, ничего не замечая. Даже того, что вдоль изгороди крайнего к нему двора прошла, косясь в его сторону, худая высокая старуха. Вот наклонилась, подняла что-то с земли и исчезла в тени высокой дикой груши.

Крепко задумался Федор...

Ну вот и вся, пожалуй, присказка.

Ах, нет, конечно. Оteo Рэй Натеус, Лэй и Нэя через день после отъезда Федора улетели на своей звезде, не дождавшись Улэ. За минуту слюдяной дом в эту самую звезду превратили, озеро вмиг высушили, и трава на том месте появилась такая же, как и вокруг. Ничего после себя не оставили. Только Нэя, расчесывая длинные рыжие свои волосы, загадочно улыбнулась напоследок:

— Он еще вспомнит обо мне.

Вот теперь забудем об этой присказке надолго.

Лет этак на тридцать.

Глава 1.

Слуга знахаря

Хорошо Алексею у барина служится. Нет у его барина ни коров, ни свиней, только смирная лошадь за огородом, на выгоне, хвостом слепней гоняет, да куры с петухами по двору бегают. Хозяин у Алексея тихий, спокойный, зовут его Павел Иванович. Он лекарь, со всех деревень и сёл к нему на поклон приходят, то кость вправить, то зубную боль унять, то по мужской или женской части. Стар уже лекарь по разумению Алексея, ему под сорок, недавно еще буйные рыжие волосы на макушке стали выпадать, обнажив лысину.

Такой же точно был и отец его, Иоганн, человек родом из далёких краёв, приехавший добровольно служить в царское войско, в небольшом чину в кавалерии. По ранению списали его, а за заслуги дали деревню Валуевку на десять изб. Помещик из Ивана-Иоганна не получился, а жил он тем, что лечил скотину и птицу. К примеру, по всей округе и за нею случался куриный мор, сдыхали несушки да петухи с цыплятами подворьями начисто, а в их деревне – хоть бы что, потому как готовил бывший кавалерист лишь ему известные отвары и разносил их по всем соседям, наказывая ставить в курятники вместо воды. Слава о нем вышла за пределы Валуевки,

секреты отваров знахарь не раскрывал, но ездил, куда его приглашали, и там тоже хорошую память о себе оставлял. Привозил с таких поездок домой фрукты-овощи, муку, холст, мёд, гвозди...

А однажды и женщину так привез. Себе под стать, худую, белолицую, тихую. Родила она сына и вскорости скончалась. Бывает такое: человек всех лечит, а вот жену свою спасти не может.

Павлик с отцом так и жил, у него знахарству учился.

Алексей в эту семью попал, когда Иван-Иоганн слег и помощник понадобился. Павел травы собирает, по вызовам ездит, а кто отцу воду да кашу подаст, кто печь растопит, лепешек испечет?! Алексей рос с шести лет сиротой, сердобольные соседи его выхаживали, даже дальних родственников не имел, потому и звался Безродным. Рано понял, как выживать надо, вот и всё горит у него в руках в восемнадцать-то лет.

Этот ножичек сам выковал да заточил так, что он липу режет как масло. И получается из липы птица павлин, о какой ему проходившие по этим краям скоморохи сказывали. Петух — да не петух, косач — да не косач, хоть и хвост веером держит, когда поёт. Песня только его, сказывали, безобразная, как у вороны...

В жаркий полдень Алексею нечего делать, вот и сидит в тенёчке, ножичком балуется. Скоро ведь, может статься, не до баловства будет – барин намекнул, что жениться собирается. Хочет взять поповскую дочку, что из села Заболотного. Даже не так барин хочет, как сам поп. Мария его хоть и моложе Павла Ивановича, конечно, да всё равно в годах. И на лицо ничего, и грудь такая – есть за что ухватиться, и задница – есть за что ущипнуть, а куда в глухих этих местах её пристроить? Вот и пал выбор попа на Павла Ивановича. На праздники к себе лекаря зовёт, чаем поит, лепёшку масла домой передаёт. У попа три коровы, одну он, конечно, с дочерью отдаст. Тогда хлопот у Алексея прибавится. И вообще, неясно еще, будет ли он нужен в этом доме, когда сюда хозяйка придет. Если придется уйти, не пропадет, конечно, но жалеть будет. Хорошо у барина служится...

Тихим днем любой звук издали слышен. Вот конь скачет. Без спешки, но всё ж траву на ходу не щиплет. К барину кто-то едет. А к кому ж еще в Валуево приехать можно?

Конь у ворот затоптался, всадник спешил, к дверям избы идет, а в избе-то и нет никого.

— Чего надоть?

Алексей специально голос огрубил, да и рывкнул в полную силу. И добился своего. Мужичок, который приехал,

аж подпрыгнул от неожиданности, воздух ртом схватил, а задницей выпустил, но все ж схватился за висящий на плече самострел. Маленький, худой, бородатый, вроде лешего, каких еще когда-никогда в чащобах грибники встречают. Увидел Алексея – озлился, желтые зубы показал:

— Чего пугать честных людей?

— Я не пугаю, я по праву спрашиваю. Кто такой и зачем прибыл?

Коротышка оставил самострел в покое:

— По праву... Ишь ты... Скажи мне лучше по праву, где Павла Ивановича видеть могу?

— В сеннике, — показал Алексей глазами на дальнюю постройку. — Траву перебирает, которую мы в последние дни с ним собирали. А когда он травой занят, то его беспокоить нельзя.

— Так я не беспокоить. Я ему бумагу привез. Отдам — и всё.

— Какую бумагу, от кого?

Леший замотал головой:

— Софья Алексеевна не велели никому говорить, что бумага от них, потому не могу сказать.

— Это какая Софья Алексеевна, что за помещиком Бугаевым, что ли?

— Она самая. Барыня моя. Только не велела говорить, и я тебе не скажу, не выпытывай, не думай, что нашёл дурака.

— А чего ж тут думать, — хохотнул Алексей. — Тут и думать ничего не надо. Ладно, проходи в сенник, только с порога его позови, не заходи внутрь, табаком да вином от тебя прет. Для травы это плохо.

— Так хозяйка налила чарку, — стал оправдываться клоп с бородой. — Для того, чтоб я съездил, значит. А заходить я никуда не буду. Чего мне там делать? Только бумагу передам — и домой.

— А в бумаге что?

— Как это что? Азы да буки. Я, что ли, читать умею? Нашел дурака.

Карлик пошел к сеннику, а Алексей вновь принялся за павлина. Спешить некуда, можно даже перышки прорезать. Увидеть бы только хоть раз, какие они есть, павлины.

Гость и вправду быстро обернулся, уже назад спешит, но запнулся возле Алексея:

— Слышь, мне бы кваску холодного, а?

— Да и я не против.

Спустились в глубокий погребок, зачерпнули по ковшу квасу на ржанных корках да с клюквой. Аж зубы свело. В погребе чисто, мокрицы только в самом сыром и холодном

углу собрались, но это ничего – мокрицы, от них никакой беды не будет.

Остудились – и почти бегом наверх. В тенёчке сидеть все равно здоровее, чем под землей.

— Самострел у тебя, смотрю, хороший, — сказал Алексей.

— А то, — согласился гость, которого звали Пашкой. — Хочешь, покажу, как бьёт?

Шагах в тридцати от них, на худой осине, ворона дремала под палящим солнцем. Пашка почти не целился, вскинул руку – бац! И стрела пронзила птицу от крыла до крыла, отбросила ее метров за десять от ветки.

— Вот так, — сказал гордо Пашка, вытаскивая стрелу и вытирая с нее пучком травы кровь. — Я, чтоб ты знал, каждый день тренируюсь. Авось сгодится. Мало ли что в жизни бывает.

Клоп с бородой ускакал, а Алексей опять за липу было принялся, да тут со стороны сенника шум непонятный раздался. И вроде как крик.

Алексей туда метнулся. Смотрит – мало что понимает. Табурет опрокинут, возле него барин лежит, на шее у него веревка петлёй затянута. И на балке сенника тоже веревка на петле держится. Тут и малому понятно: вешаться Павел

Иванович решил, да пенька с гнильцой оказалась. Вот он голову приподнимает, глаза мутные, но главное – живой.

— Барин, чего случилось-то?

— Помоги, Алексей.

— С удовольствием. А чего помочь-то? В избу вас отвести, на топчан положить? Я как раз матрац свежей соломой набил...

— Нет. Ты мне веревку свяжи, чтоб не рвалась больше, и уходи, чтоб не видеть...

— Барин, а что не вешаться – никак нельзя?

— Нельзя, Алёша. Это дело чести. Как же мне жить, как Марии в глаза смотреть, да и вообще всем людям? Вяжи веревку, вяжи.

— Это запросто, так сделаю, что и быка выдержит. – Алексей снял с шеи Павла Ивановича петлю, стал связывать место обрыва. – Ну вот. Табурет я вам поставлю сейчас, не поломайте ножку, это ж я его мастерил. И пойду, мешать не буду, только скажите, что произошло?

— Сам читай, и всё поймешь, – барин указал пальцем на бумагу, лежавшую возле связанных уже в пучки сухих трав. – Я же говорить на эту тему даже не смогу, так постыдно всё...

Грамоте Алексея еще старый барин обучал, Иван-Иоганн. Все книжки, какие были в доме, Алексей перечитал по многу

раз, и ему страшно хотелось читать что-то еще неизвестное, новое. Потому с большим желанием он за записку схватился. Сначала вслух принялся было слоги соединять, но барин вдруг заплакал и распорядился:

— Не надо. Себе читай, я и так всё знаю.

Буквы были крупные, написаны красиво.

«Павел Иванович, к весне рожать буду, зачала после того, как к тебе приезжала. На мужа повернуть не могу, он все те дни ко мне даже не подходил. Узнает – убьет, конечно. Придумай что-нибудь, лучше найди денег мне на побег. А денег не будет к октябрю – придется сознаться, и тогда сам выкручивайся».

Алексей вспомнил Софью Алексеевну. Женщина высокая, носатая, с тяжелым мужским подбородком. Как только она приехала, пошепталась о чем-то с барином, тот тотчас отправил Алексея в лес корней калгана накопать. Калган найти нелегко, мало его в лесу, вот где-то часа два Алексей и отсутствовал. А вернулся, когда Софья Алексеевна уже в карету усаживалась, домой отъезжала. Тогда Алексей еще подумал, что сейчас Павел Иванович взбучку ему устроит, долго, мол, траву искал, больная не дождалась, однако барин только песни себе под нос мурлыкал, чего за ним раньше не

замечалось. Алексей и подумать-то не мог, с чего хозяину песни запелись...

Он аккуратно положил записку на то место, с которого взял:

— Барин, так ты что, её... это, да?

Павел Иванович стоял возле табурета и держался рукой за петлю:

— Она тогда приехала... Говорит, ребенка хочет, а никак, уж четыре года со свадьбы, а не получается ничего. Спросила зелья нужного. Ты только в лес пошел, так она как с цепи сорвалась. Она, она сама, мне не больно-то и хотелось. Ох, чего вытворяла! И вишь, чем обернулось... Денег нет, чтоб откупиться, а и были бы — отец правильно говорил, все тайное ясным рано или поздно станет. Не избежать тогда кары за грех. И Машенька пострадает. Смеяться над ней станут. Ты уходи, Алёша, мне так легче будет исполнить задуманное.

— Барин, — ахнул парень. — Из-за такой стервы — и в петлю? Да ты что, барин!

— У меня другого выхода нет.

— Брось, барин! Как это, нет выхода? А если взять да подумать?

Уговорил Алексей Павла Ивановича с петлей повременить, до вечера ходил по двору да посвистывал, павлина всё резал – это не мешало мозгами шевелить. А вечером попросил барина с сундука отцовы сапоги да одёжу кой-какую вытащить. На Павла Ивановича всё велико было, а Алексею в самый раз, только что-то подшить да почистить оставалось, однако на это он мастер.

Барин не то, чтоб дюже с расспросами пристаивал, но все же пару раз поинтересовался, зачем парню всё это. А Алексей честно отвечал:

— В точности и сам пока не знаю. Но не сегодня-завтра обозы мимо должны идти, фрукты да овощи в город везти, через Бреднево поедут, где как раз помещик Бугаев с вашей Софьей Алексеевной живет, вот к ним в гости и напрошусь. Получше узнаю, что к чему. А когда вернусь – тогда и решим, что делать.

Обоз возле Валуевки прошел к вечеру следующего дня. Мужики везли на ярмарку клетки с курами, грибы соленые, рыбу вяленую, многое другое по мелочи. Павла Ивановича они знали, остановились даже, чтоб он мазь от фурункула одному из них дал, а то шея уже не ворочается. Салом за это расплатились и согласились прихватить с собой Алексея. Тот выражен был не по-местному, сказал, что у Павла Ивановича

по врачевальным вопросам гостил, а сам едет аж в Москву, куда его вызывает одна знатная госпожа.

— До яма с вами доберусь, а там карету возьму. Боярыня за дорогу заплатит. Я ведь уже в Москве врачевал, меня там хорошо знают.

Возница, возле которого он примостился, спросил уважительно:

— А живешь-то где, барин?

Хорошо, что Алексей книги читал, узнал из них кое-что.

— Далеко отсюда — где течет река Обь. Небось, и не слышали о ней? Дом стоит родительский, правда, пустой уже. А что мне одному в нем делать? Там и лечить некого — народ крепкий.

— А чудеса у вас какие там есть?

— Так как везде, думаю.

Возница оглянулся на тянувшийся за ним обоз, сказал:

— Мы вон с ними, со всеми, в эту ночь что видели. Сидим, значит, у огня, кашу варим, вдруг видим — летит. Да. Низко, прямо листья задевает. И поет что-то.

— Сойка, что ли?

— Какая там сойка! Я же говорю — девка. Мы завопили от страха, а она засмеялась и улетела. Раньше-то и русалки водились, и ведьмаки, и эти, которые летают. Но теперь их,

видать, мало. Однако ж — довелось увидеть. Русалок-то наши встречали, а вот чтоб по воздуху... В ваших краях как с этим?

— Так чего ж, — сказал Алексей. — У нас тайга, у нас всяко бывает, и на плавающих я насмотрелся, и на летающих... Вы у костра вино пили?

— А как же! — кивнул возница.

Глава 2.

Пыль в глаза

Помещик Борис Васильевич Бугаев был нраву нервного. Доставалось от него и огромному кавказскому псу Гавро, сидящему на тяжелой цепи, и дворовым людям, и пустельге, живущей на старой груше и ворующей цыплят. Всех Борис Васильевич костерил почем зря, но не только дворовые, а даже, кажется, собака с соколком только делали вид, что пугались барина, а в душе все смеялись над ним.

Было у барина то, что вызывало смех. Росту он выдался немалого, и весил за семь пудов, но голос имел хиленький и срывающийся, как у подростка. Да и во всем огромном теле его ощущалась не сила, а рыхлость, — так тесто пухнет от хмелевых дрожжей. Осознавая свою слабость, стал Бугаев донельзя раздражительным, орал на всех, кроме супруги

своей, Софьи Алексеевны. Эта дородная женщина была действительно крепка, но точно выразился однажды сосед Бугаевых, старый вояка Федор Назаров, почёсывая седую бороду: «Хороша кобылица, да необъезженная». Не хватало на нее силёнок Борису Васильевичу. Муж возле нее крутился волчком, любую прихоть исполнял, гулечкой и голубушкой называл, но все это тоже вызывало нездоровые смешки. При таком голубе, мол, птенчики в гнездышке не появятся.

Четыре года, как свадьбу сыграли, а толку-то... С этой еще весны Софья Алексеевна сказала мужу: «Давай лучше спать по раздельности, а то у меня голова болит». А он этому вроде как и рад оказался, всем стал сказывать, что вот, мол, болеет Софья Алексеевна, а когда поправится, тогда и детишки у них, как горох, посыплются. «Она у меня к лекарю Павлу Ивановичу ездила, тот сказал, что есть надежда, только снадобий у него маловато. Найду лучшего специалиста – ни перед чем не остановлюсь, лишь бы моя голубушка выздоровела». Невдомёк ему было, что почти сразу после выше обозначенной поездки, в тот день, когда он бранился с мужиками на дальнем поле, пригласила Софья Алексеевна к себе в дом Федора Назарова, якобы затем, чтоб дверь покосившуюся починить, и тот, дверь починив и еще кое-что

совершив, почесывая брюхо, сказал довольно сам себе: «Вот, стало быть, и объездили кобылицу».

От тех дней еще одна тайна осталась у Софьи Алексеевны, но о ней расскажем, когда придет на то черед.

А пока вернемся в село Бреднево, к тому благословенному часу, когда не озверели еще после росного утра слепни с оводами, хлюпает в барском пруду сазанище, греется на обочине пыльной дороги серая гадюка. Вот она учуяла земную дрожь, значит, едет кто-то, и пора сваливать от неприятностей.

То обоз едет.

Встретил его первым Гавро, два раза кряду гаркнув своё имя, впрочем, без злобы, а так, в качестве приветствия. Обоз как раз поравнялся с высоким журавелем колодца и тут остановился. Мужики стали воду пить, кур поить, старшой направился в сторону появившегося у ворот своего дома Бориса Васильевича:

— Наше почтение, барин. Ох и сложно же к вам добираться! Меж болотами, да брод вязкий, да дорога березняком зарастает у змеиной балки. Кто не знает, тот ваше Бреднево и не найдет.

— И чего ж в этом плохого? Пусть не находит, нам тут чужих не надо. Землицы немного, но хорошая, сады вон какие, яблоки не чета вашим, и грибов больше.

— Тоже верно. Вы вроде две телеги хотели к нам пристроить, так вот, мы здесь.

— Пристрою, уже груженные. Глядите только, воры эдакие, не ополовиньте их до ярмарки.

— Так вы ж со своими людьми товар отправляете.

— А мои что? Такие же воры. — Цепким взглядом оглядев обоз, он увидел Алексея, сидевшего на подводе. Одежда его, отличавшаяся от прочих, — доброго сукна куртка, не лапти, а сапоги, саквояж на коленях, — заставила Бугаева удивиться. — Это что за фрукт?

— Это, барин, лекарь знатный, которого аж с таёжных краёв бояре в Москву затребовали. Мы до яма его довезем, а там он карету возьмет и в саму столицу поедет.

— Сукин ты сын! Чего с телег начинаешь, что с телегами станется? Ты мне про знахаря больше поведай. Молодой, смотрю. Не самозванец какой, а?

— Нет, барин. Он ведь у Павла Ивановича гостил, Павел Иванович за него и попросил, чтоб довезли, значит. А когда ехали, с телеги всё спрыгивал, траву нужную рвал, по-научному ее обзывал. А самозванцу трава разве нужна?

Такой ответ показался Борису Васильевичу до того убедительным, что он отодвинул с дороги старшего и грузно зашагал к Алексею.

— Натрясло, небось? – спросил подходя.

— Не карета, конечно, но все ж быстрее, чем пешком, — ответил Алексей.

— А ты, стало быть, торопишься?

— Не очень, чтобы, однако, когда тебя ждут, чего ж медлить, — малость туманно произнес парень.

— Обоз часок стоять будет, так что приглашаю щей перекусить.

— Да нет, я не голодный.

Борису Васильевичу очень понравилось, что лекарь в гости не рвётся и даже от обеда отказывается. Похоже, вправду в Москву направляется.

— Не секрет, кому в столице знахарь понадобился?

Парень немного задумался, но ответил:

— Вообще-то языком чесать о чужих болячках... Но тут вроде дело не тайное: к княгине Колобовой еду. Только не к старой, у которой родимое пятно на правой руке, – старую я прошлым летом от падучей излечил. Ей даже из Италии лекаря присылали, а помог я. Потому мне весточку сейчас и прислала, чтоб я её дочь, Василину, посмотрел.

Откуда Бугаеву знать о московских князьях?! Но больно уж убедительно парень говорит, да еще и с подробностями. Разве про родимое пятно выдумашь? И потом, речь он строит, словно Борис Васильевич не может не знать княгиню Колобову, у которой была падучая-то. Это льстит.

— А у Василины та же болезнь, значит? — барин спросил так, будто сто лет знаком с этой Василиной.

— Нет. Она за князя Удальцова замуж вышла, и никак у них деточек нет.

— И ты, выходит...

— Для меня это как раз плёвое дело. Могу, правда, ошибиться, мальчик там, или девочка...

— Травы? — спросил Бугаев, остекленевшим взглядом уставившись на саквояж. — Травы такое чудо творят?

— Не только. Это сложное дело, в двух словах не расскажешь...

— И не надо. Ты вот что, ты не отказывайся, коль тебя барин приглашает, понятно? Этак у нас не принято. Я хочу с таким известным лекарем за столом посидеть, наливки выпить — разве можно просьбу не уважить? А обоз не денется никуда, даже если и соберется, подождет, сколько надо.

Ломаться дальше действительно было нельзя, Алексей взял саквояж, пошел впереди хозяина к дому. При виде

незнакомому человека насторожился Гавро, взъерошил было шерсть на загривке, но Бугаев решительно, насколько позволял это писклявый голос, прикрикнул на него, а парню пояснил:

— Сторож — каких свет не видел. В ключья разорвет, если без хозяина.

Комнаты были богатыми, даже с полами деревянными, а не земляными. В одной висели две клетки с чижами и одна пустая. Бугаев закрыл за собой дверь, на окна занавески опустил, объяснив:

— Мухи житья не дают.

Алексей только улыбался про себя: всё, мол, понятно, и сказка про собаку, и история про мух. Интересно, и наливки не будет?

Но наливку хозяин выставил. Наливка вправду была хороша. Когда выпили по второй, к ним вошла Софья Алексеевна. У Павла Ивановича Алексей видел её мельком, но узнал тотчас. И надеялся, чтоб она его не признала. Баре, конечно, чужих слуг не запоминают, но у женщин глаз острый...

Вроде обошлось. Софья Алексеевна показалась и ушла.

— Тошнит ее от еды, — пояснил Бугаев. — Видно, отравилась чем-то. Со мной такое тоже бывает.

Алексей давно уже слышал скрип уходящих подвод, но лишь когда звуки эти стихли, поднялся из-за стола:

— Не опоздать бы. Взгляну все же на мужиков.

Бугаев захихикал:

— А что на них смотреть? Уехал твой обоз. Это я распорядился, что как только мы в дом войдем... Ты не дури только, Гавро зверь серьёзный. И потом, у меня Пашка есть. Урод уродом, но знает, почему я его держу. Если кто плохое против меня или Софьи Алексеевны замыслит – стрелу точно пустит. Для того я ему самострел купил.

Алексей вышел за порог дома. Пыль на дороге, сначала прямой, как стрела, а потом изгибающейся по берегу речки, уже улеглась. Хвост обоза на его глазах втянулся в темный сосновый лес. Пес выбрал хорошую позицию, перегородив парню путь к калитке. Он строго постанывал, ощерив острые зубы.

— Молодец, Гавро, молодец, — Бугаев вышел из-за спины Алексея, потрепал собаку по холке. — Но лекаря этого не трожь, он вроде ничего человек.

В саду спиной к ним стоял Пашка – Алексей без труда узнал в нем кучера, приезжавшего накануне с запиской к хозяину. На высоком пне стояло гнилое яблоко. Пашка выстрелил в него – только клочья полетели от плода.

Встречаться сейчас с Пашкой Алексею по известной причине не хотелось.

— Зачем я вам, Борис Васильевич? — спросил Алексей лишь потому, что нельзя было не спросить.

— Раз оставил у себя, значит, нужен. А когда не нужным станешь, сам довезу. Не до Москвы, конечно, но до яма доставлю.

Глава 3.

Странные дела

Поначалу Борис Васильевич хотел самолично присутствовать при том, как лекарь будет осматривать его жену. Как знать, сумел бы его переубедить Алексей или нет, но в дело вмешалась сама Софья Алексеевна, строго сказав мужу:

— Будто у тебя других дел нет, как слушать о женских болячках.

— Я, гулечка, только потому, что может помочь чем сразу.

— Да чем ты там можешь помочь!..

Бугаев вышел, прошел мимо окна, и было слышно, как он кричит кому-то:

— Лоза жесткая сейчас, не май месяц, потому вымачивайте ее получше!

— Корзины плетут? — спросил Алексей.

Барыня неохотно ответила:

— Нет, розги готовят, пороть девку будут... Что, знахарь, заголяться мне, или как? — она уже держала руки на поясе халата.

— Софья Алексеевна, я не знахарь, я вам сейчас всё расскажу...

— Да что там рассказывать! Я вроде не дуручка, я почти всё и так поняла, когда только увидела тебя тут. Ты у Павла Ивановича в прислуге, так ведь?

— У вас хорошая память.

— И он тебя, значит, прислал сюда. — Она посмотрела на саквояж. — Деньги, что ли, передал?

— Нет.

Взгляд ее, заискрившийся было, потух:

— Тогда чего ж? Если без денег, то зачем приехал?

— Иногда мозги иметь даже лучше, чем деньги. Пока я ехал, план один у меня возник. Муж ваш останется в уверенности, что рожаете вы от него. Только для этого, к примеру, прямо сегодня приласкайте его хорошенько...

— От ласк моих мало толку, — Софья Алексеевна недовольно сжала губы. — Как же это, Павел Иванович лекарь такой известный — и денег нет? Все ж несут, небось?

— Так он мало берет.

— Как это — мало? Где это видано, чтоб мало брал, раз несут? У нас так не положено, уважать не будут.

— Это правильно, но он лечит хорошо, Софья Алексеевна, потому к нему и идут.

— Блаженный, — сказала барыня. — Я было думала, что он лишь с меня не пожелал брать, потому как по-другому с ним расплатилась. Ах, его бы в мои руки... Постой, но деревенька ведь за ним числится? Пусть продает!

Алексей уже был готов к такому предложению, и потому ответил не раздумывая:

— Найти сейчас покупателя да оформить всё — это сколько времени надо? Живот уже под халатом не поместится, а то и родить успеете. И потом, Софья Алексеевна, о деньгах можно говорить с моим барином хоть через месяц, это поздно не будет, а вот брюхатость вашу от мужа скоро не скрыть.

Женщина вправду была не дурочка, обдумывала доводы Алексея недолго, потом тяжело вздохнула:

— Говори, что делать.

— Пока ваша задача — мужа растормошить да приголубить со всех сил.

— Боюсь, не получится.

— Получится. Я ему настой травы дам, она иногда и вправду помогает, а главное — чтоб он поверил, что помогает, да вы подыграете. Ведь недаром же говорят, что коль женщина захочет, и мертвый спляшет. А в остальном на меня положитесь.

— Ладно. Только когда домой вернешься, Павлу Ивановичу сразу же за деньги скажи...

Едва Алексей вышел из дома, как рядом с ним оказался Бугаев.

— И что скажешь? — спросил он с надеждой, но горестные нотки все же прорвались в его тонком голоске. Алексею даже показалось, что в крупных коровьих глазах барина блеснули слезы.

— Были случаи сложнее, Борис Васильевич. Вот, к примеру, княгиня Семенова захотела родить, та, у которой муж генерал. Генералу семьдесят, ей двадцать два, да еще оспой переболела. С нею мне пришлось повозиться, да. Но девочку родила. Прелестную такую девочку.

Барин наморщил лоб, соображая, к чему это знахарь рассказывает ему о княгине и генерале. Так ничего и не понял, потому еще более опечалился.

— Значит, оспой надо заболеть, иначе никак не родит моя голубушка.

— Почему не родит? Очень даже родит, я дал ей снадобье, с сегодняшнего вечера она будет абсолютно здоровой.

До барина что-то стало доходить:

— То есть, это как понимать? Когда родить может?

— Да когда пожелаете. Для этого, конечно, надо с ней... это самое... У вас с этим проблем-то нету?

Бугаев не слишком убедительно выпятил грудь и заколыхал животом:

— Какие могут быть проблемы?!

— Смотрите, а то я и в этом мог бы помочь.

Алексей со скучающим видом прошагал было в угол двора, где росла огромная яблоня, выбирая, какой бы плод сорвать, но Борис Васильевич положил ему на плечо руку:

— Помоги. А что, если еще лучше смогу...

Алексей тряхнул саквояжем:

— Есть капли, можно в вино добавить, станете как молодой жеребец. Во всяком случае, тому же генералу Семенову очень помогло, хотя семьдесят и во время войны

еще осколок ему попал... ну, в общем куда не надо было попадать.

— Пойдем! – Борис Васильевич потянул его за собой в дом. – Вино у меня и свежее есть, и прошлого года. Какое лучше?

— А чего торопиться? – пожал плечами Алексей. – Вы же хотели еще по хозяйству управиться, розги, я слышал, замачивали.

— Надо Наташку высечь... Но с нею завтра займусь. Пойдем, пойдем, покажешь, что за капли у тебя.

Уже у двери Алексей спросил:

— А за что девку сечь собрались?

Бугаев показал на макушку яблони:

— На ветке, которая в эту сторону наклонилась, яблоко росло – ну что мой кулак! Сорвала!

— Быть не может, туда не долезть, там ветки все тонкие.

— Так она и не лазала. Взлетела, сорвала и умчалась. Слушай, а у тебя капель никаких нет, чтоб она не летала? Девка вроде неплохая, шьет хорошо, но вот беда у нее такая. К нам сюда, как ты знаешь, дотопать трудно, а и то земской ярыжка Никодим уже приходил, интересовался. Могут же, как ведьму, и на костер ее призвать, а мне жалко. Я вообще такой: ну летает – и пусть летает. А за яблоко наказать надо.

— Мне с вашей Наташкой поговорить можно?

— А чего ж. Завтра, когда выпорют ее, и поговори. Только саквояж свой давай сюда, чтоб не сбежал. Без него ты, я так понимаю, никуда не денешься. Чего тебе в Москве без него делать?

Глава 4.

Седьмая находка

Федор Назаров, несмотря на свой солидный возраст, выглядел хорошо. Годы спину не согнули, в теле оставалась сила, и только глаза подсели. Что самое интересное, при солнце они работать отказывались, как Федор ни таращился, а все камни да коряги его были. Другое дело – вечер, а то и лунные ночи. Вот тогда днем уже выцветшие зрачки его зеленели, и он становился зорким как кот.

Кажется, что делать такому коту ночью в деревенской глуши, ведь не мышей же ловить, в самом деле!?

Назаров мышей и не ловил.

А занимался делом весьма странным и непонятным.

Однажды это заметила старуха Ольга Харитонова, соседка. Вообще-то она была ровесницей Назарову, даже, может быть, чуток моложе, и когда он только появился здесь,

то захаживал в гости не только для того, чтоб похлебать щей. Может, и начали бы век коротать под одной крышей, вместе, но бусорный Федька ни одной юбки не пропускал, с этой целью и до других деревень бегал, вот и отвернулась она от него, стала жить с мужичком тихим, порядочным, работающим. Умер он, давно, уже лет десять назад. А женщину в годах одиночество еще больше старит. Вот и превратилась Харитонова в старуху.

День-деньской работа – на барина, на себя, так что к заходу солнца падала женщина на соломенный матрас и спала до ранней зари. Но с некоторых пор, хоть и занята была столько, сколько прежде, во сне стала нуждаться всё меньше и меньше. Допоздна сидела на глиняной завалинке, перепелок слушала, филина, а в избу заходила лишь когда опускалась на землю свежесть зарождающегося дня.

Так было и на этот раз. Сидит, значит, баба Ольга на свежем воздухе, смотрит через огород на реку да на лес, вдруг видит, сквозь редкий орешниковый забор, отделяющий ее двор от соседнего, лезет что-то – черное, большое. А как раз репа поспела, и тыква в первый раз уродилась – барин по прошлой осени три семечка дал, и она их сполна у него отработала. Вот первая мысль и была: дикие кабаны почуяли пищу, пришли полакомиться. С кабанами шутить нельзя, с

палкой на вепря не пойдешь, и потому решила она, что сейчас закричит что есть мочи, а потом бегом в избу и запрется. Но пригляделась – не похоже на кабана. Тут еще луна из-за тучи выблеснула...

Господи, да это же Федор на карачках ползает! То ли пьяный, то ли плохо ему?

— Сосед, ты чего это в моем огороде делаешь?

Голос у бабы Ольги сохранился резким, звонким, и Назаров аж подпрыгнул от неожиданности. Потом подошел, сел рядом.

— Понимаешь, бежал я тут, да и обронил перстенок, обычный такой, белый. Ты не встречала?

— Когда ж в последний раз по чужим огородам бегал?

— Давно. Еще когда к тебе ходил щи хлебать да на соломе тебя валял.

Харитоновна толкнула его сухоньким кулаком в плечо:

— Замолчи, дурило!

— Замолчал бы, так ты же опять выпытывать будешь.

— Буду. Чего-то ты замалчиваешь, Федор. Хороводились мы с тобой когда? Лет тридцать назад. А о перстне сейчас только вспомнил. Да еще ночью.

— Днем глаза болят, слепнут от света, — сказал Назаров.

— Это только половина правды, — и баба Ольга покачала головой. — Раньше-то глаза у тебя были — каждую юбку замечал за версту, а о перстне своем и не вспоминал. Чего сейчас приспичило?

— А ничего. Просто вспомнилось, да так, что спать не могу.

Федор, конечно, лгал.

О перстнях он действительно забыл на многие годы. Хотя тут и остался-то из-за них. Так соображал: ларец в котомке разбойника, когда тот схватил его у стрельцов, раскрылся, а в котомке, это Федор рассмотрел, прореха была, вот через нее и потерялись перстни. Надо, значит, тут обосноваться на время и искать их. После черного моря каждая вторая изба без хозяев осталась, в одну из них и вселился пятидесятник, поначалу тем только и занимался, что перстни искал. Но от леса, где пришлось с разбойниками сразиться, до терновника, где он ларец подобрал, путь неблизкий, считай, верст десять, и попробуй найти пропажу-то. А еще — дожди, да пыль, да листва с травой землю покрывают... Да и жрать же что-то надо, не всё ж на любовниц надеяться.

Пришлось избу чинить, грядки копать, грибы солить, дрова рубить. В общем, года через два, найдя шесть перстеньков, хоть под ноги все же и вглядывался, остыл он к

ним. Понимал, конечно, что жизнь тут тяжелая, не то, что в стрелецком полку Егора Лутохина, да еще в среде начальных людей, которых теперь офицерами зовут, но как в Москву возвращаться?

Признаваться, что разбойники стрельцов погубили, пока он с девками утешался? А еще ведь стрелец Григорий Лукьянов, которого он с полдороги с сообщением к Лутохину послал, доложил полковнику о встрече с восточными людьми и о перстеньке чудесном, посему и спросит в первую очередь Лутохин, где он, перстенок? Где денежки, которые выдали Назарову на дорогу? А они ведь по копеечке быстро растекались, без них жизнь бы даже тут не сложилась. Конечно, осталось малость на черный день...

Кто знает, вспомнил бы когда еще Федор о перстнях, но тут в Бреднево появился земской ярыжка Никодим, мужичок никчёмный, хилый, только к выпивке и горазд. Назаров его не боялся, он жил уже в селе столько, сколько Никодиму от роду, и никаких подозрений потому у ярыжки не вызывал. Но как услышал Назаров, что по долгу службы Никодим в Москве недавно побывал, так сразу его на чарку и пригласил. А побывал он потому, что по этому краю везли из сибирской стороны в столицу важного вора, бежавшего с полковой казной и дочкой купца. У одного из охранников начался жар,

его оставили при монастыре в лекарской палате, а заменили Никодимом. Так ярыжка и увидел златоглавую.

Стал было он описывать красоты столицы Федору, да тот только для виду языком цокал, а сам разговор на другую тему переводил: видал ли стрельцов, да в какого цвета кафтанах, да петлицы какие, да о чем они меж собой говорят, да не вспоминает ли кто, что в старину комета над Москвой пролетала...

— Я больше по кабакам сидел, дядя Федор, — отвечал Никодим. — А туда стрельцы редко заходят. Нет, один правда, был, но тот сумасшедший. Тот всё вино за чужой счет пил и сказки рассказывал, что самолично с царём встречался. И говорил батюшке, что вот везут ему с дальних земель перстень, который, если правильно на палец надеть, чудеса показывает и в другие места переносит. А царь ему за это пообещал: если привезут — полковником сделаю и золота отсыплю столько, сколько поднимешь. А если не привезут — так высеку, сукина сына, что задницы год чувствовать не будешь. У него-то, у стрельца этого, тоже перстень есть, только вроде обычный, не волшебный, толку от него никакого.

Несмотря на худобу и малый рост, пил ярыжка исправно и держался молодцом. Хорошая, видно, закалка у него была в этом деле.

— И как зовут стрельца?

— Фамилии не упомню, да он, видно, её и сам забыл, коль ум пропил, и такое болтает. А зовут Гришкой-стрельцом.

— И чем у него с царём всё закончилось?

— Так ясно, чем. Выпороли его, как и обещали. Гришка желающим задницу поротую показывал – за чарку. А его за это взяли и в подвалы посадили. Ну и правильно. Нечего брехать. Хотя, есть и те, которые верят. Есть. Но ты, дядя Федя, другое мне скажи. Я чего сюда приперся: слышал, девки у вас тут летают, так, нет?

— Это такая же сказка, как и о перстне, — отвечал Назаров. — Кто ее, интересно, выдумал? Ну да, может, одна, две и летают, а чтоб все – неправда!

— Да пусть хоть и одна, — сказал Никодим. — Всё равно это непорядок. В Москве вот не летает никто, а чего ж у нас? Кто разрешил?

— Так в Москве и русалок ныне не водится, — развел руками Назаров. — И леших, поди, там нет? И лесных мужиков? А у нас другое. Я, к примеру, на Змеиной гати сам

русалку видел. Хорошенькую. Лицо только с зеленью, а так – ничего.

Никодим зачем-то внимательно осмотрел углы избы, затем встал, плотнее закрыл дверь и вновь вернулся к чарке:

— Я, дядя Федя, этим летом за груздями пошел. Сто раз туда ходил, дорогу знаю. Ручей, что в реку течет, потом по балке, где березняк, потом ручей, который только по весне с водой, через горелый лес...

— Знаю, — кивнул Назаров. — Хороший там груздь. Мы им как раз сейчас закусываем.

— А я не собрал. И больше туда ни ногой. Говорю ж тебе, знаю там всё, а в тот день еще и солнце светило, никак не можно было заблудиться, понимаешь? Я полпестеря нарезал в старом ельнике, поворачиваю, чтоб на поляны выйти...

— Где иван-чай рвут? Ох и пахучий он там, когда высушить правильно.

— Точно, где иван-чай. Иду – нету поляны, хотя давно должна быть. Останавливаюсь, осматриваюсь – всё незнакомо, ничего не угадываю. Меня аж пот прошиб. Туда, сюда – всё чащобы, да звуки утробные, вроде медвежьих... — Он еще раз покосился на дверь, стараясь убедиться, что их никто не слышит. — И тут вижу, он выходит, расту – я ему по пояс.

— Кто – он? – спросил Федор, наполняя чарки.

— Шут его знает, кто. Голый, в волосах... Лесной мужик. Палец длинный, темный, кривой, и он этим пальцем мне за спину показывает. А сам смеется, вроде блеет. Я как ломанул от него... Потому тоже могу сказать – видел. А вот если б ты мне обо всем этом говорил – не поверил бы.

— Леший, – убедительно сказал Федор. – Домовые поменьше – так, с вершок. Правда, я их всего пару раз и видел. А в лесу – леший, конечно. Большой да волосатый. Мычит, как глухонемой. Их мало сейчас стало, так что, считай, тебе повезло.

— Не нужно мне такое везение... Ну, лешие – ладно, русалки – ладно, а вот чтоб летали – непорядок это. Если летают, я доложить должен, кому следует, споймаем мы эту летунью, в яму ее темную, без воды и хлеба... Ты знаешь, кто она?

— Не знаю.

— А вот я слышал краем уха – Натальей ее зовут. Где живет, не подскажешь?

— Имя хорошее. У нас, почитай, каждая вторая Наталья. Вот и соседка моя, через избу. Одинокая растет, без отца-матери. Лет семнадцать ей, наверное.

— Не дурнушка?

— Да я к молодым не приглядываюсь. Мать-то у нее ничего была. А ты женат, Никодим?

Тот стушевался:

— Нет... Пока...

— А чего? Тебе бы уже пора.

— Так меня в городе все девки знают, кто ж пойдет. Я уж готов где в селе невесту отыскать.

— Вот Наталью и бери! Договорись с барыней, а сама девка в городе-то жить не откажется, думаю.

— А чего ж отказываться. У меня и денежка водится, чтоб конфеты ей покупать. Давай еще по одной для храбрости выпьем — и прямо сейчас зайду к ней, только избу покажи.

— Покажу. Значит, за перстень золота обещали столько, сколько поднять можно?

— И звание полковника. Только всё это сказки — про перстень. А сапоги яловые можешь заработать, если девушку летающую сыщешь.

Вышли на улицу. Пьяненький ярыжка попробовал распрямить впалую свою грудь и пошел к избе, указанной Назаровым. Федор остался стоять у сосны, улыбаясь в бороду. Он угадывал, чем всё это закончится.

Громко постучал в дверь ярыжка. Та скрипнула, открылась. Дальше разговор пошел. Слов издали не

расслышать, только последнюю фразу девка во весь голос произнесла:

— Куда руки тянешь? Ах ты ирод, я тебе полапаю сейчас!..

Хорошо она ярыжку двинула, тот даже трезвый бы на ногах не удержался, он аж вякнул, бедный, как кошка, которой на хребет наступили. Дверь избы захлопнулась, Никодим поднялся, нетвердо побежал к своей лошади, мимо Назарова, впрочем, не заметив его, а на бегу бурчал под нос:

— До потолка взлетела! Зависла там как звездочка. Или вино такое крепкое, а? Но красивая! Моей будет. Всё сделаю. Пусть попробует отказать...

Уехал. А бывший пятидесятник Федор Назаров, памятуя про золото и звание, с той ночи опять начал по земле ползать, каждый бугорок ощупывать, представлять, каким маршрутом мог бежать вор с ларцем к терновнику. Выходило по его расчетам, что и по огородам Ольги Харитоновой мог. Потому в эту лунную ночь оказался Федор здесь. Ольге сказал, сколько и надо было сказать, больше ей знать не нужно. Да и об этом стоило бы умолчать. Ну да ладно. Хотел он уже было подняться с завалинки и домой топать, как Харитонова сказала будто колом по голове шибанула:

— Находила я что-то на колечко похожее, или на перстень. Давно. Грядки копала, гляжу – блестит что-то. Ржа

его не взяла, хоть и в земле. Кольцо и кольцо, куда его по хозяйству?

— Выкинула? — сразу же севшим голосом спросил Федор.

— Наверное. А может, лежит в шкатулке, я туда сто лет не заглядывала.

— Ну так загляни.

— А и то. Ты только тут сиди, не подглядывай. У меня там ничего особого нет, а всё ж...

Минуты через две вышла Харитоновна, протягивает ему перстень:

— Не этот ли?

Листья виноградные и зверь крылатый.

Схватил он его и домой побежал, даже поблагодарить Ольгу забыл. Та только засмеялась и головой закачала ему вослед.

А Назаров прямо на бегу перстень на палец — одной стороной, потом другой. Остановился, сплюнул:

— Опять забыл! Поначалу-то загадать надо, чего хочешь, а так — конечно, ничего не выйдет.

В избе, не зажигая лучины, на ощупь, достал из потайного места ларец, раскрыл, положил туда еще один перстень.

Теперь их там стало семь.

Глава 5.

Славное утро

Утро выдалось – каких не знавал еще барин в последние годы. Тучи, говорите, ветер и дождь, говорите? Да что вы понимаете в счастье!

Борис Васильевич в ночной рубахе и колпаке, босиком, выбежал на середину двора, пританцовывая, радостно взвизгивая, сделал круг посреди него, потрепал загривок Гавро, передразнил белохвостого петуха, чем немало того озадачил, и помчался к сеновалу.

В окно за ним с кислой улыбкой наблюдала Софья Алексеевна, и тихо, сама себя утешая, говорила:

— Ну, хотя бы так... Ничего, потерплю... Немного осталось.

Бугаев поймал ее улыбку, расцвел еще больше и забежал... нет, запорхнул при всех своих семи пудах в сарай, забитый душистым сеном.

Тут спал лекарь.

-Алексей! Алёшенька! – барин впервые назвал своего гостя по имени. – Ну-ка вставай, друг мой верный! На кухне

уже гуся жарят, новый бочонок с вином раскрывают! За стол пойдём!

— А что случилось, Борис Васильевич? — стал продирать глаза заспавшийся Алексей. — Праздник сегодня какой?

— Праздник, ох, какой праздник! — прохихикал барин. — У меня с Софьей Алексеевной-то... Получилось! Всё получилось!

Лицо его светилось от радости и глупости.

А Алексей, наоборот, скривился, готовый расплакаться:

— Прости меня, Борис Васильевич! Прости, бога ради! Что я натворил!

— Чего б ни натворил, сегодня всё прощу! — и Бугаев снова стал пританцовывать.

— Такое не прощают. Я забыл предупредить... Понимаешь, ты капли принял, и она отвар выпила... Теперь ребенок раньше положенного родиться может.

— А что, бывает такое?

— Чего ж не бывать? Я по просьбе князя Успенского сделал так, что его жена вообще через четыре месяца родила, но на то причина была, князь в поход уходил, хотел увидеть наследника. Паренёк такой славный родился! Года не исполнилось, а уже бегать начал.

— У меня тоже через четыре?

— Посчитать надо... — Алексей вспомнил, когда приезжала к его барину Софья Алексеевна. — Нет, к началу весны. Но я могу всё отменить, я прямо сейчас снадобье для барыни приготовлю...

— Нет! — Бугаев даже руки вскинул. — И думать так не моги! К весне. Это ж то, что надо! Я же тоже к весне родился. И если он в меня пойдет...

— А в кого же еще! — изумился Алексей.

— Точно! — И барин захохотал. — Это я от счастья прямо соображать перестал. Вставай, гусь готов уже.

Странное дело, но когда они вышли из сенника, тучи разлетелись, солнце дробилось в редких лужицах и мокрой листве, и только ветер был не особо приветлив, уже по-осеннему пупырил кожу. Горячий гусь и крепкое вино пришлись бы к месту.

У двери они столкнулись с по-дорожному одетой барыней.

— Гуленька, ты слышала? Ты родишь у меня, судя по расчетам лекаря, к весне!

— И по моим тоже, — сказала она.

— Чего?

— Я говорю, очень рада, милый мой. Мне сейчас на воздухе, значит, надо больше быть. Проедусь я по природе.

— Конечно, гуленька, конечно, голубушка моя. — Он крикнул. — Кучер, Пашка!

Клоп с бородой появился тотчас. Плохо дело. Хотя, конечно, придумать что-то можно. Бугаев ведь и так знает, что Алексей от лекаря приехал. Да, но он не знает, и не должен знать, что этот Пашка с письмом к лекарю приезжал. Кучер, дурак, сейчас ляпнет об этом.

Тот уже поднял палец на Алексея, рот открыл, и надо было опередить его:

— Головой отныне за барыню отвечаешь! Шаль потеплей захвати, чтоб не простудилась она. И дорогу поровней выбирай, без тряски, понял?

Сказано это было таким тоном, что даже Борис Васильевич убрал живот и вытянулся, словно поставили его в военный ряд. Кучер же, привыкший к послушанию, рванул в избу и потащил из нее в карету одеяло на пуху.

— Ну вот, — процедила Софья Алексеевна. — Постель разорил. Прикажи что-нибудь дураку...

И пошла вслед за Пашкой к карете.

Лошади тронули, аккуратно, мягко, словно тоже напугались Алексея...

В клетках пели чижи, румяный горячий гусь шел под вино за милую душу, прошлогодние сливины, зашитые в нем,

напитались жирком, набухли, стали мягкими и еще более ароматными. Сидеть за таким столом можно было до вечера, но тут загалдела под окнами сельская ребятня:

— Ведут, ведут! Заголять до задницы будут! Айда смотреть!

— Вот черт, — сказал Борис Васильевич. — Я и забыл совсем: на сегодня же назначено Наташку сечь. Пойду оденусь.

Через пару минут они вышли во двор. Как раз в это время к калитке два мужика подвели всклокоченную и чумазую девку — как корову, на веревке, обкрученной вокруг ее стана, для того, чтоб не улетела, значит. Следом за ними тянулись десятка два взрослых сельчан и тут же крутилась детвора. Все они шли как на праздник. Порка — она ведь не каждый день бывает.

На скотном дворе стоял уже голый топчан, а возле него — таз с соленой водой и розгами. Но девка остановилась поначалу возле кадушки с чистой дождевой водой:

— Барин, дозвожь умыться, в сараюшке, где ночевать пришлось, паутина да гарь от печки.

Бугаев посмотрел на Алексея:

— Дозволим, а? Умываться — оно ведь все равно надо. Только воду всю не погань. Кто-нибудь... Ты, Федор, возьми ковш, слей ей сколько надо.

Федор Назаров с явным удовольствием, оглаживая бороду, взял ковш, тонкой струйкой стал лить воду на руки Наталье. Та вновь попросила:

— Отрубей дай, барин. Без них рожа будет, а не лицо.

Принесли ей отруби, она захватила пригоршню, намочила, стала растирать щеки, лоб, затем долго и тщательно всё смывала, наконец подставила лицо солнцу. Бугаев стал объяснять:

— Я, дура, почему тебя наказываю? Если не накажу, ты рано или поздно к Никодиму попадешь, а там уже лупят так лупят, со спины кожу до пяток спустят. Летаешь — летай, только чтоб тебя никто не видел. А то, понимаешь ли, яблоки воровать... Э, Федор, ты чего воду понапрасну разливаешь?

Из ковша, который держал Федор, на землю лилась тонкая струйка, а сам он, открыв рот, смотрел на Наталью. Только сегодня утром, узнав о том, что кого-то там сечь будут на барском дворе, он бормотал себе под нос: что, мол, за глупости, кто тут летать может? Это восточные люди — да, он сам видел, как одна голая девка по воде аки посуху шагала, а потом к одежде своей подлетела. Девка как девка была, под

ним трепыхалась не лучше и не хуже других, ногти свои в спину ему запускала. Звали ее по чудному – Нэя. Лицо ее он до сих пор помнит, даже родинку маленькую на скуле...

Потому-то сейчас он рот и раскрыл: глаза те же, нос тот же, а главное – вот она, родинка. Как же такое быть может? И не так бы он еще удивился, кабы не летала Наталья как давняя его знакомица...

— Федор, тебе говорю, чего воду зазря льешь?!

Только сейчас Назаров расслышал слова барина, поставил ковш, отошел, поглаживая седой свой чуб, и всё не спуская глаз Натальи. По соседству вроде живут, а вот как-то не довелось раньше присмотреться...

Вовсю глядел на нее и Алексей, но как раз по другой причине. По той, по которой двадцатилетние парни разглядывают и оценивают новых девок. Хороша, отметил он про себя, хоть и не то, чтоб сердце сразу забилося. Так, для хоровода разве что... И тронул за плечо Бугаева, уже направившегося было к скотному двору:

— А может, еще по чарке?

Тот согласно дернул головой, а мужикам с веревками приказал:

— Пока ведите. Без нас не начинать!

Выпили, сливами закусили. Барин еще раз сказал:

— Ах, какой же у меня праздник сегодня! Ты мне еще капель этих дашь?

— Дам, конечно. Но что сказать хочу, Борис Васильевич: в такой для вас день — и девку пороть, а? По большим праздникам даже цари преступников щадят.

Барин нерешительно возразил:

— Так я говорю, для её же пользы. Чтоб впредь с умом поступала. Если она Никодиму попадет...

— Не попадет, Борис Васильевич. Найду я для нее снадобье. Забудет, что такое — летать.

Выпили еще по одной. Бугаев, обсасывая гусиную косточку, спросил:

— А точно говоришь, цари щадят?

— Да что ж мне врать!

Барин еще некоторое время подумал, потом изрёк:

— Девка работающая, понимаешь? И пряжу прядёт, и ткани шьёт, и квасы ставит. Вроде даже жалко, потому как придется ей отлеживаться дня три. Наши-то дураки если порют кого-то, то на совесть. Вот если б можно было вместо нее кого другого, потому что народ уже собрался...

— За народ переживать не надо, Борис Васильевич, — успокоил его Алексей. — Я народу такое покажу, что он забудет, зачем сюда пришел. — Он оглядел комнату. Ты

только клетку пустую дай на время. И чижа, какого не жалко выпустить.

— Бери, конечно. А чиж... Я тебе сам его споймаю сейчас, не поет, отродье такое. Все другие поют, а он нет.

Так они и вышли на скотный двор, у жердевой изгороди которого уже толпились крестьяне, а детишки проникли даже внутрь его. Наталья стояла у топчана, скучающе позёвывала — наказание, видно, не слишком расстраивало ее. А что, это — обычное дело. Девку все еще держали за веревки.

Бугаев стал лично проверять качество лозы, а Алексей поднял над головой, чтоб всем было видно, клетку с выбракованным чижом.

— Эта птичка живет у барина, ест его харчи, а петь отказывается. Что с ней сделать надо?

Народ обо всём судил по-простому, и тут долго не раздумывал:

— Да голову ей свернуть, а всё!

— А может, выпустить? — спросил Алексей.

Мужики зачесали репы, женщины зашептались между собой, потом загалдели:

— Если каждого выпускать, тогда петь вообще никто не будет! Не, нельзя выпускать. Жрал-жрал задарма, и чего же, выпускать?

— Ладно, тогда мы вот что сделаем, — Алексей поставил клетку с птицей на топчан, осмотрел толпу. — Бабы, кто мне платок на время даст?

Толпа молчала.

— Да мой бери, — сказала Наталья.

Алексей так и сделал. Рыжие волосы ее рассыпались по плечам. Алексей старательно накрыл клетку платком, долго возился с этим, наконец, убедившись, что ни щелки не осталось, спросил:

— Мы чижа по-другому накажем. А как — сейчас узнаете. Кто смелый — подходи ко мне.

Вызвался кривой кузнец Софрон — он всегда и во всем первый старался быть, что в драках, что в питии, по той причине и ногу покалечил. Подошел. Алексей поставил его так, чтоб народу клетка виднее была, потом распорядился:

— Снимай платок.

Кузнец сдернул платок.

В клетке, где только что сидел чиж, возлежала теперь большая белесая змея.

Впервые после того дня, как кузнецу дрыном поломали ногу, она согнулась в колени. Софрон рванул от клетки так, что увидев это, храбрец Гавро тотчас юркнул в конуру. Паника сильного человека передалась более слабым, люд

колыхнулся, заверещал и заорал матом, рассыпался по двору. Барин бежал вместе со всеми, одновременно по-бабьи верещал и по-мужски матерился, и остановился только у ворот, в которые как раз въезжала карета с Софьей Алексеевной. Та сидела с отрешенным видом, с затуманенными глазами, кажется, не замечая и не слыша ничего, и только прижимала к груди букет осенних листьев. Выйдя из кареты, она спокойствием и блаженностью своей как бы пристыдила бредневцев, те опомнились, набрались храбрости оглянуться опять на клетку с гадом. Мат и верещание сменились шёпотом: «Это ж надо! Да как же так! Съел чижика-то! Вот что такое не петь!...»

— Что у вас тут? – спросила барыня и пошла в сторону скотного двора.

Как бы прячась за её спиной, хоть и не умещаясь там габаритами, следом поспешил Борис Васильевич:

— Тут у нас, гуленька... Фокусы тут у нас. Вместо птицы аспид в клетке объявился. Так смешно... Что это у тебя спина вся в еловых иголках? Дай оберу...

— Ах, оставьте, — поморщилась Софья Алексеевна. — И вообще, я тишины хочу, тишины и покоя. Наташка, — увидела она стоявшую у топчана девку. — Мне шить сегодня надо. Сейчас отдохну, поем — а ты не уходи.

И зашла в дом.

— Прочь со двора! — распорядился Бугаев смешным голоском своим, но был тотчас всеми услышан. И вскоре остались здесь лишь Алексей да Наталья. Он размотал с нее и отбросил в сторону веревку, только потом подошел к клетке и вынул из нее змею. Девка безбоязненно подошла, тронула скользкую тварь пальцем, спросила:

— Где словил?

— На сеновале, ночью. Она не ядовитая. Мышей там гоняла. Слушай, а действительно ты у барина яблоко своровала?

— Я. Оно вкусное было. А если бы упало, разбилось бы, и всё.

— Как же ты умудрилась его сорвать?

Наталья рассмеялась, но не ответила, а пошла к Федору Назарову, который с улицы настойчиво манил её пальцем.

— Чего тебе, дядя Федор?

— Слушай, ты же дочь той Глашки, которая три года назад померла?

— Правильно.

— И живешь там же?

— А где еще? В соседях твоих.

— Правильно. А я уж было засомневался. Всё казалось, дитё, дитё. А оно уже и замуж пора, — он улыбнулся, вспомнив, как подослал к ней ярыжку. — Еще скажи: отцом твоим кто был, Наталья?

Та пожала плечами:

— Может, и ты, дядя Федор. Мать сказывала, когда молодой была, ты ей спуску не давал.

— Был грех, — залыбился Назаров. — Только я вот чего хочу сказать, не больно похожа ты на свою мамку. Да и на меня тоже. И потом, ты вправду?..

Тут открыла окно Софья Алексеевна, крикнула:

— Наташка, бегом сюда!

Девка не дослушала Назарова, развернулась, побежала в дом. У порога она столкнулась с барином, который отчитывал кучера Пашку:

— Говорил же тебе следить получше за барыней! Вся спина у неё в хвое, это что?

— Пашка всплескивал руками:

— Мне приказано было от лошади не отлучаться, пока они в лес погулять пошли. Что же я, смотреть должен, как они там кувыркаются?

Борис Васильевич не больно вслушивался в оправдания кучера и продолжал выговаривать:

— Спина в хвое. А сейчас сыро уже. Может и застудить спину-то. Ты это, дурак, понимаешь? Нельзя ей сейчас застуживаться.

— Я так думаю, барин, она там не мерзла.

Наталья прыснула в ладонь и заскочила в комнату барыни.

Глава 6.

Просьба Назарова

Змея в руках Алексея вела себя смирно, лишь нервно подрагивая концом хвоста.

— Не бойся, — сказал ей Алексей. — Пойдем, выпущу. Только не на сеновал, мне там еще спать придется, а ты, пусть и без яду, все же существо не очень для меня приятное. Подлезешь — под горячую руку да спросонья и порешить могу. Потому отнесу тебя в бурьяны.

Бурьяны росли через дорогу, от верха и вниз по склону до самой реки.

На дороге все еще стоял Федор Назаров. Увидев, что несет Алексей и обратив внимание на то, что парень вглядывается вокруг себя, он спросил:

— Каменюку ищешь? Если тебе так тяжело, давай я прибью эту гаду.

— Нет, дядя Федор, я смотрю, куда ее лучше выпустить, где ей уютней будет.

— Выпустить? Зачем? – изумился Назаров.

— А убивать зачем?

Вопрос оказался до того сложным, что Федор не нашел на него ответа, щурясь и прикрывая ладонью глаза от солнца, прошелся с Алексеем с десятков метров и убедился, что парень действительно выпустил змею на волю. Потом спросил:

— А ты откуда меня знаешь?

Алексей пожал плечами:

— И Наталья тебя так назвала, и барин. Чего ж не запомнить?

— Смотри, верно. А тебя кто и как называет?

— Все, кто знают – Алексеем.

— Ты тут по знахарским делам?

— Вроде того. Я вообще-то от обоза отстал, должен был в Москву ехать. Софью Алексеевну лечить теперь буду, чтоб рожать у нее получилось.

— И получится?

— Конечно.

— К весне?

Тут уже удивился Алексей:

— Кто ж это вам сказать успел?

— Э, парень, я это знал, когда ты сюда еще и не доехал. Вот что, винца не хочешь?

— Нет, — сказал Алексей. — Мы с Борисом Васильевичем уже и так хорошо выпили, да под гуся...

— Ну, гуся у меня нет, а разговор есть. Пойдем, покажу, где живу, а?

Избы тянулись между рекой и дорогой, на вид все старые, темные, но поставленные из лиственницы, и потому — на долгие годы. В одном месте село, как и река, изгибалось, и на изгибе этом лес вплотную подходил к дворам, потому они казались меньше и сумрачнее прочих. Одна изба вообще терялась среди елей, и Назаров пояснил:

— Тут Наталья живет. Я ее мать, оказывается, хорошо знал. А на нее никогда внимания до сего дня не обращал. Ну дитё и дитё. А вот поди ж ты — летает.

— Вы верите этому? — не скрывая улыбки, спросил Алексей.

— Не верят те, кто не видел летающих-то, — рассудительно ответил Назаров.

— Выходит, вы видели?

— Старые люди почти все видели. И я видел. Давно, правда, даже забывать начал, порой казалось, что это уже так — придумка. — Покосившись на собеседника, Федор сказал обиженно. — Лыбишься, не веришь, значит. Тогда скажи мне, домовые есть?

— Ну, домовые другое дело.

— Правильно, потому что тут они у нас почитай в каждой избе, мы среди болот живем, им и подеваться некуда, а вот из города приезжал мужичок наш, который при храме часовенку ставил, так он сказывал, почти всех домовых там повывели. А вот когда я был таким, как ты, то даже в...

Назаров вовремя прервал себя. Он чуть было не проговорился, что в молодые свои годы, проживая в Москве, бывал несколько раз в доме Егора Лутохина, командира его полка, вхожего в царские палаты, так даже тот ставил у дверцы в подпол миску с молоком — специально, чтоб домового задобрить. И сказывал, что много раз видел, как домовый молоко пьет, чмокает и урчит, и щебечет чего-то по-своему. Сам Лутохин, небось, уже помер, он и тогда еще в годах был. Интересно узнать, стоит ли тот дом, наливает ли в нем кто молоко домовому, или сбежал он из Москвы, а может, помер вместе с хозяином? Хотя нет, домовые, наверное, умирают только вместе с домом...

— Я не понял, чего ты сказать хотел, дядя Федор? Был ты молодым, и что?

— Был и перестал быть. — Назаров повернул к избе, выглядевшей не хуже и не лучше других.

После страшного большого мора тут каждая вторая изба была пустующей, но Федор особо жильё не выбирал, потому как надеялся, что не задержится в Бреднево, найдет все перстни, возвратится в Москву, где получит высокий чин и большое жалованье. Не срослось. Так и вышло, что прижился в селе, одно время решил, что до конца смертного здесь останется, этим летом собрался даже венцы в доме поменять, деревья для этого приглядел, и тут — земской ярыжка Никодим душу растравил. Про то, что жив стрелец Григорий Лукьянов, что говорят в Москве о перстнях, что царь за них много золота обещает. А еще седьмой перстенок нашелся, осталось найти уже меньше, чем лежит в ларце.

Да и это не все причины, по которым захотелось по-новому в столицу умчать. Софья Алексеевна, баба бесстыжая, кобылица ненасытная, не далее как вчера имела с ним разговор. Мол, понесла я от тебя, Назаров, и выход у меня один — бежать отсюда куда глаза глядят. А для этого, Назаров, деньги нужны, знаю, у тебя есть монеты...

Это уже Федор, дурак, проболтался. Когда бабу тискаешь и ублажаешь, язык иногда за зубами не держится, так и хочется лучше себя преподнести. Хотя, он, конечно, ничего и не выдумывал. Жалование убитых стрелцов себе забрал – зачем оно убитым? И ту сумму, что от полковника Лутохина под расписку получил на поездку за кометой, тоже своей считает. А чьей же еще?! Расписка, небось, и сгнить успела...

Кобылице ненасытной ничего он не заплатит. Так ей прямо и сказал. Мол, ежели требовать что еще будешь, признаюсь Борису Васильевичу, от кого у тебя ребенок. Правда, и она пострадала, тем, что ярыжке Никодиму шепнуть может, чтоб он прошлой жизнью Назарова поинтересовался. Скажет, не скажет – а лучше всё-таки в Москву возвратиться. Оно ведь и с Бугаевым выйти может боком. Родит Софья пацана, а у того рожица в Назарова пойдет, нос да уши такие же приметные окажутся, что даже дурак помещик всё поймет. И неясно еще, кому за это больше достанется – жене или Назарову. Когда Федор сможет уехать в Москву, еще вилами по воде писано, может, Софья родит быстрее, потому надо подстраховаться.

— Коль вина не хочешь, то в избу и заходить не будем. Чего там делать? Когда мужик сам живет, в избе у него дух тяжелый, разговору не способствует.

— А о чем ты хочешь со мной поговорить, дядя Федор?

Они уселись на темные пни, которые Назаров всегда использовал вместо стульев.

— А разговор такой будет, — начал Назаров. — Может, ты, Алексей, и вправду знахарь — не знаю. До утра сегодняшнего думал, что брешешь. Но когда увидел, как ты чижа в змею превратил...

Назаров сделал паузу, и Алексей спросил:

— А зачем же мне брехать? У меня целей брехать нет, я у вас по ошибке задержался, от обоза отстал. Никакой выгоды от своих слов не ищу в Бредневе вашем.

Назаров кивнул:

— Вроде всё так. А вот одно не сходится, хоть ты тресни. Не знаю, чем ты там барыню лечил, какие капли Бугаеву давал, а одно сказать могу точно: Софья Алексеевна родила бы к весне все равно.

Алексея слова старика удивили несказанно. Он даже привстал с места, но быстро сообразил, как можно выкрутиться:

— Правильно, не лечил я ее. Но осмотрел Софью Алексеевну и понял, что она дитя ждёт. О том лишь Борису Васильевичу и сказал. А ему капли давал действительно нужные, силу дающие.

Назаров какое-то время размышлял над словами парня, бороду почесывал, потом согласился с ним:

— Так всё сходится. Теперь еще одно скажи: раз ты такой грамотный лекарь, то можешь сделать, чтоб барыня девочку родила?

И опять вопрос поставил Алексея в тупик. Не всё ли равно Назарову, кого родит чужая жена? Почему он так этим озабочен?

— Могу, только не сейчас, а через месяц, может быть... Но я к тому времени вас покину. Меня тут вообще ничего не держит.

— Бугаев не отпустит, пока не убедится, что Софья Алексеевна вправду забрюхатела, — сказал Федор. — И не смотри, что он с виду как опара. Мужики его слушаются. Попробуешь убежать — догонят, скрутят, так напощадают, что сам себя не вылечишь. Я бы помог тебе убежать, но только тогда, когда буду точно знать, что у барыни девочка появится.

— А зачем вам это надо?

— Ну как же... Ведь девочки больше на матерей похожи, так?

— Так.

— А если пацан у нее родится, да с моими ушами, да с моим носом, а?

Теперь до Алексея дошло.

— Так вы... Господи... — Он опять опустил на пень. — Вы, значит, с Софьей Алексеевной...

— И чего же тут такого? — Назаров пожал плечами. — Мне пока капли твои не нужны, без них обхожусь, жены не имею, а желание есть. И коль случай подвернулся... Да если честно, она сама упросила, я без всякой охоты, хоть и на совесть, от души. Но если б знал, чем всё закончится, дом бы её десятой дорогой обошел.

— А чем закончится? Неужели вы думаете, что она мужу признается? Так тихонько и будете жить...

— Жил бы тихонько... Только эта кобыла денег требует. Вроде бежать от барина хочет.

И тут Алексей не выдержал, засмеялся сначала сдерживаясь, а потом уже звонко, что было духу. Вспомнил он причину, по которой сюда приехал, доброго своего барина Павла Ивановича, вчерашний разговор с Софьей Алексеевной о деньгах...

— Ай да баба!

— Ты чего это?

— Да так...

Назарову, конечно, он ничего не сказал, отправился на барскую усадьбу. А Федор вызвался малость проводить его, дошел до избы Натальи, и там они расстались.

Глава 7.

Отчего люди летают

Катилось к закату солнце ранней осени. Лес еще держал грибной запах, но уже заглодали болота, утром отрывались от них туманы и плыли по низинам. Серебристый хохот долетел до ушей Назарова из дальней чащи. Он прислушался, покачал головой:

— Не выпь. Русалки, видно, резвятся. Скоро им зябко станет.

Уже скрылся в кривизне улицы Алексей, а Федор который раз порывался было повернуть и пойти домой, но что-то удерживало его, как только на глаза попадала изба Натальи. Тяжело тогда вздыхал Федор, бубнил под нос: «Нехорошо это, ох, нехорошо! Грех большой! Надо домой идти, щей похлебать».

Уговаривал он себя так, стыдил, а сам свернул с дороги и краем леска, спотыкаясь, словно не по своей воле, пошел к этой самой избе.

Вот о чем думал Назаров. Восточные люди показывали ему перстень, с которым летать можно. Нэя летала, это он сам видел. Не запомнил только, был ли у нее перстень на пальце, не до этого тогда сотнику было.

Умеет ли Наталья летать? О том, что умеет, Бугаеву кучер Пашка сказал, якобы, он сам видел, как девка за яблоком взлетела, яблоко то съела, а потом еще и огрызком в него сверху запустила. Пашка дурак, ему всё и померещиться может. Но о Наталье слухи и без того ходили: видели ее над деревьями. Крыл у нее не было, а вот летать летала.

Что из этого следует? Может, это Нэя родила да ребенка подкинула? Потому и ребенок, значит, на неё похож и летать может. Есть другой вариант: нашла Наталья перстень, тот самый, который восточный человек Орн показывал, загадала вовремя желание да и поднялась вверх? Сегодня он пальцы ее успел осмотреть: не было на них перстня. Значит, или припрятала где в укромном месте, или дома хранит. Барыню она обшивает засветло, потому как при лучине разве что пошьешь? Пока солнце еще в окошко ее избы заглядывает, значит, есть у Назарова время на то, чтоб по углам пошарить. Грех только это, конечно, — в чужую избу без спросу-то. Да искушение сильнее греха...

Дверь чурбаном подперта, это чтоб никакой зверь сюда не влез, и чтоб гости знали, что нет внутри хозяина. Переступил Федор порог, огляделся. В полумраке глаза его видели лучше, чем на свету. Чистенько девка живёт, паутина не висит, полынью пахнет. Веники, значит, из полыни у нее навязаны. Ложка на столе, старая, со щербинками. Надо ей новую вырезать, липу для этого Федор заготовил, — может, и вправду-то это дочка его.

Так, где же тут можно перстенок спрятать? Ага, вот короб плетеный, на крышке что-то лежит, кукла, что ли? Точно, кукла тряпичная, ишь, ноги свесила...

Назаров уже протянул руку, чтоб отставить эту куклу в сторону, но тут случилось невообразимое. Та открыла рот и клацнула зубами прямо перед его пальцами.

— Ишь ты! — удивился Федор. — Как же это она придумала?

И тут лицо куклы, которое только что Назаров посчитал крашеной мешковиной, ожило, губы собрались в злую гримасу, а глаза свернули как у рассерженного хорька.

— Это кто и что придумал? — надтреснуто, по-сорочьи заверещало создание, поднялось на ноги и скрестило руки на груди. — Я тут живу, как только дед Володя избу поставил,

тебя тогда еще на свете не было, собака ты поганая! Чего приперся? Вот я тебе сейчас, сейчас, найду...

Старикашка начал рыться в вещах, разбрасывая их по крышке короба, но Федор не стал дожидаться и любопытничать, что тот искал. Федор поначалу хотел было заорать, но только глотнул для ора воздух, а он застрял в горле. Страх обуял когда-то храброго пятидесятника, да такой страх, что он даже не понял, как очутился вне избы и помчался напрямую, колким молодым ельником, к себе домой.

Только у своего порога выдохнул он полной грудью и опустился на пень: ослабевшие ноги не держали тело. Вытер рукавом мокрое от холодного пота лицо, прикрыл глаза, перед этим покосившись на дверь и поняв, что теперь и в свою избу входить боязно. Хорошо ли это, плохо ли, но в своём жилище домового он ни разу не наблюдал. А сейчас сидит, вспоминает. Три дня назад ночью кружка со стола упала. Хорошая медная кружка, со службы еще оставшаяся. Ничего с ней, конечно, не случилось, но как она сама собой упасть могла? Может, он её, конечно, на край поставил, а мышка по столу бежала и толкнула, — сейчас, под осень, мыши с полей в избы бегут. Но зачем ей кружку толкать, спрашивается? А два дня назад в сенях что-то двигалось и

фырчало. Тогда Федор был уверен, что это ёжик с вечера в сени проскочил, а сейчас уже и не так уверен. Или вот нынешней ночью: на чердаке кто-то топ-топ, топ-топ. Может, куница тех же мышей да спящих воробьев добывала, а может и... Интересно, домовые залезают на чердак? Наверное, залезают. Чердак – это ведь тоже дом. Домовой – он, конечно, большого зла не сделает, но и приятного мало, когда вот так, с чердака, как сиганет на тебя, на голову или на плечо...

И в этот самый миг рассуждений Федор Назаров почувствовал, как кто-то схватил его за плечо! Свалился сверху и схватил! Он не взвыл, не вскочил с места, не заругался даже. Сил у него ни на что не было. Упал бывший храбрый пятидесятник с пня на землю и тотчас опорожнил желудок. Глаза открыл, только знакомый голос услышав. Видит, то не домовый никакой, а Алексей перед ним стоит.

— Дядя Федор, ты чего это?

— Приспал, — соврал Назаров, не вставая. — Черт-те что померещилось.

— А я что к тебе свернулся — по лесу бы походить завтра с утра вдвоем, ты же места знаешь, а я могу и в болото втемяшиться. Корешки покопать, грибов собрать, тропки запомнить.

— В Москву по тропкам не дойдешь, — выстонал Назаров.
— А грибы и корешки — что ж, подходи завтра с утра. Сейчас же иди с богом, оставь меня, мне одному побыть надо.

Алексей внимательно взгляделся в лежавшего:

— Побледнел ты, дядя Федор. Плохо, что ли? Может, помочь чем?

— Уходи, уходи, — махнул рукой Назаров, боясь, что услышит парень исходящую от него вонь. Надо выпроводить лекаря да бегом к реке, помыться, одежду застирать. В избе-то чистой и не осталось, все собирался стирку устроить, да откладывал. Но сегодня же он воды нагрет, избу от грязи выскребет... Да, но как в избу войти? Не поселился ли и в ней этот... со злыми глазами? — Только, Алексей, вначале не зайдешь в избу, не глянешь по углам, а? Мне показалось... показалось, черный хорь заскочил. Ежели под топчан залез, мне, старику, и нагнуться трудно, чтоб выгнать... Возьми дрын покрепче.

— Не то ты говоришь, дядя Федор. Ты ведь хоть куда только что был! Даже барыню оприходовать сумел не так давно...

— Погляди в избе, погляди. А я в речке пока... искупаюсь.

Алексей пожал плечами, вошел в избу, а Назаров в раскорячку побежал вниз по натоптанной тропке к мосткам, которые сам поставил у чистого песчаного залива.

Обошел Алексей избу, все углы осмотрел, ничего не обнаружил, и хотел уж было выходить, как со двора женский голос раздался:

— Дядя Федор, тебя можно на два слова?

Вышел Алексей, увидел Наталью.

— Нет хозяина.

Та кулачки в бока поставила:

— А, вот кто по чужим избам шастает-то. Не принято у нас так. Если нет никого в избе, то и... Чего у меня искал, а?

— Нужно мне по чужим избам ходить, — пожал плечами Алексей. — А тут Назаров попросил меня хоря выгнать, ему показалось, что хорь в дверь вбежал...

— Где же он сам?

— В реке купается.

— Сдурел, что ли? Ильин день когда прошел, вода холодная уже.

— Может, и сдурел.

— Тогда понятно, кто ко мне заглядывал. — Она посмотрела в сторону речки. — Не утонет он там, а?

— Взлети и посмотри, — улыбнулся Алексей.

— Давай вдвоём, — предложила Наталья.

— Я не Бугаев, я в эти сказки не верю. Человеку природой не дано летать. Многое ему дано, а вот летать — нет.

— Ты ведь лекарь? — спросила Наталья. — Тогда скажи, почему люди сами себя не лечат, почему ты для них коренья да травы ищешь и настойки с порошками делаешь?

— Они сами не знают, как лечиться.

— А если б знали?

— Если б знали, тогда другое дело. Но я их еще и убеждаю, что моё снадобье им поможет. Им верить надо, что поможет. Вера — полдела.

Солнце уже зашло за темный лес, сразу же замолкли птицы, зашлепал по воде и довольно горланил песню пришедший в себя Назаров.

— Скажи, Алёша, а вот если поверить, что летать умеешь?

— Это глупость. В глупости верить никак нельзя. Человек существо тяжелое, чтоб в воздух подняться, ему большие крылья нужны. Вот гусь, попустим, полпуда весит, а я почти в десять раз больше, значит, и крылья мне нужны посчитай, какие.

— А мне?

— И тебе метров по пять каждое.

— Без них, значит, никак?

— Ну это же понятно...

Наталья рассмеялась, и вдруг легко оттолкнулась от земли, поднялась выше Алексея, потом на уровень избы, и выше нее. Сказала оттуда:

— Дядя Федор на мостках своих стоит, голый совсем, мокрые портки в руках держит. Ой, а это что? Я сейчас. Ты меня тут подожди, ладно?

Алексей может и не ждал бы, да ноги его приросли к земле. Наталья же сделала в воздухе полукруг и полетела вдоль речки в сторону барского дома.

Назаров в это время поднял глаза, увидел ее, дико заорал и свалился с мостков в реку.

Глава восьмая

Новое действующее лицо

Знаете, что увидела сверху Наталья? Барыню свою Софью Алексеевну, выезжающую из усадьбы на вечерний променад. Это она мужу так сказала:

— Мне теперь прогулки важны. По утрам и вечерам променад совершать буду.

— Я с тобой, гуленька?

— Еще чего!

И покатила карета сначала по проселочной, а потом и по лесной дороге. Дрянью была дорога: петляла среди кустарников и порой так терялась в болотных хлябях, поросших ряской, что человек, не знающий этих мест, вовек бы не догадался, куда надо править оглобли, чтоб выбраться из грязи и чащобы на сухое место. Надо было иметь великую цель и огромное желание, чтоб прокладывать себе этот маршрут. И уж точно не для женских прогулок он был создан.

Так куда же ехала Софья Алексеевна?

Да туда, куда намеренно держали путь с обозом мужики, только не на ярмарку, а в край города, где дубовая роща с одной стороны и старый березняк с трех других ограничили поляну с истоптанной копытами травой.

Тут стоял городской полк.

Полк был как полк, такой, каким и положено ему было быть. Имелись свое знамя, свой барабанщик, и полковая музыка, и пять пушек, и стрельцы-солдаты из свободных гулящих и даточных людей, и командиры большой статьи, средней статьи, малой. Выделить то время можно, пожалуй, тем, что полк как раз перевооружался, впрочем, как и все другие полки, и в ходу тут были одновременно и луки, и самострелы, и пищали замковые, и пищали винтовальные, и

фитильные мушкеты. Вчерашние пятидесятники привыкали к новому званию поручик, сотники становились капитанами...

Стоп, на этом и остановимся. На капитане.

Никита Гоголев – так его звали. Роду он был знатного, с фамилией громкой, небедным прошлым, но никудышным настоящим. Скромным имением да большим садом владела матушка его, всё остальное мот-батюшка Михаил Леонтьевич успел спустить, и сад бы спустил, если б не умер. Никиту отдали на службу с юных лет, служил он не просто исправно, а очень даже искусно, был уже в Смоленском да Черкасском походах, рубился с поляками под Полонкой, и легкий шрам на скуле – это оттуда. Он, впрочем, только украшал Гоголева, делал его на вид старше законных двадцати трех лет, придавал лицу выражение бывалого вояки. В общем, двадцать рублей своих, положенных по жалованию согласно занимаемой статьи, получал Никита честно. Деньги это были немалые, да еще за походы дополнительная копейка шла, и можно было только удивляться, куда они пропадали из его карманов да сундучка. Хотя, найдешь ли такого офицера, у которого в двадцать три года что-то там копится или хотя бы задерживается в карманах и сундучке!? Это у седых полуголов, простите, подполковников кафтан подбит

овчиной, а поручики да капитаны куницу на это заказывают, да галуны золотые у них вместо шнуров, да кушаки обязательно с золотым шитьем, да плащи богатые. А гуляют как! А женщин каких любят!..

Ну да хватит об этом.

В городском полку идут занятия. Новобранцы притащили из березняка огромный ствол поваленного дерева, укладывают его перед земляным валом. Отходят на двадцать пять шагов, строятся перед капитаном Гоголевым. Никита должен обучить их стрельбе. Потом он заберет самых подготовленных и поведет их под Владимир. Там они вольются уже в боевые полки и пойдут в поход. Может, в Литовский, может, опять в Черкасский – батальон ныне хватает.

Пищали у этих солдат новые, кремниевые, они укладывают стволы на бердыши, прицеливаются. Звучат выстрелы, тянет порохом, куски дерева разлетаются по склону вала. Вместе с залпом падает за горизонт солнце, словно и его подбили стрелки.

К Гоголеву подбегает поручик Смирнов:

— Вовремя управились, Никита Кириллович. Гости к вам.

Никита посмотрел в ту сторону, куда кивнул головой поручик. Через разрыв в березняке видна была дорога,

спускающаяся сюда с пологого затянутого холма. Справа и слева от нее покоились поля, одно с почерневшей уже стерней, другое недавно вспаханное. По самой дороге ехала карета. Эту карету здесь уже угадывали. Хозяйка ее нередко подъезжала сюда, останавливала лошадей у крайних берез и начинала прогуливаться около, собирая цветы и взгляды полковых офицеров.

То же самое повторилось и сейчас.

— Хорош бабец! – восхищенно сказал Смирнов. – Круп-то какой, а? Да еще очень славно, что сумерки уже, и лица не разглядеть. Оно, конечно, немножко портит впечатление. Особенно этот носище... носик, простите...

— Поручик, заткнитесь, – лениво, без злобы, ответил Никита. – Учитесь чужому счастью завидовать более сдержанно. Кстати, большой нос, чтоб вы знали, это признак породистости. Такая женщина способна рожать очень здоровых детей.

— У вас что, уже к этому дело идет? – ухмыльнулся Смирнов.

— Не будем трогать данную тему. Софья Алексеевна – радость для плоти, отдушина перед боями. Ты не помнишь пятидесятника Щеголина? Ах, да, как же тебе помнить, ты в походе Смоленском не был. Так вот, Щеголину много лет

было, уже двадцать восемь. Ядро ему ногу оторвало, он у меня на руках умирал. И знаешь, отчего у него слезы текли? Не от боли. Когда понимаешь, что всё уже тебе, ничего не болит. А плакал он, друг мой, по другой причине. Обидно, говорил, жизнь прошла, а женщину так и не поимел. Такие дела.

— Значит, у вас с ней это всё несерьезно? — спросил поручик.

— Что ты считаешь серьезностью, Смирнов? Она замужняя женщина, а мне матушка пишет, что ищет куколку, и найдет к тому времени, когда я приеду домой. Будет это девушка богатая, образованная, вот с нею я останусь на все оставшиеся мне годы, потому как матушку не посмею послушаться.

— Ни за что ни за что?

— Разве что ангельское создание встречу, — засмеялся капитан. — Такое, настоящее, которое воспарит надо мной и расскажет, как надо жить не греша, в покое и радости. Но, как понимаешь, этого никогда не будет, и посему...

Гоголев дружески хлопнул товарища по плечу и пошел совершенно не спеша, лениво даже, к карете, у которой маялась Софья Алексеевна. С Никитой она заговорила вовсе не так, как разговаривала с мужем.

— Никитушка, что-то ты не больно, смотрю, торопился ко мне.

— Служба, сударыня, служба.

— Ах, не называй меня так, у меня имя есть. И оно тебе, ты ведь сам говорил, очень нравится. — Увидев, как скривился при этом Гоголев, она тут же защебетала. — Не буду об этом, не буду! Посмотри, какой букет я успела собрать. Осенние цветы, они такие нежные!

Никита всмотрелся в протянутый ему букет:

— В осенних цветах нет никакой нежности. Они жесткие, а цвет действительно броский. Так звезды вспыхивают перед смертью.

— Господи, как красиво ты говоришь! Павлуша. — Кучер, стоявший до того у кареты, сорвался с места, подбежал к ней. — Возьми букет, Павлуша, положи его в карету. А мы с господином офицером пройдемся лесом, там чудный воздух, и мне так надо надышаться его настоем!

— А какой у господина офицера настой? — непонимающе спросил кучер.

Софья Алексеевна фыркнула:

— Дурак ты неотёсанный! Я про воздух говорю. Про настой лесного воздуха.

Кучер, так толком и не поняв, о чем говорила хозяйка, в раздумье вернулся к лошадям, а Софья Алексеевна решительно повела Никиту туда, где под лапами старой ели уложен был мягкий соломенный стожок. Она деловито опустилась на него, увлекая за собой капитана...

Хорошим было выбранное и обжитое ими местечко. Рядом можно было постороннему человеку пройти и даже не догадаться, что в трех-четырех метрах от еле видной тропки занимаются бурной любовью два крепких человеческих создания. Впрочем, посторонний бы на эту тропку в сумерки и не отважился свернуть, услышав впереди грудные глубокие стоны и взвизгивания. В сумерки лес полон загадочных и пугающих звуков...

Если лежать на стожке, ничего вокруг, повторимся, не разглядеть кроме хвои, но вверху, сквозь усыхающую крону, уже становятся заметны первые нарождающиеся звездочки. За ними и следил капитан Гоголев, а умиротворенная Софья Алексеевна, уткнувшись подбородком в его могучую грудь и перебирая на ней волоски, говорила ему:

— Рожу я от тебя, Никитушка, но муж, конечно, об этом не догадается, он такой дурак, почти как наш кучер. Ты понял, о чем я говорю?

Огромная птица, на миг заслонив небо, совершенно бесшумно пролетела над елью, уселась, кажется, где-то поблизости. Странная птица, даже побольше филина. А что может быть больше?

— Слышу, Софья Алексеевна. Однако вы же сами хотели этого, и сколько раз просили меня...

— Всё правильно, правильно. Я на большее не рассчитывала. Но вот если бы ты решился увезти меня отсюда, далеко-далеко, господи, как бы я тебя любила! Знаешь, как я умею любить?! Только некого... Я бы и матушку твою уважала, и дом обустроила... Деньги у нас на дорогу и на первое время будут, обязательно будут, я раздобуду, ты не переживай даже...

— Софья Алексеевна, деньги – что? Деньги пыль, они и у меня заведутся, коли транжирить не буду. Но матушкин дом пока не для меня, Софья Алексеевна. Мне – в походы ходить, может, со шведом, может, с турком биться. Да и потом, вы славная женщина, Софья Алексеевна, других женщин у меня и на примете нет, но есть же на свете, наверное, любовь.

Полная луна поднялась почти что в зенит, осветила всё вокруг медовым цветом.

— Но тебе же ведь хорошо сейчас со мной? А когда хорошо, тогда и любовь.

— Нет. Вы уедете сейчас к мужу, а мне как было хорошо, так и останется. Любовь – это, Софья Алексеевна, иное. Это когда над тобой ангел воспарит, и ты с этим образом остаёшься жить, пока не встретишь его в человеческой плоти.

Она покачала головой:

— Я ангелов никогда не видела, и не знаю тех, кто видел. Они, Никитушка, бывают только в мечтах, и в живого человека никак не воплотятся.

Чуть вздрогнуло соседнее дерево. Большая птица поднялась с него, высветила себя луной.

Только это не птица была. Увидел Никита прекрасное лицо девушки, золотые волосы, зеленоватые глаза. Они посмотрели сначала на Гоголева, потом отвернулись, пропали в тени, и почти сразу же сама девушка тоже пропала, заскользив над деревьями.

— Ангел, — вскрикнул капитан и тотчас оказался на ногах. — Ангел. Ты видела? Это был ангел!

Софья Алексеевна тяжело поднялась, ради приличия взглянула на луну и чистое небо, сказала с легкой укоризной:

— Понимаю, тебе в полк надо. Да и меня муж, поди, заждался.

— Нет, я не лгу! Там ангел пролетел!

— Так уж сразу и ангел, — вздохнула помещица. — У меня вот тоже девка летает, выпороть её за это намеренные хотели... Почему же ангел сразу?

Глава девятая.

Знакомство с Гремухой

— Еще бы раз обделался, да уже нечем, — выдохнул Назаров, задрав голову к небу. — Понимаешь, когда раньше видел это, оно как-то проще воспринималось...

— Выходит, дядя Федя, ты хочешь сказать, что видел уже, как люди летают?

— Ну, люди, не люди, видел, не видел, а одна баба голышом тоже вот так вот летала, только пониже. Но я и пониже не могу.

Алексей с Назаровым стояли у избы, с испуганным восторгом наблюдая за тем, как кружится, не спеша опускаться за землю, Наталья. Но вот ноги её наконец коснулись травы, и она весело вскрикнула:

— Ой! Холодно как! А у меня еще печь остывшая. У тебя, дядя Федор, смотрю, труба уже дымит, — пусти погреться. Я пока у лежанки посижу, а вы бы с Алексеем сбегали у меня избу протопили, а?

Назарова, когда он услышал такое предложение, аж передернуло:

— Да чтоб я к тебе на порог... Никогда в жизни!

Как ни был он возбужден, а на руки Натальи первым делом взглянул: перстня на пальцах не было.

Наталья рассмеялась:

— Вот теперь и ясно, кто ко мне входил. Чего там так испугался, дядя Федор? И что тебе в моей избе нужно было?

Назаров на второй вопрос решил не отвечать, перенеся всё внимание на первый:

— Этот твой... Он мне палец чуть не откусил!

— А, Гремуха! Он сердитый, иногда и со мной ругается, да еще как!

— Какой Гремуха? – не понял Алексей.

— Домовой, – ответила Наталья так обыденно, будто речь шла, допустим, о комаре. – Избу-то еще мой дед ставил, вот с тех пор он и живет в ней. Старших надо уважать, потому я терплю его, придиру. То ложку я не так помыла, то плошку не туда поставила. Вообще он ничего. А ты, дядя Федя, когда к моей матери хороваются ходил, разве не видел Гремуху?

— Тогда еще ее родители живы были, ну, твои дедушка и бабушка. Так что мы у меня встречались с Глашей. Домовых – ты не думай, я их частенько видел. Но те – тихие, выберутся

из темного угла, молочко полакают, косточку полижут – и пропадают. Они зубами на меня не клацали. И потом, я от них ни слова не слышал. А что касемо этого... Ведь обзывался и грозился, гада такая!

Алексей с недоверием смотрел то на девушку, то на старика: уж не разыгрывают ли они его? Хотя, он сейчас видел такое, что во всё поверить можно. Не врал, значит, возницы, ехавшие на ярмарку. А раз они не врал, то чего ж Наталье и дяде Федору не верить?

— И вправду, — сказал он Назарову. — Пойдем печь растопим. Охота на домового посмотреть.

— Вы его можете и не увидеть, — Наталья уже вошла в избу Назарова, села возле печи. — Он же знает, что вы явитесь с моего разрешения, потому и показываться не будет. А если и покажется, зла не проявит.

— А откуда он знает, что с разрешения?

— Он всё знает. А как же?! На то и домовый.

Назаров подумал про перстень, а еще прикинул, что с лекарем все же не так страшно будет находиться в чужой избе, но и после этого не сразу решился отправиться вслед за Алексеем.

Село еще не спало. Где-то горели в окнах лучины, где-то во дворах потрескивали костры, лениво подавал голос от

помещичьей усадьбы Гавро. Собак на селе больше не было. Собак – их ведь кормить надо, а сами они пропитание в тутошних лесах не найдут, поскольку много волков. Собаки для волков – самая лакомая добыча. Серых убийц, правду сказать, Назаров не то чтобы не боялся, но считал слабыми соперниками для стрельца. Было как-то, на болотах, где он ягоду собирал, сразу три зверя на него пошли. Рукав легкой шубейки малость порвали да ногу прокусили, и то не до кости. А он двух дубинкой навсегда уложил, третьего только ноги спасли.

Нет, волки для бывшего пятидесятника – тьфу! Другое дело – чертовщина разная. Когда люди летают, или домовый по-человечьи говорить начинает. Да еще зубами щелкает, сволочь!

Вот потому Назаров пропускает лекаря вперед, и затаивая дыхание, втягивая голову в плечи и прикрывая глаза, прислушивается, не случится ли что, когда тот войдет в избу Натальи. Вроде, всё спокойно.

— Ты в темноте хорошо видишь, дядя Федор, показывай, где у нее печь, где щепы с дровами.

Назаров без труда всё это находит, потом крутит головой:

— Огнива не вижу.

Оно скорее всего с краю лежанки, но там и глаза Назарова ничего не разглядят, а на ощупь искать после того, что днем тут случилось, он не рискует.

— У меня огниво всегда с собой, дядя Федор.

На поясе в мешочке у Алексея грубый кремь, хорошее кресало с засечками, а уж о труте и говорить не стоит. Грибной трут, с обожженными пластинками трутовика, сухими веточками да мхом. Попади сюда искра — сразу затлеется, и огонь появится, только дунь как следует.

И вот уже рождается пламя в печи, трещит береста, скукоживается, тени пляшут на стене. Даже на них Назаров скосится с подозрением: теперь они ему домового напоминают. Хотя бы вот эта тень, округлая, как бычий пузырь, а присмотришься — и руки видны, и ноги...

— Чего уставился, чурбан? Сейчас как дам в морду! — То, что казалось тенью, уселось на березовое полено, лежащее чуть поодаль от яркого светлого круга сполохов огня. И все же существо это можно было разглядеть: маленький старичок, в лаптях, штанах, в рубахе без кушака. Он так зарос бородой, что на лице видны были только глаза. — Вылупился! А в подарок чего-нибудь принёс? Наталья тебе не сказала, что я подарки люблю? Ну я ей задам, стерве!

У Назарова отвалилась челюсть, крупно задрожала, и он руками ухватился за скамью, на которой сидел, чтоб опять не свалиться.

Алексей же смотрел на Гремуху скорее с любопытством, чем со страхом. Он полез в карман, вынул оттуда сухарик, протянул домовому:

— Это пойдет?

— А то как же! Люблю их хрумкать. Бросай его сюда, бросай. Из рук не беру, я не кошка какая-нибудь. Вот ты, знахарь, хороший человек, хоть и плут. А этот... По избам чужим лазить — это как? Да я тебе за это...

Гремуха вскинул руки над головой, зашипел со свистом, и Назаров тотчас грохнулся на колени:

— Помилуй! Я ж ничего плохого... Я своё хотел найти, перстенок. Думал, раз девка летает, значит, у нее мой перстенок.

Назаров был так напуган, что готов был выложить всё про свою жизнь. А и то: может, она сейчас и закончится, эта жизнь! С волками-то проще было, с волками каждый день встретиться можно, все повадки их известны. А чего от домового ждать, и не поймешь сразу. У полковника Лутохина он тихий был, как мышка, а этот — обормот обормотом...

— Ты полегче-то с выражениями, — сказал Гремуха. — Это я с виду только добрый, а в самом деле, если разойдусь... Что за перстенёк, с золотом да бриллиантом, что ли?

— Нет, обычный, беленький, цена ему полущка. Он мне как память дорог.

— Опять врёшь! — домовой стал подворачивать рукава рубахи, словно готовясь к драке.

— Вру, — тотчас согласился дядя Федор. — Перстень мне от восточного человека перепал, кто его наденет, тот летать сможет и желания разные загадывать — сбудутся. Их несколько перстней тут просыпалось, а настоящий один. Вот и ищу его.

Домовой схрумкал сухарь, смел рукой крохи с бороды:

— Дурак ты, Федор, ну круглый дурак! Разве ж можно в такую чепуху верить? Ты хотя бы у знахаря спроси, он книжки читал, он знает много. Тут уже боишься, что из-за вас, дураков, скоро ни русалок, ни леших, ни даже нас не станет, — как только перестанете в нас верить, так нас и не станет. А ты — про перстни. Загадай, сбудется... — Он рассмеялся, но как-то невесело. Потом, напрочь забыв про смех, повернулся к Алексею. — Лекарь, ты тоже, наверное, сволочь порядочная, у тебя своё на уме, но все равно спасибо за хозяйку, что не выпороли её. Ловко ты с чижом придумал!

— Да я-то что, — сказал Алексей. — А вот Наталья... Как она летать может, а? Без крыльев?

— Это что! Мы все летать сначала умели, потом разучились, потом опять научимся... Если, конечно, идиотами не станем. Вот мой дядька, по дальней линии, у нас ближних линий уже и нет-то, — Гремуха провел ладонью по лицу, будто слезы вытер. Может, это и вправду слезы были, да прятались в густой бороде. — Дядька мой, значит, жил-поживал, с хозяевами ладил, пока те не умерли. Мать перед смертью наследнику, сыну единственному, возьми и скажи, мол, не обижай домового, будь с ним в ладу. Тот ученым слыл, не в доме родительском жил, а в городе. И всем доказывал, что нет нас на белом свете. Последние материнские слова, так получилось, при свидетелях были сказаны, и стали над ним смеяться: как же, мол, ты, ученый, доказывать теперь будешь, что домовых и приведений не существует? А он все же решил доказать. Собрал толпу вокруг дома, а сам дом поджог. А народ — для того, значит, чтоб увидеть, если выбежит кто из наших. Ну не гад он, а? — Гремуха опять утер невидимую слезу. — Мой дядя... Он тогда руку так обжог!.. Ты от ожогов лечишь, знахарь?

— Да, — сказал Алексей. — Травами, мазью... А дядя жив-то остался?

— Да что же с ним случится, жив, конечно. Конской мочой день примочки ставил. Но гад же какой этот ученый, а? Я прибежал туда и всё ему высказал! Он на совет какой-то собирался, доклад делать, сидел перед камином и листки читал. И тут я к нему с порога!..

— Укусил? — настороженно спросил дядя Федор.

— Зачем? Сказал всё, что надо. Сукин сэр, сказал, ты редкостная скотина, ну, и еще что-то в этом роде. И он прямо в кресле обделался, как ты сегодня, Федор.

Назаров покраснел, развел руками:

— Первый раз в жизни, верите?

— Не заостряй на этом внимание. Ну случилось — и случилось. Поорал я, значит, а на следующий день узнал, что ученый этот с ума сошел... Вообще, думаю, он раньше сошел, когда дом родительский палил... Ну да хрен с ним. Уехал я оттуда. В эту глухомань забрался. Думал, поживу в своё удовольствие. Так нет: лазают, понимаешь, по чужим домам...

— Я же объяснил, почему, — чуть не плача, сказал Назаров.

— А, да, перстень. Ну надо ж такое придумать, а! Ты, Назаров, тоже, видно, с ума сошел. Простого домового

пугаешься, а собираешься куда-то летать, чего-то загадывать. Индюк! Ты знаешь, кто такой индюк?

— Нет, — признался Назаров.

Гремуха покосился на окно, потом недовольно сказал:

— Объяснил бы тебе, да некогда. Сматываться надо. Ульяна идет. Стерва из стерв! Как же я с ней вчера сцепился! Кстати, перстень, какой ты ищешь, на пальце у неё.

Домовой сделал шаг в сторону, вышел с освещенного печью пятачка и тотчас вообще пропал, будто его и не было.

В этот же миг открыла дверь и переступила порог высокая сухая старуха.

— Наталья, — проскрипела она, но увидев мужчин, грозно спросила. — Вы чего тут хозяйничаете?

Она подняла руку, оперлась на косяк двери, и на пальце стал вправду виден белый перстень...

Об Ульяне стоит сказать особо, но прежде покинем село Бреднево и попробуем очутиться в Москве, поскольку там произошло событие не то, чтобы невероятное, но крайне для нас интересное.

Глава десятая.

Допрос Григория Лукьянова

Стрельцы нашли Григория Лукьянова в окраинном кабаке, выпившего, грязного, с подбитым глазом. Сам Григорий от такой встречи ничего хорошего не ожидал, думал, что поддадут ему сейчас еще тумачков и вышвырнут на улицу, но вместо этого посадили бывшего стрельца в возок и доставили в подвалы, мрачные, глубокие. Знакомы они были Лукьянову. Когда пятидесятник Назаров приказал ему поперед отряда в Москву скакать, он так и сделал, рассказал полковнику своему про встречу с восточными людьми, про перстни, и про то, что сам Назаров будет в полку через три, а если поторопится, то и через два дня.

Когда прошла неделя, а от пятидесятника ни слуху, ни духу не было, из-за того сюда как раз Григория и привезли. По бокам пристроились два служивых, а впереди в трех шагах, как бы выказывая путь, шагал худой невысокий человек в носильном длинном платье серого цвета. Шли они вдоль пыточных камер Преображенского приказа. В них сидели люди на цепях, одни молча, другие, которых пытали щипцами, огнем или крюками, кричали страшно, выли по-

звериному. Тот, который шел впереди, остановился, поднял палец, сказал поучительно, обращаясь к Лукьянову:

— Так со всеми бывает, кто не хочет правды говорить. Ты понимаешь это?

Григорий только кивнул, страх так его сковал, что разговаривать было трудно.

Но самого стрельца тогда не пытали. Завели в камеру, освещенную свечами, чистую, со скамьями, даже сесть ему предложили подле писаря. Приказали рассказать всё, по дням, как ехали вслед звезде, с кем встречались, как перстень выглядел, что за виденья видели, почему пятидесятник Назаров именно его в Москву послал. Что записывал писарь, Лукьянов не знал, но самого его за столом еще угостили сухарем с молоком, приказали не болтать о том, что видел в дороге, отобрали данный Назаровым перстень и с миром отпустили. Человек в сером лишь сказал вслед:

— Как же Назаров послал тебя одного, такого больного?

Григорий начал было говорить, что он не болен, а вот в краях — да, там, где они ехали, черный мор прошел, но слушать его не стали, вывели наверх, и вернулся он в свой полк. Там тоже почему-то медик его смотреть стал, то глаза залуплял, то язык просил высунуть... В конце концов, дали ему немного денег и выставили за ворота...

Давно это было. Очень давно. Порой вообще казалось, что и не было, что придумал это Григорий – и про перстни, и про Орна, и про видения. К тому же все вокруг его тоже убогим считали, мол, горький пьяница, заговаривается уже, мерещится ему там что-то...

И вот – ведут его опять подземным коридором, и солдаты также по бокам, и впереди опять же кто-то в сером, только другой, высокий, в плечах широкий.

Та же камера, где чистота и свечи, но писарь – молодой, совсем мальчишка. Открыл перед серым великаном книгу, пальцем в нее тычет, а сам почему-то с великим изумлением на Лукьянова смотрит, будто у него на лице нечто необычное. Серый прочел, руками голову обхватил, потом спрашивает:

— Григорий, ты хоть сам помнишь, что говорил тут когда-то на допросе?

— Ха, я уже не помню, что меня Григорием зовут.

— А если на дыбу поднимем прямо сейчас, или иглу под ногти – вспомнишь?

— Мне бы лучше чарку, с нею легче вспоминается.

Удивительно, но писарь побежал, принес вина. Лукьянов выпил, мозги малость прочистились.

— Предупреждаю, — сказал серый. — Будешь еще просить выпить – задницу по-новому отобьем. Вспоминай подробно,

что о царе Алексее Михайловиче тебе восточные люди говорили?

Лукьянов нахмурил лоб:

— Поднимай на дыбу, батюшка. Не помню подробно.

— Так я напомним тебе. Ты тут говорил, что у царя Алексея Михайловича умрет жена, Мария Ильинична Милославская, и женится он на Наталье Кирилловне Нарышкиной, и родится у них сын, которого нарекут Петром... Было такое?

Лукьянов с тоской посмотрел на пустую чарку:

— Раз с моих слов записано, значит, было. Было, было, помню. Он, Петр-то, еще голый лежал, ножками сучил, обмочился, видно...

Огромный человек привстал, отодвинув ногой стул от себя, уперся руками о стол, наклонился к Григорию:

— Сие было записано, когда еще старшая сестра нашего нынешнего царя Петра царица Софья Алексеевна у Марьи Ильиничны не родилась, ты понимаешь это, Лукьянов? Как ты тогда мог всё знать?

Стул под человеком, задававшим вопросы бывшему стрельцу, был старый, и одна из ножек его сейчас подломилась от грубого пинка. Лукьянов заметил это.

— Да что ж я... Это Орн, человек с восточной земли, он нам рассказывал и показывал... А я человек темный, я даже и не знаю, когда царица Софья Алексеевна родилась.

— Ничего, значит, не знаешь, дурак?

Великан в сером одеянии опять придвинул стул, стал медленно опускаться на него, и Григорий поспешно сказал:

— Что-то знаю, конечно. Вот вы сейчас упасть можете, стул сломаете.

Рухнул стул. Вместе со стулом, вскрикнув, упал на пол человек в сером. Еще продолжая лежать, он повернул к Лукьянову ставшее красным лицо, и страх появился в его глазах.

— Это ты как? Это как ты?..

Он поднялся, отряхнулся, сказал стоявшим у дверей стражникам:

— Увести!

Увели бывшего стрельца, а человек в сером молвил то ли писарю, то ли самому себе:

— Видишь, что! Накричал на него, и сразу такой ответ последовал. Поди, и хуже ведь могло быть. Вот и думай что хочешь. Как обо всем этом докладывать, а?

Поселили Григория Лукьянова в камере-одиночке, где нары были с тюфяком, стали кормить исправно, иногда даже

вино давали, но до поры до времени никуда больше не выводили.

А вот в камеру кое-кто навещался. Один человек, огромный, лет шестидесяти примерно, с голосом зычным и властным. Судя по отношению к нему стражи, великий чин занимал. Но с Лукьяновым вел себя по-простому, расспрашивал о жизни, о службе у полковника Лутохина. Комету, оказывается, он своими глазами видел, правда, не знал, что царь Алексей Михайлович послал за нею стрельцов.

После таких разговоров прояснялось многое в голове Григория, вспоминались детали, вроде уже забытые, и хотелось ими с кем-то поделиться...

Глава одиннадцатая.

Восьмой перстень

Особо стоит сказать о старухе Ульяне.

Вот в её избу Назаров уж точно не вошел бы ни за что на свете! Даже если бы дело касалось перстня. Необычной была эта изба. С виду-то ничего особого, только и того, что в нехорошем месте стояла. Три избы справа и четыре влево от нее от давнего мора опустели, и с тех пор, почитай три десятка лет, гнили и раскатывались по бревнышку, вращались

в землю, но все ж не сгинули еще бесследно, заявляли о себе чернеющими островами.

Меж ними жилище Ульяны выглядело завидно. Не тёмная, а золотая солома составляла крышу, хотя никто из бредневцев не упомнит, когда в последний раз перестилала ее старуха. Стены избы были добротными, крепкими, не точил их жук, не гнобили ветры с дождями. Но самое интересное – белыми, будто вчера отструганными, оставались нижние венцы. Ладно бы из лиственницы сложил их безымянный мастер, она века может простоять, правда, цвет все же потеряет, но крепость сохранит, однако ж здесь бревна лежали березовые, и некоторые даже не ошкуренные. И ничего с ними не случилось! Это с березой-то, из которой кол вытеши да в землю вбей – через пару лет труха останется.

Огород у дома тоже чудный. Ничего не сажает здесь Ульяна, с грядками не возится, а вот поди ж ты – ничего бурьяном не зарастает, трава всегда словно только что скошенная, яркой земляникой всё усыпано с весны до снега, и кусты черной пахучей смородины стоят вразброс – ягоды крупные, как терн.

Ну да ладно – с избой и огородом.

О самой Ульяне рассказывать еще интересней.

Когда Федор Назаров стал жить в этом селе, она уже старухой была. Да что Федор – его давняя подружка, Ольга Харитонова, та самая, которая седьмой перстень бывшему стрелцу отдала, с детских своих лет Ульяну вот такой же помнит – сухой, старой. Самой Ольге уже почти шесть десятков лет, и зубов у нее осталось через один, и волос седой, и ногу тянет, и спину ломит. А старуха Ульяна ходит как и ходила – легко, спина прямая, голова гордо сидящая. Не занимается Ульяна огородом, не копает грядки, у дома только мелкие дикие груши растут, кур даже не держит, непонятно чем живет – но ведь живет же! Где юбки берет, где лапти – ведь даже представить невозможно, чтоб она сама их плела?! Что умела делать она – ягоду собирать. Клюква у нее – самая крупная, грибы – самые чистые. В каких местах собирает – неведомо. Пробовали бабы потихоньку путь ее проследить – плевались потом. Повернет за сосенку, за кустарник – и нет ее! Как в воздухе растворяется.

Нельзя сказать, что боялись сельчане старуху Ульяну. Это была не боязнь, а опасение. Так опасаются топкого места в болоте, где еще пока никто не сгинул, но все знают, что если потерять осторожность, то трясина тебя не простит. Кстати, поговаривали бредневские меж собой, что в такие места только и ходит Ульяна, выискивает на болотах проходы к

островам, куда простому человеку ни в жизнь не попасть. Это оттуда иногда то чей-то смех слышится, то рев куда грознее медвежьего.

Обособленно жила старуха. С кем поддерживала хоть какую-то связь – это с Натальей, правда, о чем они говорили меж собой, никто не знал. А так – днями ее не видели, бывало даже, сторожко проходя мимо избы, спрашивали друг у друга – жива ли? Но калитку открыть, в дверь постучать и поинтересоваться – никто на это не шел. Рядом с дверью врос в землю серый камень валун, и вечером на него часто выползал – с улицы даже было видно – темный ядовитый гад с красным узором на спине, сворачивался кольцом и выставлял повыше этих колец острую, как наконечник копья, голову. Позднее, при первых звездах, с чердака избы старухи Ульяны появлялись летучие мыши и разлетались над рекой и садами. В это же время у своего огромного неопрятного гнезда, свитого на дикой груше, филин начинал жуткую свою песню.

Заявились бы вы в такой двор, постучали бы в дверь такой избы?!

Но пора вернуться к нашему повествованию. К той минуте, когда к Наталье вошла старуха Ульяна, увидала там мужиков и грозно спросила:

— Вы чего тут хозяйничаете?

— Это наше дело, — ответил Назаров.

Алексей оказался более вежливым, объяснил, что Наталья их попросила печь истопить. Ульяна пристально смотрела при этом на лекаря, так пристально, что ему стало не по себе.

— Вы еще хотите о чем-то спросить?

Та покачала головой:

— Чего спрашивать, и так вижу.

— Что видите?

— Одежда на тебе с чужого плеча, вот что.

— От родителя осталась, — печально вздохнул Алексей.

— Ага, если только швед Иоганн тебе родитель. — Она все также не сводила с него глаз, и только после упоминания об Иоганне опустила голову. — Ладно, вроде не разбойник, и то хорошо.

— Какой швед? — вскинулся бывший стрелец. — Который на нашу землю всё лезет?

— Другой. Тоже лекарь, — быстро ответил Алексей. — За нашего царя служил. Я его хорошо знал, учился у него многому. — Не желая развивать эту тему, сказал уже старухе. — Если вам Наталья очень нужна, можете найти ее у Федора.

— Ага, еще она будет в избу ко мне входить, — недовольно пробурчал Назаров. — С порога пусть покличет.

— Да я и отсюда позвать девку могу. — Она опять обратилась к Алексею. — Лекарь, говоришь? А скажи, лекарь, если кровь мне почистить хочется, чувствую, что застоялась во мне кровь, плохо движется, что сделать надо?

— Настой лопуха пить. Сейчас самое время корни его копать. Только бери не семенной, а новый, белый...

Старуха перебила его:

— Всё! И так вижу, что чему-то научился. В лес завтра за чем идти собираешься?

Назаров закрутил головой:

— Подслушивала, значит, нас. Может, еще и смотрела, как я купался?

— Может, и смотрела на тебя голого, — Ульяна при этом не удосужила его даже взглядом, опять рассматривая Алексея. — Какую траву найти хочешь?

Тот ответил уверенно:

— Мало ли... Не знаю, что встретится. Взял бы сенной шип, который стальником зовется, да шлемник белый, да дягиль. Змиеву траву переступень найти бы, только, наверное, нет ее тут...

— Есть, — сказала старуха уже не скрипучим, а тихим и даже приятным голосом. — Мало, потому с умом её собирать надо, но тебе будет змиева трава.

Назаров зачесал бороду:

— И я себе заодно наберу переступеня. Он от чего лечит?

— Им и отравиться можно... — начал было объяснять Алексей, но старуха перебила его:

— Одному тебе покажу. Федор не пойдет. Пусть дома портки сушит да дрова рубит — зима студеная грянет. А тебя, Алексей, у старых сосен утром ждать буду, где светлый ручей течет.

— Ты что, — взъярился Назаров, — хозяйка леса, что ли? За меня решать не надо — пойду или не пойду. Как пожелаю, так и будет, у тебя не спрошу.

Ульяна не удостоила его никаким ответом, просто отступила на шаг от порога и исчезла в темноте. Федор вслед ей тут же выскочил — нет старухи. Выругался он крепко:

— Хотел насчет перстня поговорить, чтоб вернула мой перстень. Но ничего, завтра с ней повоюем!

Глава двенадцатая.

Шлемник, стальник, переступень...

К старым соснам Алексей пошел напрямую – по некошеному лугу. Трава тут стояла высокая и сухая. С вечера всё предвещало, что утро, как и предыдущие, выдастся росным, а вот поди ж ты: и капля не отсвечивает на стеблях от низкого яркого солнца.

Старуха уже ждала его. Алексей выказал ей свое удивление насчет росы, и услышал в ответ:

— Дак что ж нам вымачиваться? И переступень опять же сухим надо собирать.

Вдоль светлого ручья пошли к черному бору. Молча шли, пока не перебрались по поваленной сосне на другую сторону ручья. Здесь Ульяна криво улыбнулась и сказала:

— Вот же ирод! Ладно, пусть искупается, если вчерашнего мало.

— Вы о ком это? – спросил лекарь.

— О Назарове. Решил топать следом. Ну не дурак ли? Или думает, что я его не вижу?

Алексей бросил взгляд через плечо. Лес тут еще не начинался, встречался редкий кустарник, уже безлистый, спрятаться за ним было невозможно. Они как раз взошли на

взгорок, видны были поляны, редкие худые березы, и даль просматривалась, считай, до деревни.

— Нет никого, — сказал Алексей.

Старуха так и не вытерла с лица кривую усмешку:

— Он стрелцом был, умеет затаиваться.

— Но как вы... Вы же ни разу не оглянулись!

Она что-то забормотала себе под нос, ускорила шаг, резко повернула с тропы, что вилась вдоль ручья, завиляла по густому молодому ельнику... Всего-то ничего, от силы шагов пятьдесят они и сделали, а оказались вдруг в темном густом лесу, в таком темном, что трудно было догадаться, в какой стороне только что светило солнце. Да и потом, до черного бора идти надо еще далеко, ближе не было никаких больших деревьев, и как они в такую чащобу попали — осталось только гадать.

Ульяна резко остановилась, повернулась к Алексею, поднесла палец к губам:

— Слушай!

Тихо сказала, звук как лист прошелестел. Алексей прислушался. Кажется, совсем рядом, почти как руку протянуть, топает кто-то и пыхтит барсуком. Стихли эти звуки на миг, затем уже осторожные шажки пошли, и каждый выдохом сопровождался:

«Хоп, хоп, хоп... У-У-У!»

А дальше – мат несусветный, озвученный глоткой Назарова, и громкий шлепок по воде. Всё было понятно: дядя Федор свалился с мостка в воду. Там было неглубоко, на берег он выбрался быстро, всё так же костеря Ульяну и всё вокруг, но вот голос стал угасать, угасать...

— Домой отправился, — сказала старуха. — Ишь, умник! Траву ему собирать захотелось! Чтоб выбросить ее потом, что ли? Он же ничего не понимает...

— Дядя Федор не из-за травы, он хотел, чтоб вы перстень ему вернули.

Она посмотрела на лекаря, потом поднесла к глазам руку с белым перстеньком, как бы полюбовалась им, и ответила:

— Не так это делается, совсем не так!

— А что это за перстень? — спросил Алексей. — Вчера дядя Федор такую ахинею о нем нёс...

— Мы за травой идем? Вот о ней давай и говорить. Умеешь делать мази, настойки?

Алексей покаянно вздохнул:

— Умею, но... Я не знахарь, баба Ульяна. Просто при лекарях состоял, кое-чему научился.

— При ком и сколько состоял, знаю. Иоганн толковый был, до многого своим умом доходил, советы слушал. Сын

его, Пашка – этот помельче, но и о нем плохого не скажу. К тому же, он еще себя проявит. А ты... Знаю, что прохиндей, но ведь и прохиндеи разные бывают. Один с тебя последнюю рубашку снять обманом готов, другой последним куском хлеба с тобой поделится. Ты из первых, или из вторых?

Алексей развел руками, потом сказал:

— Ты же, вижу, всё про всех знаешь, и что было, и что будет. Значит, тебе и обо мне известно...

— Известно, — ответила она скрипучим смехом. — Да иногда знать хочется, что сам человек о себе думает. Ладно, чего стали-то, пойдем за тем, за чем пришли.

Опять быстрым и уверенным шагом, без всякой тропинки, заскользила старуха меж стволами старых сосен. Трава под ногами сменилась мягким мхом, но скоро знахарь почувствовал, что под мхом этим не чувствуется земной тверди, и увидел, что черная вода проступает в оставленные им следы. Алексей хотел было сказать об этом старухе, но вовремя понял, что она, конечно же, знает, куда идет, и что скрывает под собой дрожащая ряска справа и слева от них. Пришла было мысль повернуться и рвануть назад, но он посмотрел на прямую спину бабы Ульяны и решил, что если она захочет причинить ему беду, то от этого не убежишь.

Старуха словно услышала его мысли, сказала не оборачиваясь:

— Не бойся, сейчас выйдем на сухие места. Но и там не бойся, — и засмеялась, как смеется чайка-хохотун.

Земля и вправду оказалась недалеко. Мох и ряска резко сменились разнотравьем, и они очутились на поляне, где чернели пни срубленных деревьев. Это опять поразило Алексея: кто мог приходить сюда, чтоб валить лес? Бревен не видно, но как могли их вынести отсюда? И зачем, если хорошая сосна и лиственница стоят рядом с селом?

— Присядь, отдохни, — сказала старуха. — Хотя, ты не столько устал, сколько напужался. Так? В каждом глазе по живому ужасу?

И вправду, сел лекарь на пенёк, уставился в конец поляны, а там, за краснеющим калиновым кустом, в переплетении причудливо изогнутых ветвей, привиделась ему фигура огромного странного человека. Крепкий торс, руки длинные, почти до колен, борода как кусок пакли, да и весь в шерсти, будто медведь, только русый. Права Ульяна, со страху мерещится всякое.

— Может, и не пойдем дальше никуда? — спросила она. — Отдышишься и домой будем возвращаться?

То, что показалось лекарю человеком, чуть шевельнулось – от ветра, наверное.

— Ну нет, раз уж пришли за травами... Я, может быть, в эти места никогда больше и не попаду.

Ульяна махнула рукой:

— Не бери в голову – будет тебе трава. – И крикнула, обратясь как раз в ту сторону, где краснела калина. – Чарушка, подь сюда!

Нет, ничего не чудилось, оказывается, Алексею. Существо, на обезьяну похожее – а ее Алексей на картинках книг Иоганна видел – шагнуло из-за куста, вышло на чистое место, рывкнуло громко, но незлобно. Понял лекарь, что видит перед собой лесного человека. Слышал о нем от разных людей, следы на мягкой глине сам видел: такие, как две человеческие ступни.

— Всё понял, Чарушка? – спросила бабка Ульяна.

Тот издал в ответ бессвязные звуки, так ворчит-повизгивает собака, когда ее гладят или чешут за ухом. Но Ульяна поняла лесовика:

— Ничего ты не понял, — досадливо крикнула она. — Не рвать надо, а копать. Корень стальника... Знаешь, где стальник растёт? Отсюда в сторону, где солнце всходит. И

шлемник там же, а переступень ближе к теплым местам. Его у горячего ключа найдешь.

Чарушка опять заворчал, переступая с ноги на ногу.

— Правильно, — сказала Ульяна, — на том склоне, где барсучья нора. Только не заставляй нас ждать. К полудню мне уже домой вернуться надо. Так что, Чарушка, одна нога там, вторая здесь. Ну!

Будто ветер непонятно откуда взялся, прошумел узким потоком и унес с собой лесного человека. Только что стоял тут — и нет его.

Ульяна опустилась на соседний пенек, вздохнула:

— Обождем малость. Чего удивленный такой? Спросить о чем хочешь?

— Так еще бы, — выдохнул Алексей. — Тут спрашивать и спрашивать. Кто это был?

— Чарушка? Обыкновенный лесовик. Ты будто лесовиков никогда не видел.

— Не видел, — признался лекарь. — Я и домового-то вчера лишь в первый раз повстречал.

— Да знаю, это я так... — И она покачала головой. — Вот же странные вы люди. С вами с ума сойти можно. Девка летает — пугаетесь, лесовика видите — лицом белеете, от

домового шарахаетесь. А ведь живете бок о бок столько, сколько род человеческий существует.

Алексей согласился, но как-то неуверенно:

— Их, видно, мало, а нас много.

— «Их», «нас»... — Ульяна пристально смотрела через поляну, даже на цыпочки, кажется, поднялась. Крикнула туда. — А ну брысь отсюда, нечисть поганая! — И вновь обратилась к лекарю. — Ты знаешь, откуда они взялись, эти поганцы?

— Только слышал, — ответил парень. — Что-то странники рассказывали, что-то Иоганн, что-то поп из села Заболотного, тот, на чьей дочери Павел Иванович жениться надумал. Бог, значит, создавал людей, а дьявол — нелюдей. Вот все и живут на своих местах.

— Не на своих, — задумчиво сказала Ульяна. — Точнее, не все на своих местах. Чарушка, к примеру, лучше многих из тех, кто в замках сидит да на машинах ездит.

— Машины? Что такое машины?

— Ну... Кареты такие. Он справедливый и тихий. Беды никому не сделает, огромный такой, а живет неприметно. Если хочешь знать, как он лесовиком стал, спроси у него сам.

— Так он же не разговаривает.

— Разговаривает. Просто его понимать надо уметь. А вы понимать не хотите. Вы его сетями пробовали ловить, да стрелы в него пускали, чтоб по ярмаркам возить или чучело сделать. А ведь он один из вас.

Зашуршало что-то за спиной. Обернулся Алексей – лесовик стоит, лукошко из лыка ему протягивает. Оно заполнено до краёв и листьями лопуха покрыто.

— Чарушка, Расскажи знахарю, как ты лесным человеком стал.

Тот заворчал, но Ульяна тотчас взяла Алексея за руку, и знахарь отчетливо стал разбирать слова лесовика.

— Тяжело об этом вспоминать, Улэ. Да и кому это интересно?

— Рассказывай, рассказывай. Что тебе, что Алексею еще долго жить, и надо побольше знать друг о друге. Может, пересекутся еще ваши пути.

— Ну ладно. Я вообще-то обычным человеком родился, ну, может, повыше других. Пошел как-то петли на зверя ставить, меня лесовик и попутал. Я у себя в лесу на двадцать верст кругом каждое дерево знал, каждое дупло, ведь мне тогда уже почти двадцать было...

— Когда – «тогда»? – решил уточнить лекарь.

— Не то, чтобы давно, но царей еще не было, при великом князе это случилось, — Чарушка посмотрел на Ульяну, как бы прося у нее помощи.

— Двести тридцать лет назад, — сказала та. — А много это или мало, сам суди.

— Так вот, — продолжил Чарушка. — Заплутал я, значит, на ровном месте, троп не вижу, солнце за тучами, не пойму, куда идти, и тут лесовик выходит. Начал мне соблазны говорить, про то, как в деревне тяжело, а тут легко. И избу ставить не надо, и еды полно, и подать никому не платить. О русалках еще... У нас в деревне всего две девки, которые на выданье, было — и те не про меня. Мы бедно жили. Бедней других. Я бы, может, и не согласился, да лесовик сказал, не понравится — прибегай, опять судьбами обменяемся. Меня никто тогда еще не обманывал, я ему поверил. Но когда к следующей весне повстречались и я напомнил об уговоре, он собаку спустил, а потом с колом на меня пошел. Он ведь до того, как лесовиком стать, убил уже человека, куньи шкурки у него забрал. В моей жизни за старое принялся, через разбой и помер.

— Я знала его. Что интересно, первым лез доказывать, будто ни леших, ни русалок не существует, и уже только за упоминание о них людей пороть надо, а то и на костер

отправлять. Так от прошлого своего отрекся. – Ульяна приподняла лист лопуха, взглянула в лукошко, довольно кивнула. – То, что надо. – И обратилась к Алексею. – Домой потопали?

– А почему он это доказывал, если знал, что лесные люди есть? – спросил лекарь.

– В том-то и соль. Чтоб прознали о стыдном твоём дне – кому же это хочется? И вообще, чем больше человек грешник, тем громче поет молитвы. Всё! Домой пора! Ступай, лекарь, точно по моим следам, чтоб, как Назаров, в воде не оказаться.

Старуха пошла быстро, Алексей едва поспевал за ней, но все же, когда закончилась поляна и началось болото, оглянулся. Чарушка уже стоял на своем месте – за калиной, почти сливаясь с фоном серого осеннего леса.

Глава тринадцатая.

Перед отъездом

Полковой командир Петр Ефимович Лысаков был в сером носильном платье из обычного сырмяжного сукна, но зато в желтых, для парадного строя, сапогах. Из всего своего одеяния полковник более всего ценил обувь, поскольку

хорошо знал, что значит она в близких и дальних переходах. Потому, глядя в окно на приближающегося капитана Головлёва, он вытащил из походного сундука изношенную уже пару и поставил рядом с собой на скамью. Никиту он через два дня с большим отрядом в Москву пошлёт – царь поход готовит. Нужно было бы, конечно, другого офицера туда командировать, — уж больно хорошо Гоголев обучать новобранцев может, тут ему место, — да странное творится с капитаном в последние два дня. Рассеянным стал, беспричинно на небо смотрит, ночами не спит, по лагерю ходит. Устал, видно. Бывает такое. Пусть столицу навестит, может, к матушке на денек заскочит, может, барышню московскую в себя сходу влюбит. А что, парень он видный...

Гоголев вошел, снял шапку, сделав малый поклон:

— Спрашивали, Петр Ефимович?

— Спрашивал, Гоголев. Вот сапоги мои изношенные стоят, видишь?

— Как не видеть.

— Возьмешь с собой, чтоб по их мерке такие же мне стачали, да из хорошей кожи. На Сыромятниках, что на Яузе, мастера есть хорошие, дратва у них крепкая, и шов ровный. — Видя, что капитан пришел в недоуменье, Лысаков улыбнулся в пышные свои усы. — В Москву тебе через два дня путь

держатъ, поведешь отряд стрелъцов, какихъ выберу. Напишу просьбу, чтобъ вернули тебя сюда. На войну, если придется, вместе пойдем, какъ до этого и ходили. Ты радъ?

— Радъ, — сказалъ Гоголевъ, но голосъ его при этомъ оставался тусклъ, а глаза печальны.

— Ну, коли радъ, тогда иди высыпайся, отдохни передъ походомъ. В трактире вина можешь выпить, но меру знай. Утромъ в среду чтобъ стоялъ передо мной какъ огурчикъ. Всѣ ясно?

— Ясно, Петръ Ефимовичъ. Буду какъ огурчикъ.

По трактирамъ хаживать Никита не больно любилъ, но тутъ, видно, судьба распорядилась, — пошелъ. Да еще не в тотъ, где обычно полковые собирались, а в первый попавшійся. Вино здѣсь было мутное, но зато капуста къ нему хрустящая, с клюквой.

Только одну рюмку онъ выпилъ, какъ подселъ къ его столу никчемный человекъ ярыжка Никодимъ. Озабоченнымъ выглядело его некрасивое худое и длинное лицо, обезображенное къ тому же редкой клочковатой бородкой. Подозрительно оглядевшись, не прислушивается ли кто къ нему, онъ прошепталъ Никите:

— Я, конечно, прошу прощенья, что нарушаю ваше единение, но у меня важное дело. Видите ли, кое-кто в городе поговариваетъ, что тамъ, где стоитъ ваш полкъ... Вы только не

смейтесь и не сердитесь, господин офицер, но, любопытствую, может и вы что заметили позавчера вечером, а? Я должен выяснить и доложить кому следует, что слухи это всё дурные. Или, если не слухи, выявить, кто таким безобразием занимается противу царских указов...

Гоголев ничего не понял из длинной сбивчивой речи ярыжки, к тому ж, вступать с ним в разговор было неприятно, и капитан сказал грубовато:

— Не соизволишь ли пересесть подальше? В покое посидеть хочу.

— Да я чего, я ничего, конечно же. — Никодим встал и уже отходя, буркнул. — Значит, описать девку летающую не сможете.

— Стой! — Гоголев схватил его за рукав. — Какую девку?

— Летающую, говорю же вам. Мне бы узнать, как она выглядит, и в какую сторону улетела. Есть у меня одно подозрение...

— Садись! — Гоголев притянул его к себе и усадил рядом. Видя, что при этом у ярыжки расплескалось вино, сказал. — За мой счет выпьешь, сколько влезет. Рассказывай, что о ней знаешь.

— О ком?

— Об этой рыжей, с зелеными глазами.

Никодим весь дернулся:

— Я ничего вам не говорил ни про глаза, ни про волосы. Выходит, вы видели её?

— Видел или нет — моё дело, ты лучше о своих подозрениях говори. Знаешь, кто это?

— Если б знал, уже бы ей крылья подрезали. Но подозрения есть. Живет в Бреднево Софья Алексеевна Бугаева, ну, которую вы время от времени... того, — ярыжка сделал определенный жест.

— Цыц! — строго перебил его Гоголев. — Тебе откуда это известно?

— По долгу службы. Меня почему держат-то? Я всё обо всех знаю, всем интересуюсь.

— Если мной еще интересоваться будешь, в лоб получишь, — капитан постучал кулаком по столу. — Обещаю, а свои обещания держу. Так говоришь, Софья Алексеевна летать умеет?

— Да о чем вы?! Об этом и подумать нельзя, у нее весу шесть пудов. Но есть у нее девка-швея, вот та, мне кажется... Но и это не всё! В Бреднево живет старуха одна, вроде как не в себе немного, Ульяной ее зовут, и по моим прикидкам, она девку дурости этой научила — летать! Надо двоих их в пыточную забирать.

— А зачем? — спросил Гоголев. — Ну летает — и пусть летает, если хочется.

Ярыжка затряс головой:

— Как же можно! Если не остановить, то сегодня летать, а завтра еще что-то придумает. Это надо на корню пресекать, чтоб каждый знал, что ему положено, а что нет.

— Бреднево — это где? — спросил капитан.

— Если не знаете, одному дорогу найти трудно будет. Оно хоть вроде и недалеко, а такие петли надо выделявать... Могу компанию составить.

Гоголев расплатился за вино и решительно пошел к выходу. Никодим поспешил за ним:

— Вы что же, прямо сейчас едете?

Капитан взглянул на солнце, подтянул подпругу своего коня:

— Не могу время терять.

— А я... А у меня дело неотложное... Если только пару часов подождёте...

Гоголев покачал головой:

— Объясняй, в какую сторону скакать.

Трактир стоял на краю города, на возвышенном месте. Отсюда неплохо просматривались горизонты, и из

бестолковых объяснений ярыжки можно было понять хотя бы главное: как надо держать коня относительно солнца.

— А то бы подождали меня, господин капитан. Я эту летунью все равно ведь споймаю и доставлю куда надо. Если бы вы мне в этом помогли, ваше бы имя молвил кому надо, это не помешало бы вам. Два часика, а? Или так хотите свою Софью Алексеевну на соломке повалить, что невтерпеж уже?

Гоголев от души стуканул ярыжку, тот отлетел метра на два и спросил, размазывая по лицу кровь из разбитого носа:

— За что?

— Предупреждал же тебя честно: в мои личные дела не суйся.

И поскакал, держа коня так, чтоб солнце било тому в левый глаз.

В это же самое время барыня Софья Алексеевна вышла с Натальей за сад и прогуливалась с ней высоким берегом реки, у края леса.

Тихий ясный день стоял над Бредневым. Перепела с жаворонками уже подались на юг, потому поля молчали, и освещенный желтым листом лес молчал, только высоко-высоко, точно по небесной границе полей и леса, двумя серпами, друг за другом, тихо плыли журавли. Крики их

были жалостливы и печальны. Женщины смотрели на птиц, поставив шалашиками ладони.

— О чем это они говорят? — спросила Софья Алексеевна.

— Крайний слева, что во второй стае, спрашивает, нельзя ли быстрее лететь. А тот, что впереди, его глупым называет.

— Бреешь? — недоверчиво, отводя глаза от неба и в упор глядя на девку, говорит барыня.

— Да зачем же мне брехать! Первый — молодой, так далеко не летал еще, не знает, что их впереди ждет.

Софья Алексеевна хмыкнула, опять подняла голову:

— А ты так высоко летать можешь?

— Нет, — ответила Наталья. — Страшновато. Да и холодно там, тело немеет.

— Отчего же холодно? К солнцу же ближе?

— Не знаю, отчего. Только я один раз чуть не упала оттуда, окоченела просто. Лучше всего — над деревьями, да весной.

— Весны ждать не могу, — барыня решительно подошла к Наталье, ткнула ей пальцем в грудь. — Ты меня прямо сейчас летать научишь. Пусть невысоко, для начала как гуси наши, которые к речке перелетают. Ну!?

Наталья развела руками:

— Невозможно это. И меня саму никто не учил, я просто взяла и полетела. Вот такусенькой была, — показала ладонью расстояние от земли, — увидела, как белка на сосне сидит, захотела ее погладить, раз — и поднялась.

— Бреешь! — уже более убежденно и громко сказала Софья Алексеевна. — Я тоже много чего видела, и хотела поболе твоего, а вот не могу же от земли оторваться. Ты слова какие говоришь, или руками особо машешь? Признайся, а то ведь дурак мой только собирался тебя выпороть, но если я за дело возьмусь... Показывай, как это делаешь, ничего не таи!

— Да пожалуйста, — сказала Наталья. Она подошла к крутому обрыву, — барыня сопровождала ее и внимательно следила за каждым движением, — на секунду остановилась у самого его края, потом сделала еще шаг, уже в никуда, и должна была упасть после этого, рухнуть на твердый глинистый берег реки, сломать при этом шею и ноги, но ничего плохого не произошло. Понесло Наталью как легкий парашютик одуванчика, сначала плавно вниз, потом в ту сторону, куда бежит река, она снизилась так, что, кажется, пятками воды коснулась, однако потом устремилась вверх, проплыла над барыней, сделала разворот и опустилась за землю от нее метрах в пяти.

Софья Алексеевна о чем-то малость подумала, затем решительно прошагала к тому месту, откуда взлетела Наталья, но посмотрела вниз, на валуны, впечатанные в глину, на темный омуток реки, и решительность ее тотчас исчезла. Тогда барыня оглянулась, нашла глазом маленький пригорок посреди ровного поля, тяжеломерно поднялась на него, стала на вершинке, руками задергала, на цыпочки приподнялась... Одно время ей показалось, что тело уже невесомо, она закрыла глаза и почувствовала, что летит...

Но летела Софья Алексеевна лицом в бурьян. Разругалась безбожно, поднялась при помощи Натальи, та начала с нее репы снимать, но барыня решительно повелела:

— Показывай еще раз, да без спешки, так, чтоб я всё видела. Ну!

— Барыня, Софья Алексеевна! Я ж и так ничего не таю! Это – кому дано, тот и летает. Другому, к примеру, хороший голос даден, а я вот петь совсем не умею...

— Я тебя петь и не заставляю, — Бугаева сердито ткнула пальцем в сторону пригорка. — Отсель давай теперь, взлетай!

Вздохнула Наталья. Поднялась на пригорок, и не отталкивалась даже, а так – словно перед очередным шагом увидела, что на колючку наступить может, и зависла нога над землей. И тело тихонько, как просила Софья Алексеевна,

стало воспарять, чуть покачиваться со стороны в сторону, как покачивается гусиный пух, поднятый ветерком... Вот уже Наталья выше пояса барыни поднялась, вот выше головы, потом так, что и рукой до нее не дотянуться...

Заржал испуганный конь за ее спиной и ударил копытом, следом вскрикнул человек.

Оглянулась Наталья. Увидела в десяти метрах от себя, у первых деревьев молодого леса, всадника. Ойкнула, со страха девичьего развернулась и полетела воздухом напрямик к своей избе.

А Софья Алексеевна к конному заспешила:

— Никитушка, родной, уж не за мной ли? Только кивни, я мигом соберусь... Да и собираться даже не буду — прямо сейчас ехать готова!

Гоголев словно не слышал ее слова:

— Ангел зеленоглазый, — сказал, глядя вслед упорхнувшей Наталье.

— Девка это моя. Закончит платья перешивать — сдам ее ярыжке: умна больно. Куда ж ты, Никитушка? Я же — вот она...

Капитан Гоголев Софью Алексеевну как и не заметил: конь его без всякой тропы, напрямик, пошел рысью к избе, что почти затерялась в елях.

Глава четырнадцатая.

У дома Федора

Поглядел Алексей, как сохнут травы, развешанные на чердаке, перебрал их. Барин крутился тут же, в каждую почти травинку тыкал толстым пальцем, спрашивал пискляво:

— Это отчего? А это? А почему во дворе под солнышком не разложил? У меня же там стол большой, где яблоки да груши для узвара сушим...

— Солнце, Борис Васильевич, всю силу у них сожжет. Польза от такой травы останется только для коровы. К тому же, стол из ели сбит, а она смолу выделяет. Запах хороший, но не для дягиля со стальником. А переступень даже рядом с другой травой держать нельзя, потому отдельно пусть лежит...

— Ну дока, смотрю! Ты мне к ночи ближе накапай в чарку такого, ну, чтоб... О, как раз и гулечка моя показалась.

Проворно для своего веса спустился Бугаев с чердака, поспешил к входившей в калитку Софье Алексеевне. У той были сжаты губы и гневом пылали очи.

— Голубушка, ты чем расстроена? Али болит что?

Та досадливо поморщилась:

— Выпороть надо было Наталью как следует. Всё ты только собираешься, а дела нет.

— Опять летала? — всплеснул ладонями Борис Васильевич. — Ну тогда прямо завтра же...

Алексей, прослышав это, спрыгнул с чердака и скорым шагом поторопился к Наталье. Пусть завтра с рассвета в лес уйдет, за клюквой, к примеру, да не торопится возвращаться, может, к тому времени гнев Бугаевой и развеется. Уж Алексей постарается его развеять, придумает что-то.

За огородом дома Натальи стоял всадник. Солнце слепило лекаря в глаза, и он не смог понять, кто это. Да и потом, новому человеку удивляться ли тому, что появился в Бреднево военный верхом на коне? Может, тут у них каждый день такое случается. Словом, увидел Алексей, что дверь избы подперта чурбачком, и не останавливаясь пошел дальше — к Федору.

И правильно сделал. Наталья стояла с Назаровым у порога, видно, она только-только постучалась в дверь, а хозяин вышел, прикрывая ладонью воспаленные глаза.

— Чего тебе, девка?

— Ой, дядя Федор, прямо не знаю, что делать...

Тут и Алексей подоспел:

— Наталья, там тебя всадник дожидается.

Она закивала головой:

— Знаю. Оттого и в тревоге. Это военный, от которого наша барыня забрюхатела.

— Как? — вскинулся Назаров, и рот открыл, словно в зевке.

— Как? — крайне удивился Алексей.

— А с меня, значит, денег требует? — Назаров схватил в кулак свою бороду. — Что за баба!?

— Ну, ловка, — хохотнул Алексей. — Всех вокруг пальца... А может, и не всех, а может, и четвёртый кто есть? Или ты чего-то спутала, Наталья?

— Ничего я не спутала! Потому и страшно. Капитан этот, который на коне — он видел меня в лесу, где с барыней хороводился. Никак жизни меня лишить приехал.

— Да пусть попробует! — Назаров взял стоявшую у стены избы дубинку, с которой, было время, и волка бил. — Это я коли что непонятное, то сомлеваю, а когда по-честному подраться... Силушка уже не та, но с плеча кому хошь врежу! Лекарь, али не поможешь?

Фыркнул конь, выехал из-за угла избы, всадник вперил свой острый взгляд в Наталью.

— Чего надо? — сурово спросил Федор, и пальцы его при этом заиграли, удобнее обхватывая рукоять дубины. — Откуда взялся и кто такой?

— Слуга отечеству своему, — спокойно ответил Никита Гоголев, всё не отводя глаз от девушки.

— А хоть и слуга. Если приехал Наталье что плохое сделать...

— Да разве ж можно ей плохое сделать? — капитан спешился, сделал шаг к девушке. — Я сам за это кому угодно... Ангелов нельзя обижать.

Никита протянул к ней руку, и Наталья развернулась было бежать, но сразу же уткнулась в грудь бабки Ульяны, неведомо как оказавшейся у избы Назарова. Крутанулась, спряталась за спину старухи.

— Чего здесь происходит? — сухим и строгим своим голосом спросила та. — Тебе что, военный, барыни не хватает?

Гоголев наконец оглядел всех, улыбнулся на дубину в руке Назарова, опустил руку на эфес сабли, но тотчас убрал ее от оружия.

— Я не с плохими помыслами, поверьте. Не знаю, кто вы, но я готов ее тоже защищать, коли надо, и у меня это не хуже получится. Я видел ее парящей в небе, я знаю, так летают ангелы...

— Смешной народ, — Ульяна покачала головой, голос ее чуть потеплел, но стал еле слышен — сама себе она говорила, а не для иных ушей. — Смешной, право. Будто легче на коне ездить, чем летать.

— И никакой не ангел, — даже с маленькой обидой возразил капитану Назаров. — Дочь Глашки, мне ли не знать! — Тут он вспомнил Нэю, рыжую, зеленоглазую, с такой же родинкой, как у Натальи, и счел нужным добавить. — А если и не Глашки, то все одно самой настоящей бабы. Ангелы — они же бестелесные, а у этой ногти острые были, и кожа, гладкая такая...

Старуха сузила глаза и сжала губы — слова Назарова не понравились ей.

— Не всё я знала, — сказала она опять только себе. — И это те, кто требовал от меня не вмешиваться в эту жизнь. Ладно, при встрече напомним... — И обратилась к Гоголеву. — Я спросила, ты не ответил — что от Натальи хочешь? Барыни для утех не хватает?

Никита исподлобья оглядел ее с ног до головы:

— Много знаешь, старуха. А коль даже знаешь, в мои дела прощу не соваться.

Ульяна удивленно приподняла брови:

— Хочешь сказать, что Наталья — твое дело?

Он чуть стушевался:

— Нет, конечно, я... Я сейчас Софью Алексеевну имею в виду.

— Ах, Софью Алексеевну. Тогда чего ж ты здесь? Езжай к усадьбе, объясняйся с Бугаевым. Так нет же, примчался сюда девочку пугать.

— Никого пугать я не собираюсь, — ответил Никита. — Я просто хочу выяснить, телесное это существо или эфирное.

— Пороть ее завтра собираются, — сказал Алексей. — А раз так, стало быть, Наталья самая настоящая девка. Только летающая. Это, конечно, противоречит законам природы...

— Рано тебе о таких законах рассуждать, — снисходительно улыбнулась Ульяна. И обратилась вновь к Гоголеву. — Наталья из крови и плоти, как все мы. Дальше что?

— Дальше? — Никита на какой-то миг задумался. — Не думал даже, что дальше.

— Подумай, а уж потом и приезжай.

Наталья вышла из-за спины Ульяны, робость ее прошла, глаза опять сверкнули лукавством:

— А зачем приезжать? Чтоб барыня меня со свету изжила? Если ничего плохого мне сделать не хочешь, то забудь сюда дорогу.

Неожиданно конь Гоголева затряс гривой, тронулся с места, потянулся мордой к Наталье, тронул ее плечо мокрыми губами. Девушка положила ему руку на холку, нащупала пальцами грубый рубец:

— У, шрам какой! Где же это тебя?

— Польская пуля след оставила, — Никита поймал на себе пристальный и не первый уже взгляд старухи, спросил ее. — Что так рассматриваешь? И на мне шрамы ищешь, что ли?

— Чего искать, на скуле вон он, всем виден, — забормотала та, — но будут еще раны, ох, будут. Полетит ядро, прямо под лошадью взорвется, и... Ничего не получается, чтоб изменить судьбу, пробуй, не пробуй. Или еще попытаться?

Гоголев не услышал этого бормотания, и обратился уже к Наталье:

— Не посмеет Софья Алексеевна тебе ничего плохого сделать! Я найду, что ей сказать. А эти люди — кто тебе?

— Просто хорошие люди, — ответила она уклончиво.

— Я уже подумал, что дальше буду делать, и хотел бы сказать это твоим родным. Увезу тебя к своей матушке, не как девку дворовую, а как... как...

Гоголев запнулся, подыскивая нужное слово, и быстрая на язык Наталья тотчас подсказала:

— Как диво летающее? Ты только у наших мужиков веревки возьми, чтоб не упорхнула. Меня тут на веревках водят.

Рука капитана тотчас легла на рукоять сабли:

— Если я это увижу...

— Горячий какой, — качнула головой Ульяна. — Остынь. А то сейчас одно говоришь, а потом как отец возьмешься за вино да за карты.

Побелел Никита лицом, глаза темными стали:

— Ты батюшку моего знала?

— Хорошо, если бы ты в деда пошел, в Леонтия, — ответила старуха. — Порядочный был человек, усадьбу вашу он строил. А Михаил, батюшка твой, уже совсем не то. Правда, матушка — славная женщина, у нее все мысли — о тебе. Ты ей, когда в гости наведешься, подарок не забудь в Москве купить. Шаль белую... Нет, ее в торговых рядах в тот день не будет. Да и к матери в этот раз ты не попадешь. А для другого раза — попроси Наталью, она шаль свяжет. Таковую, что через перстенок легко пройдет.

Ульяна подняла руку и посмотрела при этом на белый невзрачный перстенок на пальце. Федор Назаров не удержался, крикнул:

— Ты это... Мой это перстенок!

— Тебе был отдан, — согласилась та. — Не знала я всей твоей истории, думала, Орн мне его сбросил, когда пролетал, чтоб о себе напомнить. — Старуха сняла с пальца перстень, протянула его Назарову. — Держи. Только это не тот, который тебе нужнее других. Всего их тринадцать было, а этот восьмой из найденных, так?

— Ну! — только и выдохнул удивленный Федор.

— Еще три поблизости лежат, найти их легко, — сказала Ульяна, прикрыв ладонью глаза. — Один у Леси, с ней можно договориться, а последний... С последним всё сложнее. — Она резко отбросила руку от глаз. — Скажи, Федор, зачем тебе перстни?

— Ну как же, — пожал плечами Назаров. — Приказ выполнить, имя доброе себе вернуть, золото получить, да звание...

— Для начала Преображенский приказ тобой займется, — прервала его старуха. — Пыточные камеры пройдешь, поведаешь, почему гибель стрельцов своих допустил. Виноват в том?

— Виноват, — потерянно кивнул Федор.

— А про Орна что скажешь? Что на дивном корабле с ним плыл? Что Москву странную видел?

— Про рождение царя Петра скажу, — неуверенно молвил Назаров. — Как он ножками сучил...

— И кого ж этим удивишь? Все знают, что Петр родился, стало быть, сучил ножками-то... Больным тебя посчитают, Федор, и счастье будет, если вообще живым останешься. Да и потом, зачем тебе золото, а? Чины зачем? Это все нужно, когда молод и красив, когда на дело способен, когда твои слава и богатство наследникам адресуются.

— Может, и есть у меня наследники, — сказал Назаров, бросив быстрый взгляд на Наталью. — И вообще, мне решать.

— Решай. И перстни оставшиеся находи. — Старуха зло, по-мужски, плюнула себе под ноги. — Нет, не ошибался Орн: что судьбой начертано, уже не переделать. Потому живите как живут все твари земные. Размножайтесь, мрите и забудьте, что умели хотя бы летать...

Гоголев чутко вслушивался в разговор Ульяны с Назаровым, пытаясь хоть что-то понять из него. Когда старуха развернулась, желая уйти отсюда и взяв за руку Наталью, он сказал:

— Подожди, поясни, о чем ты сейчас говорила.

— Ты мало что поймешь.

— А если не пояснишь, я ведь вообще ничего не пойму.

Ульяна остановилась, уже через плечо посмотрела на капитана:

— Может, ты и прав. И потом, за всем-то я сама и не поспею, опора мне нужна, хотя бы малая. Для начала вот что скажу: я могу в суть вещей смотреть, понимаешь? Знаю, что было, могу предугадывать, что будет, и хотела бы как-то влиять на процессы... Я сложно выражаюсь?

— Как Кассандра, — сказал в раздумье Алексей — он читал о ней в книгах Иоганна, старого своего хозяина.

— Колдунья, — не очень уверенно молвил Назаров. — Вот приедет ярыжка Никодим...

— Ты меня, Федор, дураками не стращай, я на них нагляделась. — Ульяна присела на скамью, поставленную у стены дома. — Лучше вон у того гнилого пня, справа, поковыряйся, найдешь там, чего ищешь.

Назаров недоверчиво взглянул на нее, но наклонился над пнем, стал руками разгребать землю, вырывать траву.

— Поглубже, — сказала Ульяна. — Лет вон уже сколько прошло!

— Есть! — выдохнул Назаров и сел на тот же пенек, показывая ладонь с лежащим на ней перстнем.

— Это еще не перстень Орна, — старуха вздохнула. — Тот я сразу определяю. Ну так вот, слушайте...

Глава пятнадцатая.

Смерть узника

Точно в это же время в покои царя спешил Федор Юрьевич Ромодановский.

Он был из малого числа тех людей, которым дозволено без лишних церемоний заходить к Петру в любое время дня и без доклада. Петр безмерно доверял ему. Отбывая в Азовские походы и на запад в составе Великого посольства, бразды управления страной отдал Федору Юрьевичу, присвоив титулы Его Величества и «князь-кесарь». Ныне Ромодановский возглавлял Преображенский приказ, выискивая врагов государства и особо следя за сводной сестрой Петра Софьей, честолюбивой женщиной, из-за которой прошли по Москве стрельецкие бунты.

Было Ромодановскому около шестидесяти, но огромная сила еще сохранилась в нем, двухметровом гиганте, способном ударом кулака завалить быка. Изведали эту силу многие из тех, кто содержался в темницах и пыточных камерах. Впрочем, с недругов что взять?! Друзья же знали Федора Юрьевича как спокойного, выдержанного, доброго человека, умеющего любого разговорить и на любую тему.

Умён был Ромодановский, мысли свои прекрасно вкладывал в голову царя, когда еще участвовал с ним в потешных боях...

Впрочем, время потех прошло.

В распахнутом кафтане с золотыми галунами, он шел так быстро и решительно, что с пути его людишки разбегались как мыши, хоть и они не были последними в этих коридорах.

Петр работал с бумагами. Оторвал от них голову, увидев входящего Ромодановского, сразу понял, что случилось нечто, привстал навстречу, так и не выложив пера из руки:

— Ты сам не свой, вижу, Федор Юрьевич. Софья опять проказничает?

— Софья? Нет, нет, Ваше Величество, ничего такого вроде... Беды нет, но есть то, что уму моему не властно.

— Садись, рассказывай.

Ромодановский опустил в предложенное кресло, прямо, по-военному, держа спину. Сел на своё место и Петр.

— Даже не знаю, с чего начать. Помнишь август восемьдесят девятого, Петр Алексеевич? Когда Софья Алексеевна надумала на тебя стрельцов натравить и тебе пришлось ночью из Преображенского в Троице-Сергиевый монастырь скакать?

Царь не любил вспоминать то время, и сейчас поморщился:

— Я ж так и думал: Софья замешана...

— Прости, Петр Алексеевич. Тему затрагиваю старую, печальную, но вынужден это делать. Более того, совсем глупый вопрос задам.

Царь удивленно посмотрел на своего любимца, не понимая, к чему тот клонит разговор:

— Федор Юрьевич, что было, то прошло, после того вон сколько событий разных поприключалось, что ж мы будем ерунду какую-то вспоминать?

— Лишь одно знать хочу, Петр Алексеевич. Не был я тогда в твоей свите, не слышал о деталях, потому проясни только одно. В ту ночь на полпути к монастырю не случилось тебе упасть с лошади?

Петр, опять вернувшийся было к бумагам, так вскинул руку, что листы разлетелись со стола по полу.

— Кто ересь такую выдумывает? Кому это надо видеть, что царь русский в седле удержаться не может и в пыли валяется? И ты тоже хорош, Федор Юрьевич: вместо того, чтоб вредные слухи на месте пресекать, бежишь меня расстраивать.

Ромодановский потер ладонью широкий лоб, прикрыл глаза, какое-то время выжидая и не говоря ничего в ответ на упреки царя. Он знал, что государь сейчас успокоится, и после этого можно будет продолжить разговор.

Так и вышло. Петр сам поднял рассыпанные листы, сложил их стопкой на край стола, потом встал напротив кресла Ромодановского:

— Ты уже выявил, кто сие болтает?

— Выявить было несложно. Он у нас в камерах сидит. Давно уже.

Царь выпятил нижнюю губу, покачал головой:

— Те, кто меня сопровождал в ту ночь, жизнями рисковали. Как же такого человека в темницу могли бросить, да еще без моего ведения?

— Он из Преображенского в монастырь не скакал, государь.

— Значит, о моей конфузии ему рассказал тот, который видел, как я упал. Выяснили уже это?

— Никто не мог ему рассказать. Потому я и пришел к тебе, Петр Алексеевич. Стрелец Лукьянов служил еще при батюшке вашем Алексее Михайловиче, посажен был при Федоре Алексеевиче за смутные речи, в камере один содержался. Всех, кто тебя спасал от Софьи и сопровождал в Троице-Сергиевый, я знаю, они не болтливы и не могли никак со стрельцом видаться.

— Тогда что же? — растерянno спросил Петр.

— Вот и я не знаю. Этот Лукьянов... Когда его допрашивали и голос повысили, он секретарю сказал: сейчас под тобой стул рассыплется и ты рухнешь на пол. И тот рухнул. Но это ерунда всё. Он еще такое пророчествует... Словом, надо бы тебе его послушать, Петр Алексеевич.

Царь искоса уставил свой проницательный взгляд на Ромодановского, который так и не открыл глаз, коротко и громко хохотнул:

— Устал ты, смотрю, Федор Юрьевич. На воды тебе съездить бы. Ишь, что несешь!

Тут он опять резко поднялся, сказал уже сухо и быстро:

— Poiщи мне платье, чтоб не узнал никто.

Через час Ромодановский и Петр заходили в обитель узника. Царя Григорий, естественно, не признал, и потому по-свойски обратился к Ромодановскому:

— Вот ведь как, Федор Юрьевич! Вспомнил я, как ты и просил, имя поручика! Павел Якушев. Вспоминал, вспоминал... У царя на руках он Богу душу отдаст от тяжелой раны, и с той поры царь запечалится, узнав, что все мы не вечны, и умрет, а все никак не поймут, отчего его болезни образовались.

— Ты для начала скажи о том, что уже было, — попросил Петр. — Что за конь под царем был, какова ночь была, как он падал.

— Так чего ж, я хорошо помню то, что видел, когда на горе с восточными людьми был, — уверенно сказал Лукьянов. — Я же все это время как раз и вспоминал. Конь гнедой, грива длинная, нестриженная, а царь упал на правый бок, и хорошо, что не вскочил на ноги сразу, потому как другой конь через него, лежащего, перепрыгнул. А то бы как дал копытами...

— Всё так, — прошептал Петр. — Всё сходится. Теперь о поручике Павле Якушеве говори. Когда с ним смерть приключится?

— Среди бела дня, на берегу реки, десятого июля. В молдавском походе это будет. Там царь на грани поражения и смерти окажется, ему не стоило тот поход зачинать...

Петр чуть заметно пожал плечами. Ни в какие походы он пока не собирался. И тут задал свой вопрос Ромодановский:

— А царь когда и как помрет?

— Нет! — Петр вскочил, вскинул ладонь, словно защищаясь. — Это не надобно! Не надобно это!

И почти бегом выскочил из камеры. Ромодановский еле поспевал за ним.

Уже выйдя на свежий воздух, царь спросил:

— За что стрельца посадили?

— Да никаких особых грехов на нем нет. Пил, пьяный болтал, что видел, как девка летает, как из воздуха корабль диковинный возник, и что есть перстень волшебный... При нем вправду перстень был, ничего особого, ни камня, ни золота – так... Что прикажешь с Лукьяновым сотворить, государь? Выпустить, или удушить? По моему разумению, пусть бы сидел, как сидит. Казну не проест, может, еще что интересное вспомнит. Хотя не пойму, как можно вспомнить то, что не видел. Гадает, видно, на чем-то. Иные, говорят, могут даже на хлебном мякише.

Петр кивнул:

— И я такое слышал. Враньё, это, конечно. А с другой стороны – падал я ведь с лошади, Федор Юрьевич. Может, он как раз в том лесу с девкой блудил, да увидел всё, а? А остальное насочинял?

— Я же докладывал: еще при Федоре Алексеевиче стрелец этот был посажен, и тогда же сам полковник Лутохин признал его, как и другие служивые полка.

— Все же должен быть какой-то ответ на загадку, а? Вызнай. А пока никого к нему, никого! Казнить человека не за что. Противу государства нашего ничего ведь не вытворяет.

— Так у нас тут еще есть, которые... не вытворяют. То колдуют, то с мертвыми общаются, то порчу наводят... За границей, слышал, таких на кострах жгут.

— За границей пусть делают, что хотят, а ты всем этим чудакам нашим – палками по заднице и взащей отсюда. – Петр фыркнул. – Кормить таких за государственный счет не надо. Лучше Лукьянову порции увеличь. Я хочу к нему еще прийти.

— Не откладывай только надолго, Петр Алексеевич. – Ромодановский непритворно вздохнул. – Гаснет стрелец. Тебе сравнивать не с чем, а я вижу: день ото дня все слабее, недолго ему осталось.

— Лекарей найди!

Дав такое распоряжение, царь пошел дальше один.

Он решил встретиться с удивительным стрельцом завтра же.

Но ночью Григорий Лукьянов умер.

Глава шестнадцатая.

Откровения от Ульяны

— Так вот, слушайте, — повторила Ульяна. — Мне многое дано. У каждого на лбу читаю про семью, про дела, знаю, что было, угадываю, что будет. Мне только видеть этого человека надо. Как вас, к примеру. Но не могу пока хоть что-то изменить в том, что происходит. А хотелось бы. С этим, собственно, и осталась жить тут.

— Что значит — изменить? — любопытствовал Гоголев.

Вместо ответа она сказала Назарову:

— Федор, еще один перстень у вывороченной сосны лежит, вон у той, которая метров за пятьдесят в сторону реки. Там справа лопух растет, выдерни его и покопайся.

Дважды Федора просить не надо было, а старуха теперь повернулась к Никите:

— Сейчас он споткнется о правую ногу и упадет. Встанет, потрет колено и заругается.

Федор бежал к сосне. И не заметил булыжник, притаившийся в траве. Шмякнулся мордой в колючки, взвыл, заматерился, растирая ушибленное колено. Но похромал дальше.

Капитан, удивленный до крайности, спросил:

— А если бы ты его предупредила?

— О чем? Об этом камне? Он бы через пару метров нашел другой, задел его не правой, а левой ногой, но все равно полетел бы. Пробовала вмешиваться, пробовала. Это надо было Федору час талдычить о том, что идти требуется внимательно, под ноги все время смотреть, высокую траву обходить, а лучше вообще – окружным путем, тропой к речке, а оттуда уже – к сосне. Если бы я ему стала это всё говорить, знаешь, какой бы тут хохот стоял? И ты бы ржал, капитан. Вы слушать не умеете, вам к любой цели обязательно по прямой надо.

— А Наталья слушать умеет? Поэтому ты и научила ее летать?

Ульяна скривилась, как от зубной боли:

— Да не учила я ее! Это вы научились не летать, не плавать, не понимать звериный язык. Умели все это, а потом забыли. А кто не забыл – того пороть, а то и на костер.

От места, где они стояли, хорошо были видны все действия Назарова. Старик повоевал с лопухом, вырвал и отбросил огромный его ствол в сторону, затем по-собачьи, на четвереньках, стал рыться в земле, и заорал:

— Есть!

— Ну а как же может не быть, — спокойно молвила старуха.

— Ты и сквозь землю видишь? — спросил Гоголев.

— Сейчас мне это ни к чему. Федор, видно, каждый перстень по сто раз осматривал, ощупывал, вот и оставил на нем всю нужную мне информ... Как бы это понятней объяснить? Ты, капитан, когда домой приезжаешь, ловишь знакомые запахи?

— Наверное, — сказал, подумав, Гоголев. И добавил уже уверенней. — Ловлю, конечно. Особенно в моей комнате, где я детство провел. Это трудно объяснить...

— Это долго объяснить не смогут, — кивнула Ульяна. И далее обратилась уже к подошедшему Федору. — Показывай, что нашел. — Взглянула на перстень. — Опять не тот. Где еще два, я знаю, а вот по поводу тринадцатого... Он после тебя в чужих руках был, и того человека я не знаю.

— Да откуда ж тебе его знать! — воскликнул Назаров. — У Лукьянова Григория перстень был, из моей полусотни. Я его в Москву послал, потому он живой и остался. Ярыжка Никодим мне сказал, что посадили Григория, голый зад людям показывал и болтал не то, что надо.

— Значит, по линии Преображенского приказа, — сказала себе Ульяна. — Капитан, у тебя в Москве среди служивого люда друзья-знакомые есть?

— А как же, — ответил Гоголев. — В походы вместе ходили. Может, и повидаяюсь с кем из них.

— Может, и повидаетесь, — старуха взяла с ладони Назарова перстень, протерла его от земли.

Федор было захотел что-то сказать и забрать перстень обратно, но Ульяна так на него взглянула, что Назаров даже голову в плечи втянул. Потом она повернулась к Никите.

— Говоришь, капитан, Отечеству служишь, не щадя живота своего?

— От пуль не бегаю, — сказал Гоголев.

— Верю. Есть и совесть, и храбрость. Потому жить тебе будет трудно. — Она повторила это уже Наталье. — Трудно будет ему, девочка.

— А мне-то что, — фыркнула та. — Мне с ним ночи не коротать и детей не нянчить.

— Как знать, как знать, — в раздумье покачала головой Ульяна. — Мы-то свое будущее видим не всегда так, как оно складывается на самом деле. Вот Алексей, к примеру. Лекарем, значит, стать хочешь? Получается у тебя пока и это,

и головы дурить таким, как Бугаев. Хорошо, что своей выгоды в этом не ищешь. Так на какой путь станешь?

— Мне одно сейчас надо — сделать так, чтоб барыня Павлу Ивановичу жизнь не испортила. И сразу вернусь домой, буду там хозяину помогать...

— Похвальное желание. Только... Ты мне сначала помоги. На Змеиную гать сходи. Там перстенок хранится, который, может, как раз нам и нужен. Всем поможет. Ну? Пойдешь?

— Раз нужда есть, чего ж не сходить. Только я и примерно не знаю, где та гать, да где там перстень искать.

— Про гать тебе Федор расскажет, он на ней бывал.

Назаров кивнул:

— Так вместе и пойдем. Однако место суровое, без большой нужды я бы туда ни ногой, разве что за перстнем... Только в голову не возьму, как он там очутился?

— Сорока здесь его подобрала, туда в гнездо свое утащила. Из гнезда перстень вывалился, в ручей упал, где его Леся увидала. Она мне об этом и сказала.

— Леся, — Назаров поскреб затылок. — А ее как встретить? Болото — не изба.

— Найдете ее у старой запруды, где омут, знаешь?

— Придется другим берегом идти, потому что по нашему берегу трясина сплошная.

— Правильно. Дойдете к месту, где кувшинки растут, по левую руку овраг с терном начнется...

— Знаю, там старое волчье логово.

— Аккурат против логова. Подойдете к берегу, позовете, она и выплывет.

— Это как? — не понял Алексей. — Откуда выплывет? Что она, рыба, что ли?

— Не рыба — русалка,— пояснил уже Назаров. — Видел я их там. Не хотелось бы встречаться. Дубинку возьму на всякий случай.

— Дурак ты, Федор, — вздохнула Ульяна. — Уж кому тяжело жить, так это им, гонимым. Вот кого уважить да пожалеть, а ты — о дубине. — Она пристально посмотрела на Алексея. — Хотя, жалеть жалеи, но смотри, чтоб голову не задурили. Это они умеют, красавицы синеокие.

— Когда идти можно? — только и спросил тот.

— Да хоть сейчас. Ночи ныне лунные, при луне и разговоры лучше идут. Только не с пустыми руками: я Лесе, пожалуй, платок передам. Такой подарок ей, правда, ни к чему, но они любят, когда им что-то дают.

Долго молчавший Гоголев не сдержался:

— За день сколько увидел и услышал, что полковому медику показаться надо: на месте ли мозги? Что, в болоте и

вправду русалка живет? И про какие перстни вы тут толкуете?

— Расскажу, обо всём расскажу, — Ульяна протянула ему перстень. — Не знаю вот, поймешь ли только... А пока просьба у меня к тебе будет. Постарайся в Москве увидеть Григория Лукьянова и забрать у него перстень. Или хотя бы на этот поменять. Этим тоже Отечеству службу сослужишь, поверь...

В сумерках уже возвращался в полк капитан Гоголев. Конь, видно, помнил дорогу, шел уверенно.

На полпути столкнулся Никита с встречным всадником. То был Никодим.

— Припозднился, — сказал он, словно оправдываясь. — Дела задержали, и потом, кровь долго шла, морда распухла... Больно вы меня... это самое... Хотя оно, может, и к лучшему, что поздно еду. По ночи люди откровенней, да и не надо, чтоб меня в Бреднево видели. Осмелюсь спросить, вы, господин капитан, ничего такого не заметили? Ну, — он замахал руками, — чтоб летал там кто-нибудь, а? Или мысли нездоровые высказывал? Поймите, я не ради любопытства, это ж тоже государево дело...

— Не видел ничего такого, — хмуро ответил Гоголев, стараясь объехать стоящую поперек тропы лошадь ярыжки. И объехал бы, но тот, на свою беду, ляпнул:

— Я на девку-то местную соберу показания. Не сомневаюсь — она летает. Многое на это указывает. Так что и бабу-ведьму возьмем, и Наталью. В яме земляной, да на цепи — вот что смирению научит. Все, понимаешь, ходят, а ей летать нужно. И я для нее, видите ли, не подхожу. Это самое обидное. Погоди у меня, стерва...

Не сдержался Гоголев, вновь двинул ярыжку кулаком по носу, да так, что тот с коня слетел. Кровь опять полилась на жидкую бородавку.

— А сейчас за что?

— Просил же в мои личные дела не вмешиваться.

— Так я же о девке, а не о барыне.

— Теперь и Наталья — личное мое дело. Держись от нее подальше, а то ведь нос совсем доломаю.

Уехал капитан Гоголев, а Никодим, зло глядя ему вослед, забубнил:

— Ладно, в Москву скоро поеду — доложу кому надо! И ничего, что офицер. «Слово и дело государево» — к этому прислушаются!

Глава семнадцатая.

Змеиная гать

Похожие на золотые ладьи отлетевшие листья берез недвижно замерли на темном зеркале воды. Но вот с громким шлепком прыгнула с обрывчика испуганная людьми водяная крыса, легкая волна потревожила длинный тонкий камыш, золотые ладьи и бледные еще звезды закачались в болоте.

Федор Назаров шел на три шага впереди, зорко глядя под ноги. Гать ведь не зря называлась змеиной, гады разных мастей селились здесь, и среди безобидных ужей и медянок попадались огромные серые гадюки, укус которых, хоть прижигай раскаленной головешкой, хоть кровь из ранки высасывай, а все равно приведет если не к смерти, то к долгой болезни. Одну такую тварь, бросившуюся уже было на ногу Назарова, Федор успел пришибить своей дубинкой, сказав при этом:

— Хорошо, однако, что ночью мои глаза видят лучше, чем днем. Ты, Алексей, старайся по моим шагам идти, а то змеи расползаются и злыми становятся. Цапнет такая гада — и не увидишь русалку.

Болото пошло на расширение, высветились под луной поляны желтых кубышек, белых кувшинок. Слева начался овраг, заросший невысоким корявым кустарником.

— Если терн целебный, ты только скажи — приведу тебя сюда хоть завтра. Тут его пруд пруди. Только волков много. Но меня они уже знают, даже духа моего боятся. Я тут логова их разорял, давал матёрым жару. Во, видел?

Как бы в подтверждение слов Назарова рыкнул недалеко зверь, выскочил было из оврага на чистое пространство, блеснули луной страшные глаза. Волк оказался от них почти рядом, шагах в пятнадцати, увидел мужиков с палками, развернулся, убежал — зашуршала листва под его лапами.

— Эти не страшны, — заулыбался Назаров. — Вот когда в стаи сбиваться начнут — тогда, конечно, они смелые. — Он остановился, огляделся. — Пришли, кажется. Вот тут русалки наши хороводы водят — на троицу, на день Ивана Купалы.

— Ты что, дядя Федор, и хороводы видел?

— Зачем мне их видеть? Я за девками не подсматриваю, будь то хоть и русалки. Вот смотри: дуб стоит, а по кругу от него трава вытоптана. Кто, думаешь, этот след оставил?

Алексей и в самом деле увидел, что вокруг ствола огромного дерева четко обозначена тропа с давно выбитой травой. На свой вопрос Федор же убежденно и ответил:

— За руки берутся, в круг становятся и пляшут. Только веселья у них не получается: поют как плачут.

— А чего ж нам веселиться? — раздался вдруг голос сверху.
— Ни музыки, ни парней, ни нарядов. Вот и Ульяна ничего не передала, да?

— Есть подарок, — сказал Назаров, снимая заплечный мешок. — Слезай, бери.

Он при этом даже не поднял головы. Зато это тотчас сделал Алексей, однако ничего интересного в густой кроне дуба не увидел несмотря на то, что листва уже почти вся облетела. В сплетении корявых веток только угадывался чей-то силуэт.

— Нет, подбрось сюда, поймаю, — сказала русалка. — А то мальчика засмущаю наготой своей.

— А сама, значит, не смущаешься, — засмеялся Назаров, вытащил платок, бросил ее вверх, и тотчас с дерева прыгнула и оказалась рядом с ними невысокая девушка, невесть как успевшая обернуть платок вокруг бедер. Алексею она не доставала до плеча. Волосы ее были длинные, густы, при луне отливали сине-зеленым цветом, пряча под своими шелковистыми волнами груди. — Так это тебя Лесей зовут?

— А кого же еще, — с оттенком печали ответила русалка. — Я здесь одна осталась. Только по праздникам подружки с

соседних омутов приходят, но и их мало... Ах, какой красивый паренек, руки сильные, плечи широкие, кожа гладкая. – Она провела ладонью по щеке Алексея. Пальцы были холодные, мокрые, но прикосновение все равно оказалось приятным, у Алексея даже голова закружилась. – Вы за перстнем пришли, да?

— За перстнем, — хрипло ответил Алексей. От непонятного волнения сжало горло.

Русалка повернулась к Назарову:

— Я дам перстень. А ты оставь мне до утра этого красавца, а? Я ему о нашей жизни расскажу, жилище свое покажу, кровать свою, рыбой угощу. Утром он домой прибежит, я на нужную тропу выведу. Оставь парня. Тем более, он сам этого хочет.

И расправила свои волосы так, чтоб оказались открытыми груди.

Назаров посмотрел на Алексея. У того были чумные глаза.

— Э, лекарь, я вижу, ты поплыл. Что, в самом деле остаться с нею хочешь?

— А чего ж, — выдавил Алексей.

— А того ж, что завтра тогда придется сюда с мужиками приходить утопленника искать. Тебя, то есть. Оно нам надо?

Леся фыркнула:

— Что вы о нас так думаете! Ничего плохого вашему Алексею я не сделаю. А он узнает, как русалки любить умеют. Пойдем.

Она протянула руку парню, и тот уж было сделал шаг ей навстречу, но тут Назаров гаркнул так, что, кажется, кувшинки вздрогнули:

— Отойди от него, а то я тебе сейчас... — и замахнулся дубинкой.

Леся ойкнула, мигом, как белка, оказалась опять на дереве. Уже оттуда рассмеялась, и смех был злым, схожим с хохотом филина:

— Ошиблась я, надо было тебя, старого, обольщать. Ты до девок всегда охоч был. Да и сейчас, сказывают, хоть и седина в бороду...

— Однако, мозги не потерял, — сказал Назаров, все еще помахивая дубиной. — Знаю, что от вас ждать можно, потому не обольщаюсь и не боюсь.

Леся покачала головой:

— Ой ли? А кто в штаны наложил, когда летящую Наталью увидел?

Если Назаров и смутился, то самую малость:

— Это другое дело. Ты, как все, плаваешь, пусть лучше, чем мы, но все равно это понятно. Или лесовика возьми. Одичал, среди зверей живет, а все ж ходит как мы, и дубиной при случае пользоваться умеет. Но вот летать — совсем не по-людски. Хоть Ульяна и говорит, что все мы когда-то летали...

— Мне иногда снится, что я летаю, — мечтательно сказала русалка. — Милашечка, а тебе не снится?

Алексей, к которому был обращен этот вопрос, жадно смотрел вверх, разглядывая Лесю, и лишь покачал головой.

— Ты что на меня так смотришь? Думал, у меня кожа как у лягушки и рыбий хвост, да?

Она расположилась так, чтоб луна лучше освещала ее тело — стройное, гибкое, и отражалась в зеленых глазах.

— Залезай сюда, я подвинусь...

— Всё! — гаркнул Назаров, заметив, что Алексей и в самом деле готов лезть на дерево. — Не до утра же нам тут ласы точить. Расстанемся по-хорошему. Гони перстенок.

— Сам возьми, — сказала она. — Камни у воды видишь? Под третьим, там подстилка из сухого мха — в ней.

До камней было метров тридцать, не больше. Пока Назаров пошел к ним, перевернул нужный и действительно нашел там перстень, Леся вновь соскочила с дерева, прошла мимо Алексея, что-то шепнув ему, и с крутого бережка

прыгнула в воду. Так прыгнула, что ни брызг, ни шума не последовало. В темной болотной воде чуть задрожала отраженная луна.

— Ишь ты, — восхитился Назаров. — Не девка, а рыба. Ладно, пойдем домой, Ульяне перстень покажем, вдруг тот, который нам и нужен.

В Бреднево дошли без приключений, если не считать того, что из тернового оврага вышла пара волков и сопровождала их почти до села.

Ульяна перстень осмотрела и опечалилась:

— Не тот. Так что одна надежда теперь на Гоголева. Он вроде человек расторопный, авось, всё у него получится.

Глава восемнадцатая.

Московские приключения

— Слово и дело государево!

Человек, принявший Никодима, внимательным образом оглядел его. Тщедушный мужичонка, морда разбита, сапог порван. Ничего серьезного от таких посетителей слышать не приходится. Больше жалуются друг на друга, а эти дела надо разбирать не в Преображенском приказе, где проблемы государственной важности решаются, а околоточному

надзирателю. Однако ж ради соблюдения проформы, — ярыжка все-таки, — ему задается вопрос:

— Коротко и чётко: с чем пожаловал?

— С доносом, — гордо вскинув голову, отвечивал Никодим. — По весьма значимому поводу.

— Докладывай свой повод.

— Доношу на капитана Гоголева из стрельцов, он замешан в измене. Покрывает преступные деяния, направленные супротив государства нашего.

Высоким штилем в приемной Преображенского приказа никого не обманешь, все приходящие сюда примерно так и выражаются, а потом оказывается, что этот самый преступник или девку соблазнил, или подрался по пьяни, или товар гнилой подсунул... Нет, сейчас иные посетители нужны. Во всех четырнадцати камерах приказа содержатся те, кто сводную цареву сестру Софью поддерживает, кто мечтает ее на престол вместо Петра Алексеевича возвести. Из-за этого не так давно новый бунт стрельцов приключился. Часть их генерал Гордон из пушек перестрелял, часть сидит в темницах Воскресенского и других монастырей. Более сотни повесили под окнами Новодевичьего монастыря, под окнами кельи, где проживает Софья. Выявить бы ее связь с этими разбойниками — вот чего ждет Ромодановский!

А ярыжка – даже интересно, что он считает изменой капитана Гоголева? Не жену ли его бравый военный охмурил? А раз это жена ярыжки, значит, сие есть великое преступление. Желая проверить свою догадку, человек, дежуривший по Преображенскому приказу, спросил:

— В деле стрельца Гоголева что, женщина замешана?

— Об этом и хочу сказать. — Никодим тут же подивился: как это здесь, в далекой от Бреднева Москве, всё уже, видать, знают? Вот только вопрос, про Наталью летающую они знают, или про жену Бориса Васильевича Бугаева? — Замешана, и не простая женщина, — он даже палец вверх поднял.

— И чем же она не простая? Для начала скажи, имя у нее есть?

Никодим посильнее напряг свой умишко. Поначалу, наверное, надо все же сказать о том, что Гоголев с замужней барыней спутался, из-за нее в Бреднево приехал, а там уже встречался с Натальей и взял ее под покровительство. Да, о барыне сначала надо...

— Есть имя. Софья.

Человек тотчас напрягся. Он только что думал о сестре царя, и тут это имя прозвучало...

— А по батюшке как?

— Так Софья Алексеевна.

Человек встал из-за стола. Кажется, даже побледнел немного.

— Та самая? — тихо спросил.

«Вот ведь как, — уважительно подумал Никодим. — Серьёзная контора. Что где ни происходит — всё знают. Даже жену Бугаева». И сам тоже перешел чуть ли не на шепот:

— Та самая.

— И Гоголев с ней что, имеет какую-то связь?

— Неоднократно встречался, чему есть свидетели. Связь имеет, и еще какую...

Человек сказал — «Сидеть!», и не вышел, а выбежал из кабинета. У него был строгий приказ: если донос касается бывшей царицы, самому записей никаких не делать, расспросов не вести, а немедленно докладывать начальству.

Начальство, выслушав его, поспешило на доклад к Ромодановскому, но прежде приказало срочно разыскать в Москве капитана Гоголева, приведшего сюда молодых солдат, и доставить одного в нужное место.

Разыскать, если только нужный объект не сидел у кого-то в доме, было несложно. Офицеры любили хаживать или в Китай-город, если хватало денег на дорогие покупки и питейные заведения, или в Белый город, на ту сторону реки

Неглинки, где тоже приличный каба́к располагался напротив Арсенала, но цены в нем были более щадящие.

Капитан Никита Гоголев, как мы знаем, имел еще поручение от полкового командира Петра Ефимовича Лысакова по поводу сапог, потому сразу заглянул на Сыромятники, купил там что надо, оттуда отправился искать матери в подарок белую шаль. Зашел в крытые ряды Китай-города, и тут подбежали к нему люди, окружили, предложили проехать с ними куда следует. Вели себя они чинно, поскольку и сами не знали, за вину ли какую понадобился капитан их начальству, или для награды.

А князь Федор Юрьевич Ромодановский, толком даже не отобедав, — ибо сам распорядился, что ежели про Софью новая вестъ придет, то даже во время обеда и сна сообщать ему, — шел уже по сырому темному коридору в сопровождении секретаря Преображенского приказа самолично допрашивать офицера, имеющего связи с опальной царевной. Когда-то это была «потешная изба» на берегу Яузы, где царь Петр Алексеевич постигал тактику войны в играх. Ныне же стала главной дворцовой канцелярией, где проходили и заседания боярской думы. О подвалах нынешних даже не все бояре знали. Постоянную службу тут несли немногие: два дьяка да подъячие, лекари,

заплечный мастер, сторожа, плотники, кузнецы да прикомандированные офицеры гвардии.

Сомнения одолевали Ромодановского. Отвлекли его от лука, томленного в жирной говядине, и соленых огурцов, потому настроение было плохое. А тут еще – какой-то мелкий ярыжка, ему в заднице пальцем ковыряться, а не тайны Софьи знать. И капитан – далеко от Москвы квартирует, с заговорами ничем связан не должен быть, а уж с самой Софьей встречаться – это и представить нельзя. В Москве всего-то пару раз и был.

— Ярыжка – он не больной на голову, случайно? – спрашивает Ромодановский.

— Не могу знать.

— Если соврал себе в угоду – на дыбу его.

Лук был порезан крупно, получился сладковатым, остыл до той степени, когда можно есть не обжигаясь. И на ж тебе! Выпить выпил, а закусить не успел. Ругает сам себя князь, что поторопился, оставив обед. Чувствует, что не так тут что-то.

Да всё не так!

Зашли в мрачное помещение, где сидел ярыжка.

— Свечей прибавить? – спросил секретарь.

— Не нужно. Пойди вон.

Остался Федор Юрьевич один на один с ярыжкой. На фоне огромного князя Никодим вообще мышью казался. А тут еще и голову в плечи втянул, чувствуя, что не с простым смертным разговаривать придется. Даже подбородок задрожал.

— Говори, — рявкнул Ромодановский.

— Про что?

— Да уж не про грибы-ягоды. Про то, с чем пришел. Про Софью и Гоголева твоего. Где и как они встречаться могли, откуда это тебе стало известно.

— В лесу встречались. Где под старой елью копенка сена, он ее там, значит, и валял...

Ромодановский закрыл глаза, затряс головой:

— Постой. Кого валял? Кто?

— Ну, Софью. Софью Алексеевну, жену помещика Бориса Васильевича Бугаева. А валял Гоголев Никита Михайлович. Я тут о нем много собрал. Он хоть и воевал храбро, а однако ж покровительствует дворовой девке Наталье. Она летает!

Последнюю фразу Никодим подчеркнул голосом, но князь не услышал ее. Он громко и зло хохотал. При этом так стукнул обоими кулаками по столу, что в дверь тотчас заглянул секретарь:

— Все в порядке?

Федор Юрьевич, уже задыхаясь от смеха, поманил его к себе пальцем, тяжело встал и распорядился:

— Значит, так. Этого, который допрашивал и всю бучу поднял... Как его?

— Поручик Якушев.

Фамилия почему-то показалась Ромодановскому знакомой, но он всего на секунду задумался, потом решив, что Якушевых в Москве хоть пруд пруди, махнул рукой:

— Якушева к чертям собачьим отсюда. К чертям собачьим!

И вышел из камеры.

Секретарь догнал его уже в коридоре:

— А ярыжку, стало быть, на дыбу?

— Да что хотите, то с ним и делайте. Хотя... — Ромодановский уже отошел от нервного смеха, помолчал, подумав. — Присмотрись. Может, использовать как-то можно. Дураки тоже иногда пользу приносят, особенно если они услужливые.

Секретарь понимающе согнул голову:

— И еще. Капитана Головлева разыскали, привели. Как с ним быть?

Ромодановский ткнул секретаря пальцем в грудь:

— Замужних барынь по копнам валять — это государственное преступление или доблесть?

— По мне — не преступление, — аккуратно ответил секретарь.

— По мне тоже. Потому капитана накормите, напоите, заодно придумайте, зачем сюда доставили, презент вручите и пусть идет, куда хочет.

— Презент? — переспросил секретарь.

— Ну да. У казенных стрельцов и пистолей много хороших, и сабель — зачем им на складах ржаветь? Да и безделушек много у них поотымали...

Ромодановский вышел, секретарь проводил его до кареты, поклонился вслед. Потом спросил у подбежавшего к нему офицера:

— Где Гоголев? Давайте его сюда.

— Так вон он, в углу двора.

Никита приблизился к секретарю и удивленно взглянул на него:

— Прохоров? Господин майор? Иван Николаевич?

Тот тоже с искренней улыбкой сделал шаги навстречу:

— Никита Михайлович!

Встретились два боевых товарища...

Трудно сказать, чем бы закончилась эта встреча, дослушай Ромодановский донос Никодима до конца – о летающей Наталье. Может, еще бы посмеялся, а может – девку на костер, офицера в пыточные камеры, и повел бы его туда майор Прохоров, и самолично зубы Никите дробил, вычеркнув напрочь из памяти то, что вместе проливали они кровь в сабельных атаках. А может, и проявил бы храбрость заступиться за друга...

Ну да ладно. Счастливые моменты в нашей жизни тоже бывают.

Через час майор с капитаном сидели за скромным столом, на котором, впрочем, хватало всего, чтоб поддерживалось хорошее настроение и легче вспоминалось прошлое. Как Гоголев сумел повернуть разговор в нужное для него русло – неважно, главное что сумел. О кометах речь зашла.

— Может, и золотые, — говорил Прохоров. — Батюшка нашего царя, Алексей Михайлович, посылал отряд стрельцов упавшую комету разыскать, а чего они нашли, так до конца и непонятно.

— Сказка это, — качал головой Никита. — Я тоже слышал, что посылал, да враки всё, наверное. Если бы посылал, те бы вернулись, рассказали, что да как.

— В том то и дело, что не вернулись. Пропали — и всё.

— Да разве ж люди — иголка? Не могло быть такого.

— А я тебе говорю... Знаешь, между прочим, что мы сидим в камере, где одного вернувшегося из того отряда стрельца содержали? Григория Лукьянова? Сам царь Петр Алексеевич к нему приходил.

— И где сейчас Лукьянов?

— Умер. Похоронили его. Отдельно от разбойников, с крестом.

— Жалко, — и Гоголев вздохнул. — Как бы ни хоронили, а ни следа от человека не осталось.

— Да, — согласился Прохоров. — У меня вот отец умер, а остались я, да брат, да сабелька, с которой он хорошо управляться умел. А этот — словно не жил. Правда, перстень остался.

— Перстень?

— Ну да. Пока им никто не интересуется, я его прибрал в свой уголок. Покажу сейчас.

Вышел майор и тотчас вернулся, на ладони тряпицу держит. Развернул ее, и увидел Никита перстень, точь-в-точь такой, какой был у старухи Ульяны на пальце и какой Назаров у гнилого пня нашел.

— Простенький, — сказал Прохоров. — Не то, что у князя Ромодановского. Федор Юрьевич потому на него и смотреть не захотел, хоть и волшебный.

— Что ж в нем за волшебство? — спросил Никита.

— Да это так, выдумка, конечно. Лукьянов свидетельствовал, будто видел, что эта штука может человека в разные страны переносить.

— Врал? — Никита внимательно осматривал перстень. Ни царапины на нем, ни вмятины, ни крапины ржавчины.

— Я бы точнее сказал: сначала от пьянок, потом от камеры тронулся малость Лукьянов. Вот и говорил то, что на языке, а не на уме. Правда, — Прохоров продолжил уже с оттенком смущения, — угадывал он много, понимаешь? Что Петр Алексеевич родится, что царем станет — я сам все эти его показания читал. Как такое быть может, в толк не возьму. Но перстень тут ни при чем. Мы, признаюсь, его, — он заулыбался, — уж как на пальцах ни крутили.

— Занятная вещь, — Гоголев легонько подбросил перстень и поймал его. При этом, конечно, всё сделал так, что майор не заметил подмены одного перстня на другой — на тот, который дала Никите старуха Ульяна. — Он вам очень нужен?

Прохоров кстати вспомнил совет князя Ромодановского о презенте и сказал:

— Забирай! Только по бумагам я проведу, что саблю тебе выдал, договорились?

— А чего ж, мне сабля и не нужна, у меня своя хорошая есть, угорского выкова...

Тут бы и закончить главу, да надо упомянуть еще о двух героях ее, поскольку упоминания эти будут существенными для понимания дальнейших событий.

Князю Федору Юрьевичу Ромодановскому лук, томленный в говяжьем жиру, приготовили заново. Но это было уже не то. Он показался ему пересоленным и сыроватым. Так толком и не поев, Федор Юрьевич отправился спать. Но и сон не приходил. Спокойствию в голове что-то мешало. То комариный зуд, то мертвая тишина, когда комара прогнали. Так иногда раздражает чириканье воробья, когда не ладится какое-то большое дело. Только уже всё-таки засыпая, глава Преображенского приказа понял, что тревожило его. Фамилия человека, которого он прогнал со службы. Якушев. Что-то связано с ним. Но что? Господи, неужели это уже отголоски старости? Или это как пшено, попавшее в сапог? Мелочь, а ногу трет. Надо всего-то разуться и выкинуть.

Якушев... Нет, было бы что важное с этой фамилией связано, вспомнил бы. Точно – пшено.

Заснул Ромодановский. Чтоб назавтра проснуться, забыть об этом треклятом лейтенанте и вспомнить лишь много лет спустя...

А когда князь уже спал, в крохотной комнатке Преображенского приказа сидел на жестком топчане ярыжка Никодим. Сидел и проклинал себя за то, что приперся в Москву, осмелился на донос, и чем это кончится, трудно сказать. Сквозь толстые стены все равно слышно, как в пыточных камерах орут люди, и почему-то кажется, что завтра прямо с утра и ему начнут ломать руки да подвешивать крюком под ребро. За что – он даже не думал об этом, знал, что вина за каждым всегда найдется. После беседы с князем его привел в эту комнатку толстый человек с волосатыми руками, скорее всего палач, хмуро бросил: «Завтра твою судьбу решать будут». И оставил на столе кусок хлеба и кружку кипятку. Никодим был голоден, с утра по дороге сюда только пирожок съел, но разве что полезет сейчас в горло? Эх, вернуть бы все назад, он бы капитану Гоголеву сапоги пыльные целовал, а Наталье бы сережки серебряные подарил. Другое дело, нет их, сережек, у

Никодима, но скажи кто, подари, мол, сережки, и тебя выпустят отсюда, нашел бы...

Ночь прошла. Не пошевелился ярыжка на топчане, как с вечера сел, так и сидит. Уже солнце заглянуло в крошечное оконце на самом верху, почти под потолком, уже пробежали люди по коридору, уже из пыточной вопли раздались... Когда скрипнула дверь коморки, в которой он сидел, Никодим почувствовал, как остановилось его сердце. «А вот и не поломают руки, — сказал он себе. — Я умру сейчас, и всё».

Он с безразличием взглянул на вошедшего. Это был офицер, вчера сопровождавший князя. Остановился у порога, брезгливо оглядел коморку, стол с куском хлеба и кружкой воды, самого Никодима, и сказал то, что ярыжка и представить себе не мог:

— Князь пожелал видеть тебя здесь на службе. Слушай, что тебе делать предстоит...

Глава девятнадцатая.

Тихие страсти

Вдали от столицы Бреднево кажется тихим раем. Теплый день заканчивается таким же вечером. Барин Борис Васильевич Бугаев сидит за столом, поедает печеную тыкву и

выпивает приготовленную Алексеем настойку. Ему кажется, что сегодня в постели с Софьей Алексеевной должно всё получиться. И ведь что удивительно: обычная трава, обычный листик с цветочком, а чего с организмом вытворяют! Только, конечно, надо знать, что рвать и как употреблять. Хорошо бы лекаря не отпускать, он всегда под рукой должен быть. Но его, как Гавро, на цепь ведь не посадишь. Да и опасно это. Раз толк в снадобьях имеет, если что, и опоить может чем-нибудь непотребным, а то и до смерти отравить. По-хорошему с ним надо. К примеру, дать понять, что за каждым его шагом мужики незаметно следят, и если вздумает бежать, дальше болот никуда не денется. Так что пусть тут живет. Вот народится у Бугаева сынок, станет его грамоте учить, да и знахарскому делу – не помешает.

Хотя, конечно, если Алексея в Москве ждут, то искать начнут, и те же мужики Бугаева выдадут с потрохами. Что придумать?

Потягивает Борис Васильевич настойку, с робостью поглядывает на супругу свою, Софью Алексеевну, прикидывает, что в форму еще не вошел, что еще чуть-чуть выпить надо...

А Софья Алексеевна сидит у окошка с пальцами на коленях, вышивает крестиком, и размышляет при этом о

непростом для себя вопросе. Так получилось, что и сама не знает, от кого дитя понесла. Все как-то не с кем и не с кем греховничать было, одно время думала, что мужики все чета мужу, да выпало счастье разубедиться, и от счастья этого не смогла остановиться, за неделю, считай, троих отпробовала, душу отвела. Зло такое на мужа появилось – прямо убила бы за то, что телесного счастья столько времени лишал.

Но что с этим счастьем сейчас делать? С Никитой убежать – пустое желание, не хочет он этого, ему летающую девку подавай. Старик Назаров, хоть и крепкий еще, но на кой он ей нужен? Правда, денежки, кажется, водятся, да и потом, если отмыть, одеть... Лекарь из Валуевки Павел Иванович и годами подходит, и разумением, да хватки в нем никакой, надо в его умную голову другие мысли вбивать...

Софья Алексеевна ойкнула, уколовшись иглой, и ругнула себя: чего мечтать-то? Мужа куда деть? Вот он, рядом, дурак толстый, настои пьет и думает, что они помогут. Может, конечно, и помогают, что-то там у него получается, чего раньше не получалось, но от этого «что-то» еще горше становится. Она-то теперь знает, как это должно происходить...

Некуда мужа деть.

Разве что другой настой дать выпить. С лекарем Алексеем надо на эту тему поговорить. А не согласится – что ж, она и сама найдет верную отраву, но на него спишет.

— Пашка! – крикнула.

Маленький кучер затопал под окнами, влетел в комнату барыни.

— Чего изволите, Софья Алексеевна? Запрягать?

— Нет. Другое изволю. Лекарь где?

— Сидит травки свои перебирает.

— Глаз с него не спускать, понял? И днем и ночью. О каждом шаге чтоб я знала.

— Как не понять. И днем и ночью не спускать. А утром да вечером?

— Ох, дурак, — вздохнула Софья Алексеевна. — Раз я говорю о каждом шаге, то... Понял или нет? Да чтоб лекарь этого не заметил!

Пашка поднял глаза к потолку, подумал, потом кивнул:

— Это я умею. Не заметит.

— Тогда иди.

С таким же топотом кучер выскочил из комнаты. А барыня вновь взялась за пальцы. Крестиком вышивалось синее небо и летящая по нему уточка. Красиво всё так получалось...

Федор Назаров в этот вечер сидел в темной избе перед открытым ларцом и перебирал перстни. Теперь только двух не хватало до чертовой дюжины. Один старуха Ульяна отдала капитану, второй он сам давным-давно отдал Григорию Лукьянову. Где сейчас тот Лукьянов? Возможно ли сыскать его? Не потерял ли он подарок Орна? Эх, если б вернуть в ларец все перстни! И поехать бы в Москву, и найти полковника Егора Ивановича Лутохина, и доложить ему о комете. Отдать перстни, получить награду, да жилье, да должность хорошую, жениться, пусть хоть на вдове, лишь бы было кому рассказывать о своих приключениях.

Хотя, полковника Лутохина, скорее всего, уже нет в живых. Самому вон уже сколько, а он-то старше намного был! Да и права Ульяна, спросят в Москве о погибших стрельцах, о том, почему вовремя не вернулся в свой полк, заставят отчитаться по казенным деньгам, которых и половина не осталась. Ясно, чем дело закончится, и голову на плаху не очень-то охота нести. Лучше уж здесь, в Бреднево, дни добывать. А перстеньки пусть полежат, мало ли как жизнь повернется.

О перстнях в этот вечер думала и старуха Ульяна, правда, несколько иначе. Мудр Отео Рэй Натеус, ничего не скажешь. Что бы он там ни говорил Назарову, а перстни, конечно же,

для нее передавал. Зачем они хоть стрелцу, хоть царю? Так, забава, потому что пользоваться ими никто тут не умеет. Да и выбрать нужный никто не сможет.

Затею ее прилюдно Орн не разделял, и тем не менее прислал подарок. Значит, не против, чтоб она продолжила задуманное.

Когда-то Улэ была в его команде. Прилетела сюда, ужаснулась нравам и философии дальних-дальних своих предков, и решив помочь им обустроиться иначе, осталась. Как ни уговаривали ее, как ни разубеждали, что ничего нельзя поделать, что жизнь идет по своим законам, и будь ты хоть семи пядей во лбу, ничего не изменишь... Ей просто запретили оставаться, и тогда она ушла. Ночью, как дикарка, нарушив все инструкции. Орн вышел с ней на одностороннюю связь и сказал, когда прилетит следующий раз и где точно надо будет его ждать. Он рассчитывал, что она образумится и вернется в привычный для нее мир. Но Улэ стала Уल्याной и не захотела возвращать старое имя.

Связи с Орном теперь у нее нет. Связь будет, когда она найдет тринадцатый перстень.

Но перстень ей нужен не только для связи.

Нынче пошла на ущерб луна. Уल्याна смотрела на нее, опершись на огромный серый камень, тот самый, где любила

греться по вечерам змея, живущая у нее под домом. Сейчас камень остыл, змея уползла, летучие мыши потянулись с чердака сплошной черной лентой.

Не для связи нужен перстень...

Орн говорил: существует запрет на любой контакт и любое действие, поскольку мы точно не знаем, чем отзовется наше вмешательство.

В реке тонул ребенок. Ему было пять лет. Он бросал камешки в воду, крутой берег осыпался и мальчишка оказался в воде. Улэ вытащила его. Отео Рэй Натеус был в гневе, хотя внешне оставался очень спокойным. Но Улэ прекрасно знала его — они вместе росли, в один год закончили единую академию Земли — и понимала, что Орн в гневе. Этот мальчик, — выговаривал он ей, убьет своих братьев, чтоб прийти к власти. Мы к этому становимся причастны. Мальчик вырос, и в борьбе за княжеский престол сначала зарезал ножом своего дядю, а потом сжег двух братьев, собственноручно подперев двери и бросив горящий факел на камышовую крышу дома.

Потом был второй случай. Умирала девушка, очень красивая, умная, обожаемая всеми. Умирала от пустяка — ее поцарапала бешеная лисица. Для Улэ вылечить ее ничего не стоило. «Посмотри, что ты наделала, — сказал Орн,

показывая на экран перстня. – Видишь? Эта бестия выросла, вышла замуж, родила двух сыновей, потом отравила мужа, бросила детей и с любовником убежала в чужую страну. Из-за нее началась война, погибли тысячи, а ее сыновья стали разбойниками и закончили жизнь на виселице».

«Но я спасала десятилетнюю девочку»...

«Это твой последний полет, — с горечью сказал Отео Рэй Натеус. — Ты сознательно нарушаешь инструкции и по возвращении домой будешь лишена права заниматься изучением наглядной истории».

Если так, тогда мой дом будет здесь, — сказала она себе. И ночью ушла. Так нельзя было делать, это тоже наказуемо. Она стала подвластна времени, — начала стареть. Не так быстро, конечно, как те, кто ныне живет с нею, но все же, все же...

Орн догадывался, что она уйдет. Накануне вечером между ними состоялся разговор. Улэ начала его. «Мы могли бы вмешаться и сделать так, чтоб она не бросила семью и до старости жила с мужем. А юноша, ставший князем, примирился бы с братьями и дядей. Я думаю, это возможно, Орн. Стоит лишь выявить критические точки, явиться туда и направить действие в нужное русло»...

«У нас нет права распоряжаться чужими жизнями и придумывать судьбы».

«Почему? Если это в наших силах... Ну как же можно пройти мимо, когда тонет мальчик?»

«Можно. Чтоб не было еще хуже. И закончим эту дискуссию».

«Но я не могу иначе, Орн!»

Он внимательно посмотрел на нее и сказал не отводя взгляда, в котором не было зла:

«Я знаю, Высший совет осудит тебя, и найдет тебе другую работу. Будешь выращивать цветы или ухаживать за животными».

«Высший совет – ладно. А ты – ты тоже осуждаешь?»

Он не мог сказать «нет». Он сам был членом Высшего совета и тоже составлял эти проклятые инструкции...

Ухнул филин. Улэ очнулась от воспоминаний и вновь стала старухой Ульяной.

Луна светила так ярко, что она не только увидела человека, шагавшего по полю, но и узнала его. Это был знахарь. Он спешил в сторону Змеиной гати. Старуха пробурчала:

— Ай да Леся! Уговорила все-таки, уломала парня! И что ж теперь будет? – Она прикрыла глаза, с минуту стояла так,

потом улыбнулась. – Да ничего. Всадник проедет... Попужается малость, но это ему только на пользу.

В этой главе и осталось лишь рассказать, что произошло с Алексеем.

Если помните, перед тем, как отдать перстень, русалка шепнула нечто на ухо парню, Назаров этого и не заметил, а то бы догадался, что пригласила она его на свидание, и образумил бы того, объяснил, чем оно может закончиться. А так – дождался Алексей первых звезд, и надеясь, что никто его не видит, поспешил к дивной зеленоглазке.

Напрасно только надеялся. Пашка и вправду, как говорил барыне, имел дар выслеживать. В кустарниках да высокой траве ему таиться было нетрудно. И все время держался он метрах в тридцати от знахаря.

А тот, потеряв всякую бдительность, спешил на свидание. Про змей Алексей вспомнил, только когда в медовой от лунного света воде увидел извивающегося гада, плывущего в его сторону. Отогнал аспида камнем, поискал глазами крепкую палку, чтоб уверенней идти по опасной тропе, но тут же понял, что навряд ли она поможет, поскольку в отличие от дяди Федора ночью он видел плохо. И как знать, что предпринял бы Алексей, не передумал бы переться по

коварной осоке, населенной опасными тварями, но тут раздался грудной мягкий голос русалки:

— А я тебя тут жду. Вдруг волков да гадюк испугаешься.

— Вот еще, — сказал Алексей, довольный тем, что сейчас не видно, как он покраснел. — Раз пообещал...

Леся протянула ему руку:

— Держись. Со мной тебя никто не тронет.

Так и дошли до знакомого уже лекарю дуба. Тут она прильнула к его груди:

— Ты дрожишь. Холодно тебе, небось?

Она была одета как и при первой встрече: лишь платок окутывал бедра.

— Нет, — ответил Алексей. — Это ты — словно ледяная.

— Нет, я горячая, — зашептала она. — Сейчас ты увидишь... Мы пойдем в мою избу, там сухие водоросли, они мягче, чем сено на твоём сеновале, обними меня за плечи...

Она повела его к озеру. Он шел безропотно, даже тогда, когда берег закончился и вода дошла уже до пояса. Только спросил:

— А где твоя изба?

— Рядом, под водой. Ты не бойся только, со мной ничего не надо бояться. Там хорошо, там очень хорошо.

— А я и не боюсь, — сказал он, не ощущая, что вода уже доходит до груди...

И тут рядом раздался выстрел. Такой громкий, что даже озеро встревожилось и пошло рябью. Русалка вскрикнула, рыбкой нырнула и исчезла под водой. Алексей, придя в себя, выскочил на берег, прямо к тому месту, где стоял всадник. Луна светила тому в спину, лица было не разглядеть. Но по голосу лекарь сразу же узнал стрелявшего. Это был Никита Гоголев.

— Ты чего это, парень — среди ночи купаться вздумал?

— Ага, — ответил Алексей.

— И для этого сюда приперся? У вас же рядом речка хорошая. И потом, почему в одежде?

Алексей оглядел себя, мало что понимая: штаны и рубаха мокрые, в цепкой ряске.

— Оступился, что ли?

— Ясное дело, — Алексей мысленно поблагодарил капитана за подсказку. — Гулял и свалился нечаянно.

— Рисковый ты, — покачал головой Никита. — Нашел где гулять. Тут волки шастают, я одного пристрелил только что. Бросился на коня.

— А тебя каким ветром на Змеиную гать занесло?

Никита рукой махнул:

— Заплутал. К вам же дороги такими петлями идут, что голова кружится, вот и захотел спрямить путь. Еще при солнце вроде бы напрямик поехал, а оно видишь, как вышло... — Он огляделся. — Жуткие места. Ну что, я спешусь и проведушь меня до села?

— Лучше верхом. Змей тут много.

— Не только их. — Капитан стал вглядываться в мелкий кустарник, растущий справа, в сторону леса. — Еще что-то тут пробежало, карла какая-то кривоногая.

— Да, тут, говорят, всякой нечести полно.

— Тогда садись на круп...

Бреднево уже спало, лишь в окошке бабки Ульяны горела тусклая лучина.

Казалось, она их только и ждала. Гоголев с Алексеем подходили к избе, а Ульяна уже вышла навстречу, спросила сходу:

— Удалось перстень раздобыть?

Никита вытащил из кармана платок, развернул его, достал оттуда перстень и протянул старухе. Та тут же зажала его в крепком сухом кулаке:

— Вот он. Тот, что надо!

Глава двадцатая.

Подающий надежды

Ах, как славно было бы не упоминать больше о таком мелком и ничтожном человечешке, как ярыжка Никодим. Ну что он, право, представляет собой? У него даже бороденка не растет как следует, и глаза бесцветные, водянистые, чуть косящие, и угри по морде, и силы в руках никакой... Так нет, не избавиться нам от него, потому как такие вот особи довольно часто решают наши судьбы...

Ярыжкой он стал, потому что малость грамоте был обучен, читал и даже писал. Майор Прохоров проверил сначала, может ли Никодим арестованных разговорить. Видя, как тот кнутом с кожаными полосками и свинцовыми бляшками на их концах бьет остервенело, входя в раж и себя не чуя, увел его от допросов, усадил за чтение. Через какое-то время спросил, что Никодим нашел интересного в старых рукописях и книгах. Тот с готовностью школяра отвечал:

— В Базеле, Лионе и в английских городах колдунов жгли так, что дым солнце застилал. А еще их топили в реках и разрывали лошадьми.

— За что? – поинтересовался майор.

— Они с дьяволом заодно были.

— Заодно против кого? Что они вытворяли такое?

Никодим удивленно взглянул на Прохорова:

— Ну, чего обычно ведьмы и колдуны вытворяют? Болячки напускают, скотину морят, учат людей летать...

Прохоров поморщился:

— Опять о своем! Если у тебя зубы гнилые, что — ведьма виновата? Или если у меня конь захромал, так кого иного винить, что он копыто сбил, когда это я за ним не уследил?

Никодиму на ответ времени не понадобилось:

— А когда люди летают? Им не дозволено природой, а они летают, это как?

Прохоров укоризненно покачал головой:

— Коль пришел служить в эту контору, о природе забудь. Ты разве читал царёв указ о воспрещении людям летать? Нет такого указа. А вот наказывать за распространение слухов несуразных — есть. Раз сам не видел тех, кто летает, чего болтаешь?

— Видел! — вскрикнул ярыжка, вспомнив, как прыгнула от его рук и поднялась до потолка избы Наталья. — Поклясться могу, что видел. Девка летала.

— Красивая? — спросил майор.

— Очень.

— Такая красивая, что была б на то твоя воля, женился бы?

— Хоть и не ровня она мне, а женился бы.

— Ишь ты, неровня! Что ж ты из себя представляешь, скажи на милость?

Ярыжка вылупил на Прохорова честные круглые глазки:

— Надеюсь, если служба пойдет, может, и представлять начну.

— И тебе, значит, не жалко, что молодую да красивую батогом отхаживать да пытаться будут?

Никодим пожал плечами:

— Так ведь отказала мне Наталья. Я ей намеренья свои высказал, а она рассмеялась и отказала.

Прохоров кивнул:

— Немудрено. А коль отказала, ты, значит, и решил молвить «слово и дело государево». Только ничего из этого не выйдет, клоп ты вонючий.

Ярыжка на такое обращение не обиделся, словно и не услышал его, лишь вздернул редкой бороденкой:

— Почему?

— Прочитал ты, смотрю, много, а главное пропустил. Ну-ка скажи: летающая девица казенному интересу ущерб приносит?

Никодим нахмурил лобик, потом развел руками:

— Вроде не приносит.

— Дальше пойдем. Государственные интересы от нее страдают?

— С чего б им страдать.

— И наконец, самому государю нашему какая беда от того, что в каком-то там глухом российском местечке девка научилась, как утица, по воздуху передвигаться? Нет беды?

— Нет, — вынужден был согласиться ярыжка.

— Вот, — майор порылся в бумагах, лежащих на столе, быстро нашел нужную, похлопал по ней ладонью. — Коль много ты смотрел, да нужного не нашел, давай я зачитаю касаемые тебя строки. «Если люди доносные сказывали за собой «государево дело», а по распросным их речам государева слова и дела не явилось, вразумлять таких кнутом и отсылать в те же города, откуда они присланы». Уразумел? Кнут по тебе плачет, Никодим. Такой, каким ты других пытал: со свинцом на свиных полосках.

— Так разве ж я только о Наталье доносил? — испуганно, давясь слезами, затараторил ярыжка. — Наталья может и не виновата, что летает. Но ее этому, там думаю, старуха Ульяна научила. Настоящая ведьма! Народ ее боится. — Никодим понял, что надо говорить сейчас, он суть быстро схватывал. —

Старуха выше царя себя ставит. Мол, я умею учить людей летать, а он ничего такого не умеет. И потом, она, сказывают, предвидит всё. Живет там из непонятной среды Федор Назаров, она сказала, что он в болото с мостка свалится, и тот свалился. Ульяна также говорит, что жизнь наша несовершенна, плохой уклад у нас. А речам ее внимал капитан Гоголев, к которому тоже присмотреться надо...

— Гоголева не трогать! — прервал говорившего майор. — Он веру Отечеству кровью своей доказывает. А старуху... Ну что, вот и первое твое задание будет: доставь сюда эту Ульяну. Если выяснится, что врешь про нее, наговариваешь ради собственной выгоды, будет тебе строгое наказание, поверь. Если ж есть правда в твоих обвинениях...

— Есть правда, есть! — приложил ладонь к сердцу Никодим. — Сюда бы и Назарова надо, и барыню, и Наталью — к ним ко всем много вопросов.

— Далеко пойдешь, сучий потрох, если тебя вовремя не остановить, — Прохоров, наверное, думал, что сказал это про себя, но вышло вслух. — Ульяну, одну Ульяну сюда доставить, слышишь?

Ярыжка поклонился, задом вышел из кабинета и уже в коридоре, меж решеток с камерами узников, пробурчал:

— Слышу, как же не слышать. Не глухой. Всё понял и услышал. У меня слух и память хорошие, майор Прохоров.

В холодную ветреную погоду конца сентября маленький отряд хмурых военных, недовольных присутствием среди них непонятно какого звания и положения человека, к тому же еще пытающегося давать какие-то распоряжения, выехал из Преображенского почти строго на восток. Человек этот, по привычке вылупляя глаза, нашептывал командиру:

— Это страшная женщина! У нее, сказывают, ядовитая гада избу охраняет днем, а ночью — филин.

— А то мы филинов не видели, — лениво отвечал лейтенант, несмотря на молодость успевший уже повоевать. — И со змеей справимся. Возьмем твою старуху, лишь бы только не исчезла она никуда.

И как в воду смотрел!

Глава двадцать первая.

А в это время...

А в это время до Бреднева холодный ветер, ослабленный бесконечными дубравами да ельниками, не добрался, но и здесь было как в Москве — сыро и неуютно. В помещичьем саду осыпались яблоки, поблекли краски листьев в лесу, даже

березы, вчера еще стоявшие по его краю именинными свечами, превратились в огарки с хилыми нитями ветвей.

Борис Васильевич Бугаев согрелся стопкой, но было так зябко, что он принял еще одну, захотелось с кем-то поговорить, и он отправился на сеновал, к Алексею, тем более что тому для разговора с лекарем вынашивал все последние дни.

Алексей вырезал из дерева какую-то фигурку, и Борис Васильевич, уже и ранее заставая его за этим занятием, спросил:

— Опять павлина делаешь?

— Нет, это я так, — смутившись, ответил лекарь и убрал в карман почти готовую русалочку из можжевельового корня. — Я, правду сказать, сам хотел к вам сегодня зайти. У Софьи Алексеевны уже живот проглядывается, понятно, что рожать к весне будет, а значит, помогли мои настойки, так?

— Согласен, — сказал Борис Васильевич. — И я себя, признаться, — он сжал кулак, — стал чувствовать... Хорошо стал чувствовать. Прямо сила такая!..

— Потому пора мне в Москву собираться, — Алексей поднялся с сена, будто тотчас решил в столицу и отправиться. — Вы бы мне, барин, саквояж вернули, я туда еще укладу собранные травы...

— И чего тебе в той Москве делать? — махнул рукой Бугаев. — Был я там как-то. Суета сует.

— Так и я был, — сказал Алексей. — Мне нравится. К тому же, ждут меня там. И заплатят хорошо, и подарки дадут.

— Какие подарки?

— Разные. Там люди не жадные, моё искусство ценят. Я бы вот сейчас, может, и невесту себе искать начал, да с пустыми руками как к ней подойти? А то бы конфеты, или шаль цветную... Нет, барин, давай по-честному: я своё слово сдержал — и ты сдержи!

— Сдержу, — вздохнул Бугаев. — Только не сейчас. Ну как ребенок слабый родится, или Софья Алексеевна себя плохо чувствовать будет?

— Так это уже не по моей линии, — покачал головой Алексей. — Женщины, когда на сносях, всегда себя плохо чувствуют. Тут знахарю делать нечего.

— А мне настойки? Как же я без настоек? — Борис Васильевич решительно рубанул воздух рукой. — Нет! Будешь тут, пока я не решу. А подарки... Я тут Софье Алексеевне шаль купил, она еще не видела, хотел сюрприз сделать... Э, я ей еще куплю, даже лучшую. А эту тебе дам. Ты правильно говоришь насчет невесты. Пора уже. Только Наталью не бери.

Беда, когда жена летает. Вот вообрази, если б Софья Алексеевна летала? Что за жизнь у меня была бы, а?

Алексей рассмеялся:

— Воображаю. Но Наталья не в моем вкусе. — Он на миг прикрыл глаза и увидел на черном сыром дереве нагую, дрожащую от холода Лесю. Причем, увидел так явственно, что даже и сам вздрогнул. — Где шаль?

— Это другое дело, — заулыбался барин. — Остаёшься, значит, добровольно, не надо тебя под замок сажать или мужиков приставлять, чтоб не сбёг. Я бы это сделал, не сомневайся. А раз сам решил — хорошо. Принесу тебе сейчас шаль. А ты мне настоечку приготовь, чтоб поядрёней.

Через полчаса, спрятав шаль за пазуху, шел Алексей мокрым лугом, не выбирая тропы, в сторону Змеиной гати. Как раз дождик стал накрапывать, переждать бы его, но не было сил ждать...

И опять Ульяна увидела его из своего двора. Она как раз открывала дверь Федору Назарову, и губы дрогнули в горькой усмешке:

— Ну парень, а? Был уже там на краю гибели, и опять бежит. Что ж это за сумасшествие такое!

Назаров не понял этих слов, переспросил:

— Кто сумасшедший? Ты про меня, что ли?

— Нет, Федор, нет, это я так... О судьбе. Видно, и вправду, что на роду написано... Хотя, и этот раз должно обойтись.

Прежде чем переступить порог избы, Назаров внимательно и с опаской, вытянув шею, осмотрел все углы и удивился. В комнате не было ни корыта, ни бадьи, ни посуды на маленьком квадратном столе, ни подушек с тюфяком на топчане. Две скамьи, белые, будто вчера отструганные, с виду хлипкие, и садиться опасно...

— Ты чего меня звала?

— Заходи, не бойся – не съем.

Он все же с робостью ступил на деревянный пол, — такой гладкий, что на нем даже ноги заскользили. Осторожно сел на скамью. Она оказалась удобной, как раз под его рост.

Посреди стола лежал перстень.

Назаров хотел было взять его, уже руку протянул, но старуха опередила, быстро схватила ладонью, будто муху поймала.

— Федор, ну-ка, вспомни, что для меня говорил Отео Рэй Натеус, которого ты называешь Орном.

— Для тебя? – удивился Федор. – Ты что несешь? То про сумасшедшего какого-то, то про край гибели... Восточный человек Орн о тебе и знать не знал, он мне говорил, мне, понимаешь?!

— Тебе его сказ ни к чему, Федор. — Старуха стояла у стола, глядя на перстень, покоившийся на ее сухой ладони. — Да сам посуди: зачем тебе знать детали о жизни императора Петра?

— Какого императора? Он царь российский...

— Будет императором. А сейчас еще раз вспомни, что Орн говорил о молдавском походе Петра. Постарайся слово в слово вспомнить, ничего не забыть.

Назаров прикрыл ладонь глаза, задумался, вспоминая...

— Значит, так. Десятого июля на берегу реки на руках царя нашего умрет от турецкой пули поручик Павел Якушев. Царь крайне расстроится, будет об этом наедине с собой часто вспоминать, и оттого болезнь начнет точить его сердце... Ты чего смеешься?

Ульяна и вправду смеялась. Негромко, словно над собой. И на вопрос Назарова ответила своим вопросом:

— Ты когда с Орном встречался, в какой день недели?

Назаров выпятил нижнюю губу:

— Нашла что спросить. Это когда было-то? Я год не помню, а ты о дне недели спрашиваешь.

— Вот в том-то и дело. Я так предполагаю, что и фамилии стрельцов своих забыл?

Назаров немного подумал, потом кивнул:

— Мало кого помню. Григорий Лукьянов, Петров, Кашин... Всё. Про остальных запомнил.

— Хоть и служил с ними не один год, и в походы ходил... Как же это, Федор, а?

Назаров обиженно возразил:

— Чего ж ты хотела? Старею, память отказывает...

— А про десятое июля помнишь. И поручика Якушева даже по имени назвал, хотя кто он тебе?

Назаров поскреб затылок:

— И правда. Кто мне этот Якушев? А помню почему-то. — Потом недоверчиво прищурился. — А что Орн, разве знал, что я с тобой встречусь?

— Надеялся. Я все время чувствовала, что он где-то в душе разделяет мои убеждения, но при всех сказать это не мог. Не мог! Он наделен большой властью, и это такая ответственность...

— Ты чего-то опять непонятно говоришь, — уставился на нее Назаров. — Орн вождь восточного племени, он сам мне в этом признался. Не такая это уж и большая власть. А что волшебство творить может — фокус это какой-то. Вон наш Алексей — тоже чиха в гада превратил. Твой Орн, может, такое и не смог бы...

— Это точно, — сказала Ульяна. — Змею в птицу — не смог бы... Десятого июля, десятого июля... Это год будет... — Она пристально посмотрела на перстень. — Одиннадцатый год. Только надо немного раньше... Федор, ты пойдешь со мной туда? Мне, возможно, понадобится помощь... Ты же хочешь Отечеству послужить?

— Куда идти надо? — как-то робко спросил Назаров. — Я... это... Ежели на волка с дубиной, или на разбойника, то чего ж... А идти... Погоди, погоди, чего ты делаешь!

Он заметил, что Ульяна надела перстень на палец и стала прокручивать его, как когда-то Орн.

— Что надо делаю. По ходу тебе всё объясню. Нет у меня другого выбора.

Стали зыбкими, а потом вообще пропали стены Ульяновой избы. Зато посветлело всё вокруг, ночь превратилась в день, больно ударил по больным глазам Федора золотой цвет церковных колоколов. Он спрятал лицо в ладони и чуть не упал от толчка в плечо.

— Посторонись, растяпа!

Раскрыл глаза. Прямо перед ним лошадиная морда, а верхом на лошади — офицер, крепкий, краснощекий. Проехал мимо, презрительно глядя на Назарова.

Ульяна оказалась рядом.

— Что это? – спросил Федор у нее.

— Москва это.

Федор огляделся, узнал Кремль, и многое другое узнал.

— И вправду Москва.

Глава двадцать вторая.

Зима 1711-го

Да, это была Москва, январь одиннадцатого года века Петрова.

Восемнадцатого числа, к полудню, на военном совете с приглашением членов Сената выступил Петр. Не любитель длинно говорить, он и сейчас обошелся без словесных изысков. Турки арестовали и заключили в Семибашенный замок русского посланника Петра Андреевича Толстого. У царя с ним были очень непростые отношения – тот участвовал в стрелецком бунте, поддерживал Софью, правда, позже, в азовском походе, проявил доблесть и смекалку, однако все же царь отправил его подальше от столицы на пост хоть и важный, но трудный. И как бы ни оценивал Петр качества своего тезки, но когда турки бросают посла по сути за решетку... Ведь в замке этом не только хранились казна и архивы государства, но и располагались темницы для особо

важных преступников, даже казни устраивались. Один Бог знает, что ждет Толстого.

Однако это была не единственная и даже не главная причина, по которой русский царь собрал совет. Девлет-Гирей с Крыма совершил набег к Харькову, буджакские татары хозяйничали под Немировым, а верховный визирь турков Балтаджи-паша в любой момент готов был войти в Молдавию... Бездействовать Москве нельзя, тем более это было не в характере Петра.

Царь находился в возбужденном состоянии, когда после совета встретился с Федором Юрьевичем Ромодановским.

— Опять останешься тут за меня всем государством управлять, дорогой мой князь-кесарь, а я выступлю к Дунаю, приму под командование полк, а если доверят, то и дивизию, — он раскатисто рассмеялся. — Надо прогуляться, косточки размять.

Осторожный Ромодановский вздохнул:

— Турки серьезный противник, да и молдаване непросты, в том плане, что предать могут.

— Могут, — согласился Петр, впрочем, с той же улыбкой на лице. — Так к этому не привыкать, Федор Юрьевич. Мазепа нас предал, к шведскому Карлу переметнулся, а мы Полтавскую битву выиграли, и где тот Мазепа? Умер со

стыда. Нет, после Полтавы мне турки и предатели не страшны. Ты только тут за порядком следи. Хотя после смерти Софьи смутьянов-то поубавилось, но порядок должно поддерживать строго и жестко, особо...

— Особо если дело затрагивает государственные интересы, — продолжил за царя Ромодановский. — Всё будет исполнено, Петр Алексеевич, не переживай.

Простившись с царем, он решил малость прогуляться по заснеженной площади. Прошел по деревянным мосткам через ворота Спасской башни, которую по старине любил называть Фроловской, остановился, глядя на часы. Поставлены они были на башне совсем недавно, и двух лет не прошло, а раньше, до пожаров, он еще малышом помнит, тут стояли другие, где двигался солнечный диск и показывал время. Хорошие были часы. Но и эти, конечно, не хуже, с перечаьем, то бишь, с боем. Петр Алексеевич из Голландии привез.

Захотелось Ромодановскому постоять да послушать бой, скоро как раз три часа будет, и потом пройтись к торговым палатам, но тут случилось нечто, на что он и переключил все свое внимание. Как раз в стороне торговых рядов началась потасовка. Сначала крик раздался: «Слово и дело государево!» Потом тот, который эти важные слова

прокричал, взвыл по-бабьи, упал в снег, а сверху на него навалился старик в грязном заношенном кожаном плаще. Сразу же побежали к месту драки солдаты, продавцы из торговых рядов, городские зеваки...

Ромодановский за жизнь свою насмотрелся всякого, в другое время повернулся бы и зашагал прочь, а позже за непорядки у Кремля спросил с кого надо, но тут ведь «слово и дело государево» прозвучало, стало быть, не обычная драка...

Он сделал было несколько шагов к толпе, тут как раз дравшихся подняли, и одного из них Федор Юрьевич тотчас признал. Это был Никодим из Преображенского приказа, человек исполнительный, всё время на виду. Уже одно то, что сам Ромодановский его знает, о многом говорит – Никодим ведь не самую высокую должность занимает, так, на побегушках.

Князь остановил встречного офицера, сказал тому:

— Доставить ко мне, обоих.

— Там еще баба, ваше высокопревосходительство.

— Давай и её до кучи...

Ромодановский самолично никого уже не допрашивал. Было такое, да прошло. Это когда процессы по царице Софье шли. Случалось, и морды бил вельможам. Но последнее время больше бумаги читал да выслушивал секретарей.

Ныне же – просто смешно! Старик со старухой, оборванцы – с ними ли вести разговоры Ромодановскому?! Да он их вообще замечать не должен.

Но тут – заметил. Может, развлечься захотелось, может, Никодима проверить – с какого ляда кричит про слово и дело государево?

В кабинет заглядывало заходящее солнце. Лишних свечей не зажигали, Ромодановский вообще любил полумрак. Ему принесли кружку с китайским чаем, он помешал его серебряной ложкой, вылавливая распаренные листы и укладывая их на блюде.

— Ну? – спросил Федор Юрьевич негрозно, даже устало, глядя на Назарова. – С чего драку начал?

Тот не знал, кто перед ним сидит, потому не оробел:

— Разве я начал? Я только бил, а начал он. Мы спокойно шли, смотрели по сторонам, и тут вижу – Никодим! Я-то его по началу осени видел, он у меня вино пил, и потому удивился, что морда у него круглая стала. Когда успел отъесть? Окликнул, а он сразу стал кричать, чтоб меня хватали. Как же не бить?

— Врет! – крикнул Никодим. – Вина я с ним не пил, а в селе этом лет восемь не был.

— Может, еще раз по шее съездить, чтоб вспомнил?

— У меня свидетели, — сказал Никодим, обращаясь к Ромодановскому. — Те, кто может подтвердить, что я из Москвы никуда не отъезжал. Я тут все время, при исполнении.

— Ага! — ухмыльнулся Назаров. — И к Наталье, значит, не стучался, и в морду от нее не получал?

Ромодановскому стало интересно. Жить в Кремле хорошо, но скучно, не хватает причин, чтоб посмеяться от души, всё дела да дела. А тут...

— Кто такая Наталья? — спросил он.

— Девка наша бредневская. Летать умеет. А этот к ней свататься полез. Разве ей такой заморыш нужен? Он же даже драться не умеет. Ногтями да зубами... Смотрите, как грызанул за руку, даже кровь выступила, — и Федор поднял пострадавшую от зубов ярыжки правую кисть.

— Ты сам мне ее в рот сунул, — оправдывался Никодим. — Что же Натальи вашей касается, то я тогда не знал, что она летает. Вернее, знал, что кто-то там летает, но не думал, что она.

— А, так вы оба сумасшедшие, — кивнул Ромодановский, пряча улыбку в бороду. — И ты, старая, тоже такая же? Чем меня рассмешишь?

— Я сюда не смешить тебя пришла, Федор Юрьевич. — Ульяна выговаривала каждое слово твердо, даже сурово, — так не говорил с ним даже Петр, и потому Ромодановский на какой-то миг онемел от наглости женщины. Хотел уж было дать рукой знак страже, чтоб схватили эту безумную старуху, однако пальцы лишь дернулись и замерли. — Я желала этой встречи, и добилась её. Мне необходимо тебе сказать нечто важное. Только распорядись, чтоб все вышли.

— Почему? — спросил князь.

— Они многое не поймут, и пойдут лишние разговоры. Потом, в будущем, уже после вас, это может аукнуться...

Ромодановский никак не мог вникнуть в смысл ее речи. Старуха говорила разборчиво, каждое слово по отдельности было понятно, но в сложении их суть как бы терялась. Какой встречи она желала? Ведь это солдаты привели её сюда. Что такое будущее после вас? Какие разговоры могут пойти? И этот тон...

— Ведьма! — крикнул Никодим. Он тоже не понял Ульяну. — Я когда-то, давно, уже докладывал о ней. Летать учит! На костер ее, как в английских городах!

Он даже сделал полшага к Ульяне, словно хотел схватить, но тут Ромодановский громогласно рявкнул:

— Вон из кабинета! Все! Кроме нее, — и указал пальцем на Ульяну.

Та кивнула, как бы подтверждая распоряжение князя, но тут же добавила:

— Назаров пусть останется. Он что-то, да знает.

— Как скажешь. А остальные — вон!

Зная, как надо реагировать на команды начальства, шустрой мышью рванулся к двери Никодим. Солдаты охраны, как и положено, покинули кабинет следом.

И вот они остались втроём.

— Что важное ты мне хотела сказать? — спросил Ромодановский.

— Я не знала, что сегодня царь проводил совет, надо было явиться сюда хотя бы на пару дней раньше... Ну да ладно. Итак, Федор Юрьевич, вы приняли решение начать Прутский поход...

— Какой такой Прутский? — пожал плечами Ромодановский. — Петр Алексеевич собирается идти на Молдавию.

— Хорошо, называйте это молдавским походом, так или иначе, в июле, десятого числа...

— Молдавский поход, десятого июля, — забормотал себе под нос князь, поначалу хмурясь, словно вспоминая, с чем

связаны эти слова, и вдруг резко встал, так резко, что скрипнула половица. – Господи, ну как же я мог об этом забыть! Просто подумать не мог, что это именно о нем говорил стрелец... стрелец... Как же его...

– Наверное, Гришка Лукьянов, – решился на подсказку Федор.

– Правильно, Лукьянов! Это он напророчил, что царь Петр будет сидеть у реки и держать на руках умирающего поручика Якушева. Вспомнил фамилию! Якушев! Я из-за нее когда-то сна лишился. А Петр Алексеевич из-за Якушева этого...

– Из-за Якушева? – Ульяна подобрала губы, лицо ее поэтому еще более постарело и стало скорбным. – Лукьянов ведь предупреждал, что не стоит начинать этот поход. Визирь окружит русское войско, прижмет к реке, у него будут огромные силы. Шведский король Карл прискачет к нему, и крымский хан, и Понятовский. Для них Петр Романов – личный враг, и они станут убеждать визиря разбить русских, и если бы убедили... Что там русских – сорок тысяч, а турок много больше...

– Нас разобьют? – сдавленно вымолвил князь.

– Ну, как посмотреть. В первых боях будут большие потери. Потом армии Петра позволят уйти, но вы в

результате перемирия потеряете Азов, Троицкую крепость, отдадите туркам запорожцев...

Ромодановский с облегчением вздохнул:

— Подумаешь, потери! Бабы солдат у нас быстро нарожают, крепости вернём, а запорожцы со временем сами выберут, под кем им ходить. И потом, даже если бы я и захотел, Петра Алексеевича не переубедить: раз решил про поход, значит, уже не остановишь его.

— Чужая кровь вам не в счет, — тихо молвила Ульяна. — Я уже свыклась с этим. Но Петр Романов поймет, что он так же смертен в этой жизни, как поручик Якушев. Царям вашего времени негоже сомневаться в себе. Я не хотела бы этого допустить. Но что я еще могу сделать? Только ты имеешь на него влияние, и я вышла на тебя...

— Ты, женщина, опять говоришь непонятными словами. — Ромодановский взял со стола чистый лист, написал на нем пером фамилию Якушева. — На чем гадаешь, не знаю, ежели на картах, то тебе, согласно Уложению нашему, руки отрубить надо. Но я к старости жалостлив стал, гнева к тебе не испытываю.

— Гневаться на врага надо, а я тебе не враг, — сказала Ульяна. — И если б вы слушать умели... Я когда-то с прадедом твоим, Григорием Петровичем, тоже вот так разговор вела.

Он с гетманом Сапегой тогда дрался. Сапега у края села, в березняке густом, засадных людей выставил. Я сказала об этом родственнику твоему, а он лишь посмеялся надо мной. Послушай, мол, бабу и поступи наоборот. И направил в ту сторону свой отряд с сыном во главе. Такой парень был! Не по вашему времени рассудителен и образован. Я имела возможность чему-то учить его, во всяком случае, он знал, что узнаю я всё не из карт. Если б он живой остался...

— Посто́й, — Ромодановский всё еще крутил в пальцах перо. — Когда это было?

— Тогда тушинцы на Москву шли, считай, век назад.

Князь округлил глаза, доселе неведомый ему холодок страха прошелся по нутру, как крепкое вино на мяте. Он смотрел то на Ульяну, то на Назарова:

Это ж по сколько вам лет?

Федор сказал как думал:

— Так я свои уже считать забыл.

Оно так и было.

Ульяна чуть улыбнулась:

— Ты не поймешь, Федор Юрьевич. Время — такая штука — долго говорить можно, и не с тобой. Давай лучше о поручике Якушеве да о Петре Алексеевиче подумаем.

— Подумал уже. — Ромодановский взял лист с написанной на нем фамилией, еще раз настороженно оглядел Ульяну с Назаровым. — И о вас подумаю.

Он вышел из кабинета, плотно закрыл за собой дверь, зачем-то еще и придерживая ее рукой. И не увидел, конечно, как к столу тотчас подошел Назаров, взял лежавшую на блюде серебряную ложку.

— Не трогай ничего, — строго сказала Ульяна.

— Да я разве что, я посмотреть. Ишь, как чеканку нанесли, прямо красота. Погляди.

— Не до этого нам.

Она стала прокручивать на пальце перстень...

А Ромодановский давал распоряжения стоящим в коридоре офицерам и Никодиму:

— Сейчас же действовать начинайте. Задача такая: чтоб в частях, идущих с Петром в Молдавию, не было ни одного поручика по фамилии Павел Якушев. Нет, пожалуй, не только поручика, и не только Павла. Ни одного Якушева, ясно вам? Для них иная служба и иные войны найдутся. А с этих глаз не спускать, — Ромодановский посмотрел на дверь. — В разные камеры, под усиленную охрану. Пока не бить, не пытаться, даже пальцем не трогать, мелкие их просьбы

исполнять, кормить исправно. За старухой особо следить. Захотят со мной встретиться – немедленно докладывать.

Он отошел чуть в сторону, офицеры и Никодим открыли дверь, вбежали внутрь и... остановились, растерянные. Кабинет был пуст.

Глава двадцать третья.

Такая вот ночь...

Тускло светила лучина в избе Ульяны. Федор сидел на скамье, прислонясь спиной к стене, и тревожно, полошадиному, всхрапывал, держа в руках треух. Вот пальцы не удержали его, шапка упала, Назаров вздрогнул, открыл глаза, очумело огляделся, увидел Ульяну, что-то, видно, припомнил:

— Приспал я, однако. Так чего ты меня звала, а?

Старуха вместо ответа задала свой вопрос:

— И что снилось?

Федор потряс головой. В его сне было столько необычного, что трудно выделить главное.

— Зима снилась. Потом князь какой-то старый... Да, Никодим, с животом, как баба беременная...

Скрипнула дверь, в проеме ее показалась Наталья.

— Вы где пропадали? Тут такое было!.. Ярыжка Никодим с солдатами приходил, я так поняла, по твою душу, тетя Ульяна. Они на ночь у Бориса Васильевича остановились, будут ждать, когда появишься, чтоб арестовывать.

Ульяна отмахнулась:

— Некогда мне под арестом ходить. Мне надо знать, с пользой ли я к Ромодановскому в гости наведалась.

— Когда в гости наведалась? И к какому Ромодановскому? — удивилась Наталья.

А Назаров ощерился улыбкой:

— Гляди, в руку сон. Мне, Наталья, как раз Никодим приснился, будто я его в снег повалил, луплю, а он, гада такая, зубами меня цапнул. Вот сюда.

Федор поднял руку и уставился на нее как на какую-то невидаль. Она было прокушена и припухла.

— Ты в карман себе залезь, может, еще больше удивишься, — сказала Ульяна.

Назаров беспрекословно послушался совета и тут же вынул из кармана серебряную чайную ложку, удивленно стал рассматривать чеканку.

— Всё понял? — спросила Ульяна.

— Всё, — вышептал он.

— Что именно, можешь сказать?

— А то как же. Вещий сон. Сбылось то, что снилось. У меня уже так было однажды. Приснилось — волк напал. Проснулся, смотрю в окно — ходит под дверью. Если б вышел из избы, он бы меня...

— Н-да, — развела руками Ульяна. — Учить вас, что такое депортация, похоже, бесполезно. Вы всё снами да гаданьями объясняете. Федор, ведь одно дело — волк за окном, а другое — укус на руке и ложка в кармане. Неужели не чувствуешь разницу?

Назаров ответил не задумываясь:

— Значит, и такое бывает. Кому скажу — не поверят. Вот сон так сон! Ладно, ты чего меня звала-то?

Ульяна попыталась втолковать Назарову еще раз:

— На то и звала. Мы действительно были в Москве, понимаешь? И ты действительно дрался с Никодимом.

Федор с прищуром посмотрел на старуху, потом перевел взгляд на укушенную руку:

— Раз рана кровит еще, значит, сегодня я с ним дрался, так?

— Конечно так!

Федор повернулся к Наталье:

— А теперь ты скажи: Никодима видела сегодня, когда он с солдатами сюда заходил?

— А то как же. Он еще грозил, что и до меня доберется.

— Рожа у него толстая была?

— Да что ты, дядя Федор! Такая ж как всегда: худая и страшная.

— Вот! — Назаров обратился теперь уже к Ульяне. — Чего голову морочишь-то? Иди сказки Бугаеву рассказывай, тот во всё верит, даже в то, что жена от него понесла. Ну люди! Зовут, зайди, зайди, я думал, дело серьезное, а тут — ерунду какую-то сочиняют. — Он надел шапку, сунул ложку в карман. — Перстень ты у меня выдурила, но уж её-то я не отдам, и не проси. Как же это я заснул тут, а? Только зашел и заснул. Не было со мной еще такого...

Продолжая бормотать на эту тему, он решительно пошел к выходу и исчез за дверью.

Наталья посмотрела ему вслед:

— Что тут произошло? О чем он говорил? Не пойму ничего.

— Это трудно понять, — сказала Ульяна. — Не помощник мне Назаров, точно не помощник. А одной нельзя в другие времена отправляться, любая случайность помешать может... Где лекарь наш, не скажешь?

— Алексей? Не видела я его с вечера.

— Не объявлялся он, значит, после того, как на Змеиную гать пошел.

— На Змеиную гать?!

Да, не объявлялся Алексей...

Но давайте не спешить думать плохо о его судьбе.

Новая встреча с русалкой прошла не так, как та, где только выстрел капитана Гоголева спас парня от болотных глубин.

Алексей так спешил, так слеп был от волнения, что не увидел ни Пашку, ни то, как пара волков сначала беззвучно метнулась с его пути в высокий бурьян, а потом, уже следом за парнем, вышла на тропу, заскользила по ней серыми тенями, с каждым мигом приближаясь к своей жертве. Волки уже загадывали, кто первым из них должен сделать решающий прыжок, пружинили ноги, обнажали зубы для смертельной хватки...

— Брысь!

Это крикнула Леся. Спрыгнув на землю с гибкой ракиты — и как только она удерживалась там на тонких, не шевелившихся даже ветвях, как оставалась незамеченной ни человеку, ни зверям? — русалка сжимала в руке остро заточенную острогу, и решимость ее указывала на то, что ей ничего не стоит проткнуть даже таких матерых зверей, как

эти, огромные, с горящими глазами, с сильными мышцами, угадывающимися под шкурой... Волки поняли это. Видно, они уже имели дело с болотной жительницей, оскорбляющей их кошачьим обращением, и потому, не играя с судьбой, также беззвучно, как и появились, растворились среди темных кустов оврага.

— Как они тебя боятся!

— Меня? Если Чаруша узнает, что они хоть оскалились в мою сторону...

— Лесной человек? А кто он тебе?

— Мне — никто. Он просто лесной человек. Порядок тут поддерживает. Его даже медведи слушаются.

Леся стояла перед Алексеем настороженная, как сторожок на плашке, которой ловят куниц. Платок на бедрах, который когда-то принес ей Назаров, иссекся, не прикрывал почти ничего, на грудях жемчугом блестели капли влаги. Глаза русалки были холодны и неприветливы.

— Зачем пришел? Счеты сводить? За то, что чуть не утопила тебя, да?

— Почему ты так думаешь?

— Вижу ведь, за пазухой что-то прячешь. Петлю-удавку, или топор? Но учти, я могу за себя постоять. — Она чуть подбросила и ловко поймала острогу.

— Учту, — сказал Алексей и улыбнулся. — Только под воду больше не зови. А принес я не топор и не веревку, а подарок тебе. — Он вытащил и развернул шаль, темную, с зелеными цветами. — Накинь на плечи, ночи уже холодные.

— Для меня нет холодных ночей, — Леся все же с нескрываемым удовольствием взяла шаль, но не спешила набрасывать её на себя. — Вот если только ты боишься моего тела...

Не будем дальше пересказывать события той ночи, происшедшие в Змеиной гати, разве лишь напомним, что русалки — они все одно как русские женщины, и нежны бывают, и ласки любят, и не знают в том границ...

Ранним утром возвращался Алексей в село. Грудь нараспашку, глаза чумные. Прошел мимо бабки Ульяны, стоявшей у своей избы, но ни ее, ни избу не заметил.

— И этот пока не помощник, — молвила та, может, с легким сожалением, но без всякого зла.

Чуткое ее ухо уловило стук копыт. То ехали не солдаты с Никодимом — со стороны избы Натальи скакал одинокий всадник. Спешился в двух шагах от нее капитан Гоголев:

— Мне Наталья сказала, вас арестовывать приехали. Будь Никодим один, я бы ему... Но у военных есть предписание, и я ничего не могу сделать. Не имею права. Но зато могу

отвезти вас в город, пересидите там в надежном месте, пока ярыжка, или кто он сейчас, не уберется отсюда.

— Ночи, значит, с тобой она уже коротает, — тихо молвила Ульяна.

— Куда там! Дальше сеней не пускает. Я пряжу ей привез, упросил для матери платок пуховый связать. Хорошую белую шерсть купил, без козины, один пух. Ну так что, садитесь, поскачем?

— Спасибо, Никита. Только ни от кого бегать я не собираюсь. И не беспокойся, ничего со мной не случится. В полк свой спешишь?

— Нет, я сутки свободен, потому и мог бы для вас что-то сделать.

— Так сделай, коль не боишься. Тем более, Отечеству своему на пользу. Тяжело мне будет просьбу свою объяснить, однако...

Глава двадцать четвертая.

Выбор

Была у Алексея одна цель: быстрее добраться до сеновала и заснуть. Но едва он вошел во двор Бугаевского дома, как увидел хмурого Бориса Васильевича. Барин стоял у собачьей

будки, неопрятный, взлохмаченный, казалось, он сам только что вылез из конуры.

— А я хотел уж было Гавро по твоему следу пустить да мужиков с дубинами, — сказал Бугаев. — Где пропадал?

— Траву по названию велесов корень искал, — и Алексей мельком показал барину затерявшуюся в его кармане никчёмную коряжку. — Хорошо мужскую силу укрепляет. Его только ночью, при луне, копать надо.

— Нужное дело. — Бугаев все же остался хмурым. — Только мне сдаётся, наши бабы за ним в ночь на Ивана Купалу ходят.

— Это за цветом. А корень сейчас как раз поспевает.

Алексей неподдельно зевнул, но Борис Васильевич уйти ему не дал, выставив вперед ладонь:

— Постой, отоспишься еще, тем более, на сеновале солдаты храпят, что с Никодимом пришли. Ты мне пока помощи. Тут казус вышел... В общем, не помогает снадобье. Поначалу-то вон как всё хорошо произошло, и зачала Софья Алексеевна, и довольна была, а ныне — казус. Вчера — никак, а сегодня даже боюсь ей на глаза попадаться.

— Нечего страшного, — успокоил барина Алексей. — Организм привык к одним каплям, и уже на них не откликается. Я вам другую настойку сделаю. Мертвого

поднимет. Вот посплю немного, хоть бы и рядом с солдатами...

— Нет уж. Ты сначала ее сделай, пусть настаивается, а потом...

Бугаев не договорил, втянул голову в плечи, отступил за угол дома. Он вовремя услышал скрип двери и ретировался, не желая встретиться с Софьей Алексеевной.

Та только что переговорила с кучером Пашкой в своей комнате, — он поведал ей, с кем Алексей встречался, как эти встречи проходили, все такие свои подробности наблюдения говорил, о которых и промолчать можно было. На что Софья Алексеевна далеко не скромница, а и то щеки пунцовели. И злоба внутри начинала клокотать.

— Им бы хоть с лягушкой!.. Уехать, видите ли, желают, семьей жить, миловаться... А мне — страдать. Не бывать такому. Хоть кому, да отомщу.

Вытолкнув Пашку в дверь, ведущую в сад, барыня вышла на крыльцо тоже не в лучшем от мужа виде: волосы не убраны, глаза опухшие. Увидела Алексея — даже не позвала, а поманила его пальцем, повела за собой в свою комнату. Здесь всё было крайне неряшливо: она не потрудилась убрать от посторонних глаз даже панталоны. Кровать не

прибрана, на столе оплыла и погасла свеча – видно, горела всю ночь.

— Что там тебе дурак мой говорил? – спросила барыня, плотно закрыв дверь, словно боясь, что их могут подслушать.

— Ваш возница, Пашка? – Алексей сделал вид, что не понял, кого имела ввиду хозяйка. – Так я его не видел.

— Есть тут и поглупее Пашки. Борис Васильевич о чем с тобой речь вел?

— Он подумал, что я ушел от вас, хотел собаку по следу пустить.

Софья Алексеевна нервно расхохоталась:

— По следу! Да из Гавро такой следопыт, как из Бугаева любовник. – Резко оборвала смех и спросила уже сердито. – Значит, от твоего Павла Ивановича мне денег ждать – пустое дело?

— Пустое, — кивнул Алексей.

— Раз ты только и появился тут, чтоб сказать мне об этом да одурачить мужа, то чего же и вправду не уходишь? Главное дело сделал, Бугаев теперь верит, что рожу от него, если саквояж твой нужен – отдам, знаю, где он лежит... Только подумай хорошо: идти тебе есть куда? Доктор твой, Павел Иванович, ведь жених завидный, рано или поздно жену в дом приведет, нужен ты там будешь?

— Я думал об этом, — сказал Алексей. — Нигде я не нужен. Потому подамся на реку Обь, избу срублю, буду тамошних охотников врачевать, рыбу ловить...

— Обь — это дальше нашего города? — спросила Софья Алексеевна. И сама же ответила. — Ну да, дальше, а то бы я знала. Только чего тебе в далёкую даль переться? Можешь тут жить — как сыр в масле кататься будешь. Во всём помогу. — Она опять посмотрела на дверь, плотно ли закрыта. — За это с тебя немного прошу. Найди хорошую траву. Такую, чтоб он заснул крепко и уже не просыпался бы. Я до такой степени его ненавижу, что...

Она сжала кулаки и губы, желваки задвигались на жестком некрасивом лице.

— Это пройдет, — осторожно предположил Алексей. — Вот родите, вам будет тяжело, а он будет рядом...

— Мне сейчас тяжело! А будет еще тяжелее! Но я всем отомщу! И девке этой, и Никите, и Назарову — всем!

— В чем же они виноваты перед вами, Софья Алексеевна?

— Мне счастья через них нет.

— И через Назарова?

— А как же! У него хоть прошлое было, тайна была, намёками начнет было сказывать — у меня глаза разгораются. А молчал бы — я бы думала, что все так живут, как придется.

Так нет же! Одна летает, другой славы военной жаждет, третьему в пояс кланяются, что корову или курицу излечил. Меня почему всё это стороной обошло? Почему судьба гнилого мужа подсунула? Я от него избавлюсь, я жизнь поменяю, заново ее нельзя начать, но продолжить же по-другому можно!

За окном загудели голоса, то выходили из сеновала солдаты, умывались холодной водой у бочки, Никодим кружил среди них, потом повернул к дому, раздался его гнусавый голос:

— Где хозяйева? Каши бы нам, да по стакану молока...

Софья Алексеевна перешла на шепот:

— Не поможешь – найду управу и на тебя, поверь. Тем более, я много тебе чего сказала. Но хоть шаг против меня предпримешь – смотри!

Дверь комнаты открылась, на пороге показался ярыжка, худая грудь выпячена, бородёнка как у облезлого козла:

— Хозяйка, поскольку мы тут при исполнении, ты покормить нас обязана, да кипяток на чай поставь, заварка наша.

— Пошел вон, — устало сказала барыня. — Нашелся мне командир. Девками дворовыми командуй.

У уязвленного Никодима задрожала челюсть, но тут в проеме двери показался Борис Васильевич:

— Вы про кашу? Так готова уже, идите за стол. Я и грибочков к каше, и по солёному огурчику...

Бугаев не знал еще, как относиться к Никодиму. Будь тот при прежней должности, и в дом бы не позвал, не то что там чарку налить. Но ныне — из самой Москвы, да при офицере, да с солдатами...

— Может, и винцом угостить?

— Не положено. На службе мы, — важно ответил ярыжка, окинул недобрым взглядом Софью Алексеевну, вышел из ее комнаты и проорал с крыльца:

— я тут еду вам организовал, садитесь, да пойдем ведьму искать, исчезнуть же она не могла!

Барыня отвернулась к окну, глядя на солдат, и тем же усталым голосом сказала:

— Ты хорошо подумай, знахарь, над тем, что я сказала. Если не ты Бориску порешишь, то он тебя, это точно! Я найду такие слова, что он тебя в такой же порошок сотрет, в какой ты коренья стираешь. Иди. К вечеру с ответом жду.

Побрел Алексей на сеновал. Только сна уже не было. Он готов был прямо сейчас, о чем говорил ночью с Лесей, отправиться вместе с ней в далекие края, к неведомой реке

Объ. Для нее там озер и болот хватит, а как сложится жизнь человека и русалки – никому не ведомо, конечно, но почему бы не попробовать? Когда-то ведь, как говорит Ульяна, жили сообща...

Глава двадцать пятая.

Ошибка князя Ромодановского

Попробуй держать себя в руках, когда по сути из ничего, из белой поверхности перстня, выткалось такое, что и картиной назвать нельзя. Вот дым, теплый, горьковатый, щекочущий ноздри, вот грязь летит из-под копыт коня, и хочется посторониться, чтоб не забрызгало тебя...

— Посторонись, — шепчет Ульяна. — Мы тут никому и ничему не должны мешать. Наше дело теперь — просто наблюдать.

Всадник проскакал так близко, что ощутил был запах конского пота.

— Где мы? — спросил Гоголев.

— Я же тебе объясняла. Лето одиннадцатого года, Петр ведет войска к Пруту... Это правый берег реки. Избы горят — деревня Станилешти. Все высоты — у турок, там установлены их пушки. Русская армия у них как на ладони.

— Мы можем... Ты можешь что-то сделать, как-то помочь царю?

Ульяна покачала головой:

— Сейчас уже нет. Пыталась, подсказывала... Но Петр все-таки выступил в поход. И для меня сейчас важно другое: произойдет ли у него встреча с поручиком Якушевым. Она не должна произойти, Ромодановский принял самое простое, но разумное решение. Не должна... И я не знаю, как после этого повернется ход событий...

— Не можешь помочь? — у Никиты загорелись глаза. — Тогда зачем же все это? Я там должен быть, там, понимаешь?

Заахали пушки. Горячая волна воздуха от близкого взрыва окатила их. Офицер, проезжавший метрах в пяти, упал с лошади, окровавленный.

— Там должен быть! — повторил Гоголев, мигом очутился в опустевшем седле, помчался к центру русского лагеря, к солдатам.

Ульяна ничего не успела ему сказать. А хоть бы и успела — разве бы прослушал он её?! Она лишь приложила ладони к вискам, забормотала ему вслед:

— Ядро взорвется под конем... Нет, это позже произойдет, не сейчас. А сейчас... Где Петр? Где царь, интересно?

А царь Петр был в это время в расположении четвертой дивизии, которой командовал пятидесятилетний генерал Галлард. Служить в русскую армию он пришел как раз накануне Нарвы, тогда Петр посчитал его одним из главных виновников своего поражения, так разгневался, что Галлард даже бежал за границу, но потом все же вернулся. И – не с повинной головой: при любом удобном случае начинал доказывать Петру, что был совершенно прав. При Полтаве Галлард командовал знаменитой третьей пехотной дивизией, проявил искусство полководца и личную храбрость, получив за всё это орден святого Андрея Первозванного.

Петру он нравился за то, что имел свое мнение и не боялся его высказывать, даже если оно не совпадало с мнением самого царя. Вот и в этом походе: Галлард, в отличие от других генералов, на военном совете после форсирования Днестра высказался за то, чтоб не идти в глубь Молдавии до тех пор, пока не придут подкрепления и не будет налажено снабжение войск провиантом и боеприпасами. Царь тогда, а было это три недели назад, взял сторону большинства...

И теперь, под свист пуль и завывание снарядов, Петр почти весело говорил Галларду:

— Ладно, ты был прав! Но в этом-то положении как мы поступим? Есть у нас шансы победить?

— Если и есть, то маленькие, — отвечал генерал. — У них четырехкратный перевес в пехоте, коннице, больше орудий... Хуже всего, что турки поставили пушки и на левом берегу реки, а значит, могут нас отрезать от воды. Тогда мы точно окажемся в огненном кольце...

— Посмотрим, — сказал Петр. — Да, их больше, но две первые атаки мы отбили, и визирь не больно рвется затевать третью.

Такой вот разговор состоялся у царя, и после него он стал возвращаться берегом реки к своей палатке, ничем не выделенной от других.

Стояло раннее утро десятого июля. Пушки янычар только просыпались, били редко и как бы нехотя. Ядра падали далеко в стороне от маршрута, по которому шел царь. Но вот одно ядро разорвалось за спиной, у затухающего уже костра, где завтракали пять-шесть гренадеров. Петр оглянулся. Гренадеров опрокинуло наземь взрывной волной, они теперь поднимались, отряхивались от песка и грязи. Но один, окровавленный поручик, не поднялся.

Царь вернулся, наклонился над раненым. Осколок пробил ему грудь. Цирюльник, или по-новому ротный

лекарь, приставленный к свите царя, подбежал к гренадёру, уже на ходу доставая из сумки ветошь и рулон льняного холста. Петр протянул к нему руку:

— Бинт давай.

Лекарь на мгновение замялся:

— Батистовый бинт только для генералов, по вашему же распоряжению.

— А для меня?

— И для вас, государь.

— Вот мой и давай. Поддерживай раненого, сам бинтовать буду.

— Не надо, не переводите бинт, — сказал умирающий. — Простите, что не помогу в обороне.

С обильной кровью силы уходили из гренадера.

— Хотел помочь... Я ведь сюда от лекарей сбежал, а вот как вышло...

— Молчи, герой, — приказал царь. — Рана серьезная, но с такими нередко выживают.

Он стал умело делать перевязку, не боясь запачкать кровью руки. Взглянул при этом на друзей раненого:

— Кто такой, откуда сбежал?

— Командир гренадерской роты дивизии генерала Репнина, — ответил один из них. — Был десять дней назад

ранен пулей навывлет в правую руку при переправе через Днестр, этой ночью сюда прибежал.

— В правую руку? Как же он собирался гранаты по врагу швырять?

— А я левша, — прошептал умирающий. — Да и рана пустяковая была, а меня почему-то держали на кровати...

Тут же легкие судороги стали сотрясать его тело, и через секунды поручик застыл, испустив последний выдох.

Петр видел много смертей, он привык к ним как к неизменному случаю любой битвы. Оставил поручика на земле, поднялся, протирая руки ветошью, спросил:

— Как фамилия его была? У меня много воинов знатных фамилий, при случае скажу родным спасибо.

— Поручик Якушев, ваше величество. Павел Михайлович Якушев.

— Что? — Петр рыкнул как лев. — Павел Якушев? Почему — Якушев? Как это — Якушев? Разве?..

Он неожиданно замолчал, как-то ссутулился, словно стал ниже ростом, сделал пару шагов к каменному валуну и опустился на него.

Пушки янычар стали бить чаще, но Петр словно не замечал близких разрывов. Лишь когда ядро угодило рядом в

реку и его обдало водяными брызгами, царь тяжело встал и не говоря никому ни слова направился к своей палатке.

Возле нее стояла Екатерина, удивленно смотрела на изменившегося мужа. Его словно вмиг покинули силы и вечная уверенность в себе.

Царь остановился возле нее, не поднимая глаз, — это тоже было необычно для Петра, — произнес, хрипловато, словно через не могу:

— Собираем совет. Будем просить визиря о мире. И еще. Надо сейчас же найти офицера, чтоб скакал в Москву, и не передавал пакет из рук в руки, а сразу от меня — в сенат. Да, пакет в сенат, а записку — Ромодановскому. Я сажусь за бумагу, а ты найди такого посыльного офицера, Катя...

И много лет спустя Петр не раз говорил, что в Прутском походе, в самые тяжкие его дни, супруга, Екатерина, вела себя лучше иных полководцев, была решительной и рассудительной, понимала царя с полуслова и не донимала излишними расспросами.

Петр написал два документа за пятнадцать минут. И через это время у палатки его уже ждал офицер, готовый тотчас отправиться выполнять царёв указ. Когда тот отъехал, Петр спросил:

— Кто таков?

— Майор Гоголев Никита Кириллович. Я успела разузнать: храбрый и толковый офицер.

Петр кивнул и зашел в палатку. Последнюю фразу Екатерина сказала уже сама себе:

— Правда, почему-то назвался капитаном. Но он не враг, у него честное лицо.

— Это так, — кивнула Ульяна, стоя рядом, но оставаясь невидимой для царицы. — И приказ он выполнит, не надо сомневаться. Сколько скакать ему до Москвы, дней восемь-девять? Вот там я с Гоголевым и встречусь.

Она стала было прокручивать перстень на пальце, но тут увидела, что царица обратила внимание на цирюльника, стоявшего неподалеку со своей объемной санитарной сумкой.

— Что тебе?

— Мне... Я видел... Вдруг царю плохо станет, я бы помог...

— Хорошо, стой, — кивнула Екатерина. — Как тебя зовут?

— Лейтенант Алексей Безродный, из числа добровольцев, ваше величество.

— Спасибо, лейтенант.

Ульяна улыбнулась и завершила операцию с перстнем.

Через какой-то миг она была уже в столице, в палатах князя Ромодановского, за тяжелой шторой, не показываясь самому хозяину.

Федор Юрьевич сидит за столом с закрытыми глазами. Перед ним – записка. От царя пришло дурное известие: Россию предал Бранкован, господарь валахский. По договору, он должен был снабжать армию Петра продовольствием, фуражом, организовывать квартирование. Бранкован испугался силы турок: их намного больше, чем войск русского царя. По той же причине стали нерешительны и польские части Синявского – не отважились пересечь границы Молдавии, где должны были соединиться с отрядом князя Долгорукова.

Петр стал лагерем на берегу реки, со всех вокруг расположенных высот на него глядели янычарские пушки.

Царь уже терпел поражения – и под Нарвой, и под Азовом... Но в таком положении он еще не был. И вот – написал письмо в сенат: «Ежели впаду в плен к туркам, не почитать меня государем и не исполнять даже собственноручных повелений»...

В это трудно было поверить, зная характер царя. Он не мог запаниковать. Он не мог даже мысли допустить, особенно после Полтавы, что русская армия будет разбита, а сам он попадет в плен. В другое время Федор Юрьевич горло бы сорвал, доказывая, что письмо в сенат подметное.

Но это – в другое время.

А сейчас перед ним – записка, адресованная только ему, Ромодановскому.

«Ты напомнил мне перед началом похода о предсказаниях стрельца Лукьянова и старухи, показавшейся тебе безумной, рассказал о мерах, при коих я не должен был встретиться с поручиком Павлом Якушевым. Так вот, сегодня утром он умер на моих руках, не знаю, предательство это или судьба, но всё едино тяжело на душе. Раз от судьбы не уйти, буду просить перемирия как бесславия своего, дабы сохранить армию как славу Отечества нашего».

Эти строки точно рукой Петра Алексеевича написаны. Ведь кроме царя, никто не знает о старухе, Лукьянове, Якушеве...

Почти никто.

За дверью ждет Никодим, сукин сын, которому велено было сделать всё возможное по удалению Якушевых из ближнего и дальнего окружения царя. Повесить бы его – самое правильное. Но сам Федор Юрьевич был свидетелем того, как наставлял Никодим гонцов и отправлял их вместе с войсками и вслед войскам. Всё ведь правильно делал! Тогда в чем ошибка?

Он повелел впустить Никодима.

У того было бледное лицо и воспаленные глаза.

— Почему вид такой? — спросил Ромодановский. — Не спал ночь, что ли?

— Не спал, ваше сиятельство. Как можно спать, если такое случилось.

— Какое такое? — насторожился Ромодановский. Пакет в сенат и записка ему в чужие руки не попадали, потому Никодим никак не должен знать, что произошло с царём.

— Так ведь встретился государь наш Петр Алексеевич с Якушевым, поручик на руках его умер, как и говорилось в предсказаниях.

Тут уже Федор Юрьевич побледнел, кулаки сжал так, что суставы захрустели.

— Откель выведал? О Якушеве только в записке для меня писано, никто ее видеть не мог. Неужто гонец, собака, умудрился письмо царево распечатать?

— Да я о записке и знать не знаю, — ответил Никодим. — А гонца царева даже не видел, не знал, что прибыл такой. Я от Преображенского приказа человека посылал, чтоб он, если что, новость какая, или происшествие, немедля с донесением возвращался. Вот он к полуночи и прибыл, с тех пор я на ногах.

У Ромодановского глаза округлились:

— Это ж кто тебе позволил, выродок, за царём следить?
Да за это...

Никодим, кажется, был готов услышать угрозы, и смиренно склонил голову:

— Казните, коли виноват. На себя смелость такую взял. Посчитал нужным поступить так не ради себя, а ради Отечества нашего. Царю ведь от стараний наших только польза, если мы списки врагов его открываем.

— Каких таких врагов? — спросил Ромодановский уже помягче, поскольку слова про Отечество показались ему очень правильными и красивыми. Сам Федор Юрьевич красноречием, увы, не обладал, он в других делах спецом был — знал, как лить пушки, как бомбы да гранаты выпускать, и по-хорошему завидовал тем, кто грамотным слогом владел.

— Ну, может, и не совсем врагом, — замялся Никодим, — только подумать есть над чем, ваше сиятельство. Поручик Якушев в дивизии генерала Репнина состоял, а в эту дивизию мы относительно всех Якушевых циркуляры направляли, и получали ответ, что наше распоряжение учтено будет. Только, как видно, не учли. И за это спросить надо.

— С кого спросить? — до крайности удивился Ромодановский. — Уж не с Репнина ли? С Аникиты Ивановича, который спальником нашего царя был?

У Никодима ни один мускул не дрогнул на лице, голос оставался холодным и спокойным:

— Не уследили его подчиненные. И потом, разрешите напомнить, что три года назад, под Головчином, князь Репнин, командуя дивизией, позорно бежал с поля боя от шведов, растеряв солдат по болотам и оставив Карлу семь пушек. За это царь наш Петр Алексеевич отдал генерала Репнина под суд и разжаловал в рядовые.

— И что ж — и правильно сделал! — Ромодановский даже повеселел. — В каких бы любимчиках ты не ходил, а проштрафился — отвечай сполна! В этом как раз сила государя — никого не покрывать и не выгораживать. Я вот в Москве сижу, титул князя-кесаря ношу, а знаю: хоть в малом закон или присягу нарушу — положу голову на плаху. А что касается Аникиты Ивановича, так тот, будучи рядовым, штыком шведа так под Лесным бил, что генерал-поручик князь Голицын стал хлопотать за него перед Петром Алексеевичем. И царь опять отдал Репнину дивизию и генеральское звание...

Далее слушать это диалог Ульяне уже не хотелось. Она поняла главное: попытка предотвратить встречу царя с поручиком не удалась. Помешал случай, или наоборот — ничто не может помешать тому, что загадано судьбой?

Она вышла из-за шторы.

Первым увидел Ульяну Никодим. Поднял руку – то ли осенить себя крестом захотел, то ли защититься, в случае чего. Но рука только мелко задрожала, зависнув на уровне лица. Сам же он заикался, как немой, не в меру удивившийся чему-то:

— Ы-ы, ы-ы-ы...

Ромодановский будто окаменел, члены не слушались его, даже глаза мигать перестали.

— Узнал меня, Федор Юрьевич? – спросила старуха.

Тот, услышав от женщины своё имя, ожил. Правда, сил хватило лишь на то, чтоб кивнуть и сдавленно ответить:

— Узнал. Такое не забудешь.

— Видишь, не получалось ничего из нашей задумки. Плохо ныне царю Петру. Но не наша в том вина.

— А чья?

— Да ничья. Но мы еще поговорим об этом.

И беспрепятственно вышла из палат.

Летний полдень стоял в столице, доживающей в этом звании последние месяцы. Давно, видно, не было дождя, густая пыль поднималась за проскакавшими по дороге всадниками, листва на липах тоже была в пыли, и деревья выглядели так, словно их покрыли мешковиной.

Ульяна знала, где искать Гоголева, и знала, в каком он сейчас состоянии. Растерянный, с блуждающим взглядом, Никита стоял на берегу реки, и несказанно обрадовался, увидев Ульяну. Подбежал к ней, взял за руку:

— Верите, что я не трус?

— Верю, Никита.

— А вот сейчас... Я ничего не понимаю, я не знаю, что делать. Пока скакал сюда, пока выполнял задание, ни о чем другом не думал, только бы бумаги быстрее доставить... А вот теперь на всё смотрю и сердце холодеет. Знаете, там, на Пруте, я встретил верного друга своего, Ивана Николаевича Прохорова, поседевший, шрам на щеке... Но я же его видел совсем недавно не седым и без шрама, перстень еще для вас от него привез... Я к нему – Иван Николаевич, спрашиваю, где полковой командир Лысаков, представиться, мол, хочу по случаю возвращения, а Прохоров – ты не заболел, говорит, Никита? Мы же с тобой Петра Ефимовича год назад как похоронили, в польских боях. И о каком возвращении говоришь, если только утром вместе приказы от полкового командира получали... Я вышел от него, осматриваюсь, и узнаю всех, и не узнаю. Прямо как с ума схожу. Тут матушка царица Екатерина появляется, подзывает... Может, у меня жар, тётя Ульяна? Может, брежу?

— Ничего ты не бредишь, — она сказала тихо, только саму себя и слыша. — Показать бы тебе дом на Якиманке, где твоя жена кормит сейчас двух твоих сынов — тогда бы точно с ума сошел. Наталья-то еще красивее стала, а мальчишки в тебя, тоже на загляденье. Но не могу я тебе всего этого объяснить.

— Что говоришь, тётя Ульяна? У меня и со слухом что-то...

— Сейчас полегчает, сейчас, — Ульяна взяла Гоголева за рукав. — Всё хорошо будет. Мы вовремя как раз вернемся. Никодим ни с чем в Москву отправляется.

Глава двадцать шестая.

Когда нет выбора

— Мы не можем уйти! — почти кричал Никодим, стоя возле офицера. — Мне задание дадено: задержать и доставить в Москву старуху. Оно государственное значение имеет, это задание!

— Кто же против, — пожимал плечами офицер. — Задержали бы и доставили. Но коль нет ее в селе, и никто не знает, где она, то что, тут лагерем становиться? Не могу себе это позволить. Лично я получил приказ время зря не тратить, а то, может, полку уже на войну пора уходить, а мы еще день тут потеряли. Видишь, солнце к закату идет.

— А я говорю, пока не задержим...

— Говори, — тем же спокойным тоном отвечал ему лейтенант. — Чего ж не говорить? Говорить можно. Только я с солдатами сейчас отобедаю и отбываю. А ты — как знаешь. Если есть на то у тебя полномочия, то иди, где местный полк квартирует, обращайся к полковнику Лысакову, авось, Петр Ефимович пойдет навстречу, выделит тебе кого...

Никодим вспомнил, как припечатал его два раза офицер этого полка капитан Гоголев, и руками замахал:

— Ни к кому я обращаться не буду! А вот ты с солдатами останешься тут, пока я... пока мы...

К Преображенскому приказу лейтенант относился если не с почтительностью, то с военным уважением. Но и себе цену знал. Потому пренебрежительным взглядом окинул Никодима, порядком надоевшего ему за эти дни, дал солдатам команду строиться и повел их напрямки в сторону помещичьей усадьбы. Никодим побежал вслед, брызгая слюной — «Вы не смее! Я доложу... Да вас за это...» Он еще продолжал хорохориться, когда солдаты сидели за столом и доедали кашу, но вот они вышли из дома, сели на коней, поехали пока без спешки к темному болотистому лесу, лейтенант демонстративно держал от ярыжки дистанцию,

показывая ему свою спину, и Никодим сломался, понуро опустил голову и молча плелся вслед за отрядом.

Сверху сеновала через открытую дверь наблюдал за ними знахарь Алексей. Он хотел, во-первых, быть сейчас среди этих всадников, а во-вторых, коль первое невозможно, быстрее дожидаться вечера и, не попав на глаза барыне, уйти в Змеиную гать.

Вздыхала у окна вслед статному лейтенанту Софья Алексеевна, держа руки на тяжелеющем животе. Темная печаль дрожала на ее мокрых ресницах. Полчаса назад поймала она на себе взгляд этого офицера. Тотчас груди напряглись, плечи распрямились. А он ей: «Боже, как вы похожи на мою маму!» Крутнулся и убежал. А ей стало еще страшнее. Значит, уходят годы, и если сейчас же что-то не изменить, то можно ставить крест на жизни. Где этот знахарь? Где Алексей? Что он вечером ей скажет? Ведь она ему прямой вопрос задавала...

Борис Васильевич, выпроводив отряд за ворота, вернулся к столу, достал склянку, в которой Алексей завёл ему новую настойку, посмотрел ее на свет, понюхал... Знахарь сказал, хотя бы ночь должна она постоять, чтоб забрать у трав всё нужное, но нет сил терпеть – так хочется испробовать. Бугаев уже было поднес губы к горлышку, да тут тревожная мысль

его остановила: что как сырое зелье яду равно? Нет, день надо потерпеть. И потом, сейчас все равно неохота идти к Софье Алексеевне: не в духе она, накричит да унизит. В последнее время она часто кричит. Но говорят, когда женщина в таком положении, это надо прощать. Ничего, вот родит, и всё у них образуется.

Барин убрал настойку, выпил вина, захрустел капустой свежего соления и почесал короткими беленькими пальчиками такую же белую дрябловатую безволосую грудь.

В этот же миг этим же занятием был занят и Федор Назаров. Еще поутру, увидев строй солдат и Никодима, он метнулся со своего двора, где рубил дрова, в густой ельник, залег там так, как и подобает военному человеку: чтоб всё видеть и убежать в случае чего. Назаров поначалу был уверен, что ярыжка пришел по его душу. На московском снегу он ведь от души Никодиму морду набил, до крови, пусть это во сне было, но сон-то вещий, укушенная рука болит, так почему бы не допустить, что и Никодим с опухшей мордой ходит? Встающее за дальним лесом солнце било в глаза, вышибало слезы из больных глаз Федора, но все ж он понял, что солдаты ищут вовсе не его, а Ульяну. Пару раз недалеко от него проходил Никодим. Выглядел он тощим, совсем не таким, каким был в Москве. Бубнил громко, и слова его

долетали до ушей Назарова: «Всех бы их надо, всех!».. Потому Федор решил не высовываться. Лежал себе тихо и почесывал грудь до тех пор, пока солнце не пошло на закат и отряд не скрылся в болотистом лесу.

После этого он, не теряя осторожности, крадучись, решил зайти в избу Ульяны. Солдаты там долго ошивались, а ну забыли что...

Военные, уходя, дверь плотно прикрыли и еще даже чурбаком подперли. Нехорошо, конечно, в чужие избы без спросу заглядывать, но коль хозяйка пропала, то вроде ни перед кем и не стыдно не свой порог переступить.

Переступил порог Назаров. И тут же сел на него, поскольку ноги не держали – подкосились.

За столом как ни в чем не бывало сидел капитан Гоголев, а рядом стояла Ульяна.

Хозяйка увидела незваного гостя – и бровью не повела.

А Никита, хоть и взглянул на старого стрельца, но, похоже, не видел его. Мысли офицера были далеки от бредневской избы.

— Что с армией? – спрашивал он, с надеждой обращаясь к Ульяне. – Неужто турки разбили нас? Тогда мне не стоило покидать поле боя. Я должен был разделить участь всех.

— Допустим, разделил бы, — задумчиво сказала Ульяна. — Ну и что? Какой смысл стремиться стать одним из погибших?

Никита покачал головой:

— Коль суждено было принять смерть за Отечество...

Ульяна перебила его:

— Что суждено — это тебе сейчас неведомо. Может, ты бы имел прекрасную жену, двух детишек, дом в Москве... А? И появилась бы возможность не упасть под осколками в этом проклятом Прутском походе, а остаться в живых, дослужиться до полковника...

— Тогда уж лучше — до генерала, — нашел силы улыбнуться Гоголев.

— Лучше, конечно, — женщина опечалилась. — Но снаряд взорвется под конем полковника, это будет персидский поход, нетяжелый и успешный... Впрочем, ты не переживай за армию, Прутский поход тоже закончится миром. А ты там будешь майором, по приказу царя получишь пакеты от самой матушки Екатерины и поскачешь с ними в Москву...

Никита ошалело поднялся из-за стола:

— Постой! Я же это уже исполнил!

Ульяна хитро посмотрела на всё еще сидящего на полу Назарова:

— Правильно, исполнил. Но это, как говорит Федор, в вещем сне произошло. А раз вещей — значит, так и наяву будет.

— Вот, — Назаров вытянул перед собой руку. — Всё еще болит, хоть Никодим, собака такая, вроде и не кусал еще. Ведь если Ульяне верить, мы с ним зимой подеремся, да не этой, а которая нескоро будет.

— К Алексею обратись, — посоветовала Ульяна. — Он нужную примочку приложит, через пару дней всё пройдет.

— И то, — согласился Федор, и быстренько ретировался с избы: пока хозяйка не спросила, какого черта он сюда заходил. И в надежде встретить знахаря потопал в сторону дома барина.

А Алексей как раз выходил из комнаты Софьи Алексеевны. Разговора с барыней у него не получилось. Он начал было говорить, что делать яды не обучен, даже не знает, какие травы для этого нужны, и вообще, дело лекаря спасать людей, а не убивать их, на что хозяйка резко заметила:

— Хватит. Я поняла тебя. Смотри, как бы не пожалел...

Тотчас после ухода Алексея разыскала кучера:

— Попугай нашего знахаря как следует, чтоб долго помнил. И подружку его зеленую. На кого мужики

засматриваются, а? Моя воля, убила бы её! И эту, летающую нашу красавицу. Но мы с тобой о ней отдельно поговорим. Ты не убоишься только?

— Не убоюсь! – преданно ответил Пашка.

— Вот и хорошо. А уж я придумаю, чем вознаградить тебя за труды. Или сам о чем попросишь? Говори, не стесняйся.

Кучер засветился нездоровым румянцем:

— Грудь хочу вашу голую посмотреть. А еще если поцеловать...

— Поцелуешь.

Когда кучер выбежал, она проворчала расстроенно:

— Хоть один нашелся, а и тот круглый дурак.

С тревожным чувством покидал Алексей двор. Если б не Леся, он прямо сейчас бы ушел из Бреднево навсегда, Федор да Ульяна подсказали бы нужный путь, но ведь договорились уже с русалкой не в зиму, а по весне уйти в далекую тайгу, в глухомань такую, где б никто им не мешал жить. И сейчас он даже темноты не дождался, заспешил к Змеиной гати, да так заспешил, что даже не попробовал оглянуться.

Оглядывался – может, заметил бы коротышку кучера, крадущегося за ним. И спросил бы себя, зачем это Пашка самострел с собой захватил. Ну не на волков же охотиться?!

Куда ему против волков даже с самострелом, да еще на ночь глядя?

Не заметил ничего Алексей.

Идти было легко: осот поник от легкого морозца, не путал ноги, по той же причине убрались в убежища змеи, не покажутся теперь до весны.

Вот дерево, где должна ждать его русалка.

Вот и сама Леся. Раскачивается на ветке, как на качели, смеется, прыгает сверху в его объятия.

— Я что тебе покажу, — говорит Алексей и достает из кармана можжевелевую фигурку русалки.

Леся ойкает:

— Похожа, и в зеркало смотреться не надо. Только хвост зачем вырезал? У меня же нет хвоста! У меня всё как у обычной женщины.

— А это мы сейчас проверим, — улыбается Алексей и руки его плавно скользят от плеч до бёдер Леси. Он становится перед ней на колени, и тут — короткий свист стрелы. Леся вскинулась, вскрикнула, отшатнулась от него...

Алексей ничего не понял. Даже вскочив на ноги, даже видя короткую стрелу, застрявшую чуть ниже горла русалки. Та, пятясь, отходила от него, так же зашла в болото, где было сразу глубоко, почти по грудь. Потом она подняла руку, в

которой была зажата можжевеловая фигурка, видно, что-то хотела сказать, но не смогла, и ушла под воду. Золотая лунная вода на том месте окрасилась кровью.

— Леся, — позвал он тихо, потом крикнул что есть мочи.
— Леся!

Лишь темный лес откликнулся коротким звериным рыком.

Глава двадцать седьмая.

Ночные происшествия

Пашка надеялся, что знахарь не увидит, кто стрелял. Арбалет он спустил, стоя за огромным дубом, и тотчас помчался не вдоль ручья, впадающего в болото, а в лес. Тут уж точно его не найдет не то что Алексей, а и отряд Никодима, имей он такую задачу.

Лес этот кучер знал как свои пять пальцев. Тут водились рыжики, чистые и в несметном количестве. Он набирал их столько, сколько мог унести. Другие грибники сюда не заглядывали, считая место гиблым. Сам Пашка приложил руку к тому, чтоб так считали. Он распространял слухи, что именно тут живет лесной человек, огромное волосатое чудище, которого однажды видело полсела. Это было жарким

и дождливым летом, когда молнии подожгли сухостой и огонь остановился только у реки, не в силах ее преодолеть – повезло, что не было ветра и искры уходили вверх. Так вот, именно тогда выскочил из горящего леса к воде лесовик покрупнее медведя, шерсть, кажется, дымилась на нём. Не обращая внимания на людей, лесовик забежал в воду по грудь, постоял в ней смирно, не плескаясь, не отрывая взгляда от горящих деревьев, не обращая внимания на ор толпы, потом вышел на сушу и поспешил в ту сторону, где лес был уже черен и мертв...

Пашка не видел больше лесовика ни здесь, ни в других чащобах. Он только иногда удивлялся, почему это среди старых деревьев, в местах, изрезанных кустарниковыми оврагами, украшенных земляничными полянами, с галечными ручьями и устрашающими выворотами сосен, не живет зверьё. Тут и медведю, и волку, и барсуку с рысью места хватило бы, но даже боровая птица облетала этот участок стороной.

Что ж, тем лучше, думал Пашка, перепрыгивая через ручей. Пусть все этих мест сторонятся. Сейчас он пересечет молодой ельник, далее пойдет дубрава, и там уже не так далеко до дома барина...

С ходу кучер-коротышка налетел на какое-то препятствие, которого, сколько он помнит, не должно здесь быть. Столб, покрытый волосами. Неужто медведь? Пашка поднял голову...

И ничего не успел рассмотреть. Чаруша схватил его длинными крепкими пальцами за горло, издал короткий крик, — его как раз слышал Алексей, — и швырнул еще трепыхающееся в агонии тело на старый дуб. Острый сук прошил кучера насквозь, будто это был принесенный белкой гриб.

Чаруша же пошел в сторону болота, через волчье ущелье, и серые звери брызнули из-под его ног, даже голоса не подали. На взгорке, откуда был хорошо виден мечущийся у кромки воды Алексей, лесовик остановился. Он знал русалку, воспринимал ее почти как сестру, и будь человеком, скорее всего, сейчас заплакал бы. Лесовик не умел плакать. Потому, недоумевая, крутил головой: какой же это ветер выдул из глаз слезу, если стоит такая тишь?

Алексей бродил по берегу почти до рассвета, пока недвижимой оставалась вода. Но вот сначала свинцовая рябь обезобразила темное зеркало болота, а потом по ней пошли крупные оспины: начинался дождь. Ждать было больше нечего, но и идти было некуда. Знахарь сел под дерево, на

котором обычно ждала его Леся, не обращая никакого внимания на непогоду.

Лесной человек, оставаясь незамеченным среди сумрачного леса, некоторое время смотрел на него, но понимая, что ничем помочь не в силах, направился к росшим колком диким яблоням. Поздние плоды были сочны и сладки. Впрочем, сейчас Чаруша не ощутил их вкуса. К тому же, встревожило его появление всадника. Кто бы это мог скакать в такую рань и такую непогоду?

Рань и непогода ничто для военного человека. Капитан Гоголев спешил в полк. Время тревожное, ну как пришёл приказ в военный поход собираться?

Почти вплотную подъехал Никита к знахарю, спешился, удивленно глядя на промокшего насквозь парня.

— Эй, друг ситцевый, я смотрю, опять ты здесь. Сегодня уж точно не время для купания.

Алексей поднял на него глаза:

— Лесю убили. Русалочку мою. Стрелу в нее выпустили.

— Русалку? О которой Ульяна говорила?

Знахарь кивнул.

— Кто?

— Кабы знал, не сидел бы тут. Я б его... Я бы...

Никита сжал рукоять сабли:

— С какой стороны стрела летела? Я, Алеша, без лишнего хвастовства тебе скажу, что в полку первым следопытом являюсь.

Безродный огляделся:

— Думаю, от дуба этого большого стреляли, Леся к нему лицом стояла.

Капитан направился к дереву, оттуда крикнул:

— Натоптано! Бери коня, веди за мной. Дождь немного следы забил, но ничего.

Гоголев пошел безошибочно тем путем, которым бежал кучер. Мягкие берега ручья запечатлели следы убегавшего. Молодой ельник рос на песчанике, тот тоже хорошо сохранил отпечатки маленьких ног. Это удивило капитана: ребенку, что ли, они принадлежат? Мох дубравы не подсказывал ничего, но Никита уверенно продолжил прямую, по которой двигался неизвестный. Догадаться было нетрудно: эта прямая вела к селу.

Если б капитан не заметил лежащий на земле самострел, то, возможно бы, прошел мимо старого разлапистого дуба, не поднимая головы. Он взял оружие, стал его рассматривать. Спросил Алексея, всё это время державшегося чуть позади:

— Ты такой арбалет ни у кого в Бредово не видел?

— Видел, — коротко ответил знахарь.

— Вот как! У кого?

Алексей вместо ответа сжал Гоголеву локоть и показал глазами на крону дерева.

Мертвый кучер выглядел как страшная восковая игрушка, этакий болванчик с выпученными глазами и открытым ртом. Капитан сокрушенно покачал головой:

— Жаль, не от моей сабли он подход. Однако, кто ж его так мог пригвоздить? И зачем этому уродцу понадобилось убивать русалку?

— Я догадываюсь, кто, — ответил Алексей. — Лесной человек, Чаруша. А вот зачем убил... Тоже знаю. Барыня, Софья Алексеевна его подговорила — страшная женщина. Боюсь, это только начало. За то, что жизнь у нее не складывается, она будет... Она мне сама об этом сказала! Сведет счеты и с дядей Федором, и с мужем, и с Натальей! Не знаю, может, барыня малость тронулась. Зачем же всех винить от того, что самой плохо...

— С Натальей? — переспросил Гоголев. — Да я её сейчас...

Он выхватил саблю из ножен, впрыгнул в седло коня, но Алексей как держал того под уздцы, так и не отпустил:

— И я бы ее... Руками бы разорвал, коль сабли нет. Но подумай, что потом будет. Борис Васильевич за вилы схватится, мужики за колья, в конце концов окажемся мы за

решеткой, и никому не докажем, за что бабу убили. Еще и смерть Пашки на нас повесят. Я это всё понял, когда у воды сидел. Своей жизни не жалко, но негоже умирать, когда тебя за преступника считать будут.

— Отпусти коня! — повелел Гоголев.

— Не делай этого, капитан!

— Да прав ты, прав! — уже спокойнее сказал Гоголев. — Садись сзади, едем в село.

— Мне там теперь делать нечего. Подамся прямо сейчас на восток, к реке Обь. Плохо, что на зиму глядя, но выбора нет. Зайду к Павлу Ивановичу по пути, попрощаюсь.

— Погоди теперь ты горячиться. Царь наш Петр Алексеевич добровольную службу ввел, одиннадцать рублей в год жалованье, да довольствие, да одежда... Я за тебя слово скажу. Подумай.

— А сколько мне времени думать можно?

— Пока в село въедем, пока Наталью соберу, чтоб с собой увезти... Не знаю еще, что полковник Петр Ефимович Лысаков на это скажет, но, думаю, поймет. Я ему с сапогами хорошо угодил.

— Ладно, полковник, а что Наталья скажет? — спросил Алексей.

— Пусть что хочет говорит, только уже тогда, когда к матушке отвезу. А сейчас слушать её не собираюсь. В охапку – и вперед!

Глава двадцать восьмая.

Разговор с Орном

Ах, если бы Ульяна в это время не отвлеклась на иные дела, занималась земными хлопотами, возможно, она бы почуяла опасность, грозящую русалке, и что-нибудь придумала для ее спасения. Но Ульяна в легкой, не по погоде, накидке, не замечая дождя, шла неухоженным, заброшенным полем, которое местные обходили стороной. Да, тут могла вырасти удивительно крупная, вкусная пшеница, но могла и пропасть на корню. В такие годы весенние всходы покрывали ведьмины круги, тогда стебли полегали уже и не колосились. Уходили отсюда прочь даже мыши и суслики, а по ночам к самой земле спускались небесные огни и водили хороводы.

Вот один из ведьминых кругов. На сером осеннем фоне изумрудом выделяются заплетенные в косички побеги трав: не отмирают, даже не вянут. Женщина становится в его центр, держа на ладонях нужным образом уложенные

перстни. Она смотрит вверх, будто в грязных мокрых тучах хочет кого-то разглядеть. И слышит знакомый голос:

— Улэ?

— Приветствую тебя, Отео Рэй Натеус.

— Значит, ты нашла-таки все перстни?

— Коли ты слышишь меня, то это лишний вопрос.

— Ну почему же: будь у тебя все перстни, ты, думаю, не говорила бы сейчас со мной, а стояла рядом.

— Я помню школьные уроки, Орн. Всевозможные комбинации из двенадцати перстней. Ты, кстати, дал один лишний, но мы и его разыскали. Ключевой, по закону подлости, был найден последним.

— Тогда почему ты не здесь, Улэ?

Дождь не переставал. Капли скользили по морщинкам как по каналам, испещрившим щеки. Улэ вспомнила, что в школе, а потом и в академии считалась красавицей. Сверстницы её и сейчас наверняка выглядят прекрасно. Они живут в теплых домах, преподают, выращивают цветы, воспитывают детей.

Да, она может вернуться к ним. Несчастливая, ошибившаяся в своих расчетах. Она думала, что с высоты знаний и опыта сможет изменить к лучшему несправедливый, некрасивый мир, но не смогла.

Она вернется. Медики поколдуют над ней, уйдут морщины, поднимется грудь, сотрутся из памяти многие неприятности, чтоб не мешать душевному спокойствию. Путешествовать отныне будет только по музеям и оранжерейным выставкам – никаких больше исторических экскурсов. Да даже если бы и захотела – ей не позволят этого. Холодный дождь никогда не будет сечь лицо. И ей не будет никакого дела до Алёши, Федора, Натальи... Это их жизнь, и волновать Улэ она не должна. Как в книге: герой – отдельно, читатель – отдельно, плакать над Офелиями просто смешно. И пусть ядро взорвется под конём Гоголева, но от этого в ее мире, в который она вернется, не вздрогнет даже лепесток розы. А если вдруг вздрогнет – Улэ не заметит этого, память ее будет откорректирована.

Орн не дождался ответа и переспросил:

— Почему ты еще не здесь, Улэ? Возвращайся. Тебя ждет интересная работа.

— Что ты считаешь интересной работой? Заниматься флористикой? Или возиться с коллекцией минералов? Я ведь понимаю, что от полетов во времени буду отстранена, а, следовательно, не смогу вернуться к проблемам сравнительной истории.

Орн ответил честно:

— Да, не сможешь. Однако послушай меня, Улэ. Нам удалось создать занятный реликтовый заповедник.

— С саблезубыми тиграми и мамонтами? Меня это мало интересует.

— Меня тоже. Но речь идет не о таких зверях. В заповеднике — лешие, домовые, лесовики, и прочее то, что называют нечистью.

— Нечисть? Да они порой чище, чем все мы, — возразила Улэ, и немного подумав, добавила. — А зачем воссозданы эти биологические экспонаты? Для наглядных лекций детям? И мне готовы предложить роль школьного завхоза?

— Это не воссоздание, — ответил Орн. — Мы изымали отдельные особи из природы... Только не возмущайся, я знаю, ты будешь возмущаться, узнав, что этим занимались наши экипажи. Мы забирали с собой только обреченных — больных, раненых, тех, кто оказался в изоляционном одиночестве и не мог бы продолжить свой род.

— А в заповеднике они размножаются?

— Есть положительные результаты, — уклончиво сказал Орн. — Ты бы могла возглавить группу ученых, которые...

— Что я могла бы — это потом, — Улэ не терпелось узнать другое. — Эти реликты — они вас пугают, щелкают зубами, строят козни, прячутся по углам и хамят всем подряд?

— Ну что ты! Мы их сумели воспитать, они спокойны и общительны.

Отео Рэй Натеус редко ошибался, но тут допустил— таки ошибку. Это он понял тут же, услышав горький смех женщины:

— Я так и думала. Вам не хватает игрушек. А они не игрушки, они такие же, как все мы. У вас нет прав делать их другими!

Он решил, что Улэ сейчас прервет связь и исчезнет, опять надолго, если не навсегда.

— Не кипятись, пожалуйста! Мы всего лишь сохраняем жизнь несчастных особей, а ты — ты ведь пытаешься влиять на исторические процессы. Вот это — грубое нарушение кодекса.

— Да плевать я хотела на процессы. Черт с ним, с вашим кодексом!

— О, Улэ, — с удивлением и легкой укоризной заметил Орн. — Ты набралась там таких словечек...

— Да, набралась, как блох! Ты знаешь, что такое блохи? Или вы их тоже разводите, только не кусачих? И будь честен, Орн...

Он впервые обиделся:

— Меня никто не может упрекнуть в том, что я лгу!

— Будь до конца честен, — продолжила Улэ. — Не называй тех, что вы там прикормили, особями. Раз они не ворчат и не царапаются, они не особи, они не домовые и не лесовики. Я буду с этими, которые бегают по лесам и хулиганят в избах. И если удастся им хоть как-то помочь...

— Не удастся, Улэ. Это не наш мир, понимаешь? У нас с ним нет ничего общего, нам вообще не рекомендовано попадаться на глаза живущим там, можно только наблюдать их существование, как наши астрономы наблюдают движение звездных систем. Я понимаю, трудно осознавать, что мы вышли из такого несовершенного посадочного материала, но что есть, то есть. Принимай это как должное — и всё. В этой стадии развития они будут ещё очень долго. Впрочем, что я тебе объясняю, ты же защищала докторскую...

— Защищала? — Улэ сказала это так, будто не поверила словам старого друга, будто услышала не то чтобы что-то совсем новое для себя, но давным-давно забытое. — И ты был моим оппонентом, Отео Рэй Натеус.

— Да, Улэ, да! Ты утверждала тогда, что старый мир надо объявить заповедником и ограничить туда даже прилеты ученых. Ты убедительно доказывала, что любое вторжение в чужую историческую культуру недопустимо, разные времена не могут быть совместимы, тебя или съедят, или объявят

богом, или начнут лечить по собственному уразумению. Твои работы легли в основу учебников, стали аксиомами. Тогда я не во всем соглашался с тобой, теперь тоже не соглашаюсь, но как же поменялись твои убеждения!

— Убеждения в основном остались прежние, — блёкло, без всякого запала в голосе сказала Улэ. — История нас никогда ничему хорошему не учила и не научит. Мы берем из нее всё самое плохое. Потому люди не становятся лучше, Орн, но я все равно не могу видеть, как тяжело им живется.

— Возвращайся, Улэ.

— Чтоб не видеть? — Она грустно рассмеялась. — Да, действительно, моё место — за одним столом с улыбчивыми идиотами, которые не царапаются и всегда счастливы. Наверное, так это и произойдет, Орн. Вы и меня тоже сделаете счастливой и не царапающейся. Но все же я еще раз хочу попробовать, помочь если не всем, то хотя бы одному.

— Это невозможно! Что свершилось — то свершилось. Надо смотреть на происходящее объективно.

— Наверное, надо. Если б я не жила здесь, была бы объективной.

— Но ты же сама решила... Улэ, Улэ, слышишь? Улэ, оставайся на связи, я должен тебе сказать нечто важное. Или ты сейчас же возвращаешься, или это может никогда не

произойти. Мы боимся, что секрет комбинаций с перстнями станет известен в том мире и времени, где сейчас ты, и будем менять коды...

Улэ уже не слышала эту последнюю фразу Отео Рэя Натеуса. И вообще, выйдя из зеленого круга, она перестала быть Улэ.

Дождь шел колкий, мелкий, нудный, каким и положено быть осеннему дождю.

Низко, почти над землей, летел одинокий журавль – видно, отстал от своих. Он был молодой и неопытный, не знал, куда податься, потому трубно всхлипывал и заворачивал на круг. Судя по тяжелым усталым взмахам, это был не первый его круг.

— Дурачок, — сказала Ульяна. — Зачем же в одиночку-то. Хотя, всякие обстоятельства, конечно, бывают. Лети вдоль реки, до самого её поворота у города, а оттуда краем бора. И не рви крылья, ты не последний, тебя еще догонят большие стаи.

Журавль что-то прокричал ей и полетел в сторону реки.

Ульяна не сразу пошла домой. Она легко взобралась на курган, поставила ладонь козырьком к глазам и долго смотрела вслед небольшой группе людей, уезжающих прочь

от Бреднева. Их было трое. Когда они скрылись в лесу, старуха сказала:

— Прощай, Наталья. А с вами, мужики, мы еще встретимся. Вот когда только...

Долго пришлось ждать этой встречи.

До лета семьсот семнадцатого.

Глава двадцать девятая.

В доме на Моховой

Во двор этого дома не смел заезжать никто. Даже Петр Алексеевич оставлял карету у ворот и испрашивал разрешения пройти к низкому, но на совесть сбитому крыльцу.

Ныне двор кажется огромным, хотя он не вырос с той поры, когда был заставлен летними столами, забит гостями, и вон там, в правом его углу, стояла клетка с медведем. Медведь был ручной, пил с бадьи вино и брагу, чокаясь с князьями да боярами, а то и с самим царём.

Давно не слышно тут веселий. Петр Алексеевич после Прутского похода не тот стал. Все по водам ездит, лечится. Сейчас во Франции, договора подписывает, вопрос с открытием посольства решает, но опять-таки коль свободный

день – на воды. И медведя того нет уже. И столов нет, убрали их за ненадобностью. Так и получается: хоть и лето, и погода хорошая стоит, и мёда да вина в доме полно, а нет веселья.

Умирает его хозяин, князь Федор Юрьевич Ромодановский.

Ни лекари, ни челядь, ни сын Иван, ни жена Евдокия Васильевна – никто даже намеком не показывает, что немощен стал хозяин этого богатого, крепкого, но без лишних затей сделанного дома на Моховой, у каменного моста. Попробуй хоть тоном голоса пожалей его – соберет последние силы и рыкнет, как тот медведь.

К кому ласково относился, так это к жене Ивана, Анастасии Федоровне. Сноха – из рода Салтыковых, родная сестра царицы Прасковьи, супруги покойного давно Ивана Алексеевича, старшего брата царя Петра. Анастасия – женщина спокойная, не сполошная, знает много больше, чем говорит. Повезло с женой Ивану.

Федор Юрьевич стоит на крыльце, ловит солнце холодеющими щеками, смотрит, как из сада идет к нему Анастасия.

— Я велела ваше кресло к смородинным кустам переставить, там варакушка к вечеру поет. Не так, как по весне, но все же... Хотите послушать?

Тяжело идти князю-кесарю, хоть тропа и ухожена, ни коряги, ни травы, ничего другого, обо что споткнуться можно. Было – спотыкался, зло на слугах срывал. Потом сам понял: они невиновны в том, что ноги подниматься не хотят. Однако рядом с Анастасией пытается идти твердо. Хорошо, сноха к креслу одеяло принесла, оно хоть август, хоть день ясный, а ноги мерзнут.

Один остался Федор Юрьевич. Сорвал смородинный лист, помял меж ладоней, поднес руки к лицу. Даже глаза прикрыл – чудный запах.

— Я его тоже люблю, — слышался голос рядом. И Ромодановский не открывая глаз сразу понял, кому он принадлежит. Ульяне. Вот почему-то был уверен, что не помрет, пока ее не увидит. При последней встрече она ведь четко сказала: поговорим еще.

— В наших краях смородину тоже выращивают, — продолжила Ульяна. Теперь Федор Юрьевич увидел её. Такая же сухонькая и крепкая, только, может, морщин прибавилось. — Сама ягода крупная, а вкусу никакого! То ли дело здесь.

— Какие ваши края? — спросил князь. — Далеко ли расположены?

— Далеко. Скакать – не доскакать.

— Но ты же доскакала?!

— Я – особое дело. Вчера, к примеру, еще в Германии была.

Ромодановский не удивился.

— Немцев и в Москве много. Умные люди. Только я их не люблю. Даже Петру Алексеевичу открыто сказал, что против его брака с Екатериной. Разные мы с ними.

— Разные, — согласилась Ульяна. — Не лучше, не хуже — просто другие. А что до ума — встретила я там толкового инженера, Бесслера Иоганна. Научила его мастерить игрушки, которые сами собой движутся. Фонтан, к примеру, будет всю жизнь бить, и без всяких насосов. Или колесо — крутится и крутится, хоть никто его даже пальцем не трогает.

— Интересная механика, — хмыкнул Ромодановский. — Поковыряться бы в ней.

Старуха рассмеялась:

— Вот она, разница. А Бесслер другим озаботился: как богатых покупателей на игрушки найти. Скучно мне там стало. Сюда вернулась.

— Тут, стало быть, весело? — спросил Федор Юрьевич, кутаясь в одеяло. — Что увидела, когда вернулась?

— Грабят Россию.

— Грабят, — тихо согласился князь. — Что б им Петр Алексеевич ни давал, чем бы ни одаривал — грабят. Но я в этом отношении честным умираю. Было дело, виновных, не виновных — вот этим кулаком бил, зубы в глотку загонял, кости крошил. Но из казны государевой и копейки не уворовал.

— Ведаю. Но не о том сейчас говорю. Тебя, Федор Юрьевич, от плохих вестей, видно, оберегают, не знаешь, что кубанцы с Дикого поля уже к Пензе подошли, дома жгут, в рабство людей уводят. Сама вчера видела, и пожары, и кровь... Крымский татарин салтан Бахти Герай разбойников привел.

— Сын Девлета? У дурного отца и дитя такое же. Ишь, осмелели под турецким крылом. Если б Прутский поход не так для нас сложился... — Он поднял глаза на Ульяну. — Вчера, говоришь, из Германии, а под Пензой вчера же черкесов да адыгов видела? Ты ведунья?

— Называй меня, как хочешь, Федор Юрьевич. Одно скажу: я не волшебница, хотела было вашему Петру Алексеевичу помочь, да не смогла. Всё вышло ровно так, как в учебниках и исторических трудах записано.

— Что записано? Я не читал.

— Да уж понятно... Но я пришла не смущать тебя, а сама вопросы задавать.

— Неужто есть такое, что ты не знаешь?

— Душа человеческая и для нас потёмки. Под Саранском, где сейчас орды бесчинствуют, ваш человек крутится — Никодим.

— Крутится, — недовольно буркнул Ромодановский. — Только если его моим считать, то мне надо не птиц в саду слушать, а на дыбе висеть. Вор и разбойник Никодим, равно как все другие.

— Так на дыбе вор должен как раз висеть, а не вы.

— Ну да! Никакого толку все равно не добьемся. Это Петр Алексеевич как-то сгоряча предложил: каждого, кто нечист на руку, казнить. А ему неглупый человек ответил: так у нас царства быстро не останется, управлять некем будет. Сплошь воруют! Дошел до меня слух, что и князь Михайло Мещерский от этого соблазна не удержался. Он под Азов с царем ходил, отличился там, за это и получил земли под Пензой. Что и у кого на небогатой земле можно брать, вопрос, вот и послал я туда Никодима — проверить сигнал. А вслед за ним — еще одного человека — чтоб уже с самого Никодима глаз не спускал.

— Был на то повод? — спросила Ульяна.

— Был. Жрать с золотой посуды начал, гулящими девками себя окружил и одаривал их без меры. Вчера этот гонец вернулся. Ему Никодим предложил большую сумму, часть из той, которую он у князя Мещерского угрозами вытребовал. Вот гонец — мой. Не подался на посулы, жизнью рисковал, но сразу ко мне прискакал.

Ульяна нахмурилась:

— Никодим теперь будет знать, что ты его разоблачил, убежать может с деньгами.

— Да и шут с ним. Для царской казны те деньги невелики, и потом, вряд ли он от Гоголева куда денется.

— От Гоголева? — переспросила Ульяна. — От Никиты? Он тоже там?

Ромодановский кивнул:

— Отправился он туда неделю назад гарнизоны местные проверить — слабы там гарнизоны-то. Что Бахти Герай дурак и может орды на наши земли повести, я не исключал, хотя не думал, конечно, что это сейчас произойдет... Словом, отбыл полковник Гоголев, оказывается, прямо в пекло. А тут я ему вчера вечером еще и депешу послал насчет Никодима. Но ничего. Он офицер сообразительный и храбрый. Авось, разберется там со всеми вопросами.

Солнце садилось за тучи, темные, охватившие весь окоём. Это был явный признак того, что к утру польет грозовой дождь. И воздух по той же причине был недвижимым, густым. Длинноногая варакушка все же появилась на калиновом кусту, но петть не стала, сидела нахохлившись, искоса поглядывая на князя. Федор Юрьевич чуть кивнул ей, как старой знакомой, и смежил веки. Больно было смотреть ему на багровый закат. Так и разговаривал дальше – с закрытыми глазами.

— Беда ждет Гоголева, — сказала Ульяна. — Я пять лет искала ответ на вопрос, как ему помочь.

— Какая беда? — спросил Федор Юрьевич. — Бесчестьем себя покроет, виселицей жизнь закончит?

— Нет. Будет скакать, ядро под конем взорвется – и всё.

— Это не беда. Так молодые полковники и должны погибать. Они судьбу такую выбрали. Думаешь, большое счастье им до немощи такой, как у меня, доживать? Нет, кончить свой век на поле брани – это... — Ромодановский неожиданно засмеялся. — Иногда стремление умереть в бою жизнь спасает, да. Был такой подполковник Прохоров, между прочим, друг Гоголева. Так вот, его как-то пуля по боку чиркнула, он даже за помощью не обращался. Потом загнивать рана начала, его в жар бросило, и когда полковой

медик, немец, между прочим, его осмотрел, то вынес приговор: заражение крови, жить осталось дня два-три. Лежал в это время Прохоров в крестьянской избе, под лекарню переоборудованную. А полк его тут же, в полукилометре, бой принимал. Прохоров уже бредил, священника к нему позвали, и тут он пришел на какое-то время в себя. Попросил исполнить последнюю волю: дать умереть на поле боя. Распорядился, чтоб отнесли его в то самое место, где жарче всего. Ну а чего ж, отнесли, оставили. Там пули летали – как пчелы на пасеке. Работы ротному медику хватало. Он метался среди раненых и наткнулся на Прохорова. Достал свои присыпки, травы... Дальше надо рассказывать?

— Не упомните, как медика этого звали?

— Чего ж не упомнить, Безродный его фамилия, к награде предоставлен был.

— А подполковник-то сам выжил?

— Через месяц уже в седле сидел. Правда, еще месяц спустя погиб. Как спасся чудом, так и смерть принял – незаслуженно. Прохоров, как и положено, в епанче красной ходил, да накануне огнем ее прихватило. Он надел трофейную накидку и отправился ранним утром дозоры самолично проверять. Его за шведа молодой солдат посчитал

и... В общем, там уже лекарю делать нечего было. Бывают такие случаи.

— Накидка виновата, — в раздумье произнесла Ульяна.

— Можно и так сказать. Пуля — она же дура, не разбирает, куда летит. Красная епанча — наш, серая накидка — швед. Вот и вышло, что пуля вроде не ошиблась.

— Спасибо, — неожиданно сказала Ульяна.

— За что? — удивился Ромодановский.

— За то, что нашла ответ на свой вопрос. Пять лет искала, а сейчас, кажется, нашла.

— Что нашла, что?

Он наконец открыл глаза, посмотрел туда, где должна была стоять женщина и откуда все это время раздавался ее голос. Но увидел только идущую от дома Анастасию Федоровну.

— А где Ульяна? Старуха такая высокая? — спросил он у снохи, хотя тут же понял, как нелепо прозвучали его слова.

Но Анастасия умела держать себя в руках, ничему не удивилась, а спокойно ответила:

— Приспали вы немного. Сюда никакая старуха не войдет, не тревожьтесь. Пойдемте в дом, холодает, к дождю, видно.

— К холоду вечному, — скривился Ромодановский в усмешке.

Последний раз прошелся он дорожкой по саду, заснул вроде бы здоровым сном, но после этого с кровати больше не вставал и через десять дней умер.

Глава тридцатая.

Развязка. Завязка.

Ландрат, советник от дворян местного уезда, Иван Федорович Змеев пребывал в большой растерянности. Ему было немногим за тридцать, от отца досталось по наследству семьдесят два двора, он весьма удачно женился, любил свой сад, рыбалку, а вот охотником не стал, поскольку не выносил крови. Сейчас же согласно своим обязанностям с краткой ревизией объехал несколько сёл уезда и с совершенно зеленым лицом рассказывал прибывшему из Москвы полковнику о том, что довелось увидеть.

— Сожженные избы, головешки еще теплые, и трупы, трупы... Даже ребёночков, понимаете? Много женщин, парней кубанцы с собой в плен увели, понимаете? Кто убегал и прятался неумело, тех убивали, понимаете? Или запирали в избах и поджигали...

— Понимаю, Иван Федорович, даже здесь дымом пахнет. Но теперь о живых мне расскажите. В ближней слободе сколько солдат проживает?

— Пахотных солдат до четырех сотен, а если точно надо, позвольте мне бумаги поднять...

Гоголев повернул голову в сторону осадного головы Тимонина, благообразного седого старика:

— Пороху сколько у вас, Павел Кузьмич?

— Зелейный подвал полон, оружие также есть, правда, много еще старого, а также луки, стрелы... Я всё собирал, как чувствовал, что сгодится.

— Вы молодец, Павел Кузьмич. И пушки, уже посмотрел, начищены, и сторожа своё дело знают.

— А как же, я войн много повидал, понимаю, что к чему.

Разговор этот шел возле пятибашенного острога, по периметру которого солдаты споро вкапывали заостренные бревна, так, чтоб между ними конь не проскакал. Ворота проезжей башни были сейчас приоткрыты, но возле них стояли сторожа, готовые при малейшей опасности надежно запереть их. В бойницах глухих башен стояли пушки нижнего и верхнего боя, готовые открыть огонь по врагу. Пушкари возле них возились опытные, уже испытанные войнами. Особо был славен Самсон Петров, который час назад

продемонстрировал свое умение Гоголеву. Почти в ста саженьях от острога положили мертвого коня, которого для волчьей привады собирались рубить на куски, и Самсон положил ядро точнёхонько в него, отчего тут же получил от полковника монету.

Сейчас пушкарь стоял у орудия и слушал человека из Преображенского приказа. Человек этот был невысок, толст, в острог прискакал два дня назад, ночью, сказал, что пришлось убегать от кубанцев, убивших трех его спутников. В дорогом дорожном плаще прибывшего виднелась дыра от пули. Гоголев, увидев в остроге посланца Преображенского приказа, поздоровался с ним весьма сдержанно, лишь кивком головы, но было ясно, что эти двое знают друг друга.

Итак, Никита Гоголев стоял с окружившими его людьми у въезда в острог, а с левой верхней бойницы смотрел на него Никодим и тихо, но внушительно говорил Самсону Петрову:

— И что, как полковник? Я и генералов в бараний рог крутил, понимаешь, какие у меня полномочия?

— Понимаю, ваше благородие, — робко кивал пушкарь.

— От меня не монету, а полный кошель получишь, детям и внукам денег хватит. Притом, запомни, ты не мой, а государев приказ, озвученный моими устами, выполняешь.

— Так точно, ваше благородие.

— Секрет тебе открываю: есть подозрения, что полковник этот заодно с кубанцами, и сюда, как мы видели, со стороны Дикого поля прибыл.

— Со стороны, — эхом вторил пушкарь.

— Может случиться такое, что коль будут кубанцы приближаться, он к ним и ускачет. Может, спрашиваю?

Голос Никодима жесткий, суровый, до печенок пробирает, возражать ему никак не возможно:

— Может, ваше благородие.

— Посему, как только полковник отъедет немного, я дам тебе знак — и стреляй! А хоть и не дам знак — все одно стреляй! Коня его знаешь? Он приметный, белые чулки на задних ногах...

Прервал свою речь Никодим, глядя, как со стороны Саранска скачет малый отряд в пять всадников. Вот он поравнялся со стоявшими внизу людьми из острога, и двое из пяти вплотную приблизились к полковнику. Один из них был Алексей Безродный:

— Здравия желаю, Никита Михайлович!

— Алёша?! Вот так встреча! Ты откуда и куда?

— Командирован в эти края для организации военных медицинских дел еще четыре месяца назад, теперь вот срочно вызывают в Санкт-Петербург, в Медицинскую канцелярию.

Узнал, что вы в этом остроге и захотел повидаться на прощание.

— Правильно сделал! Сейчас поговорим, дай только вначале познакомиться, что мне за вести гонец привёз.

Никита принял из рук вестового два пакета, осмотрел сургуч, распечатал их и отошел в сторону, читая уже на ходу.

За всем этим через бойницу внимательно наблюдал Никодим, стоя так, чтоб его не увидели снизу. Вот полковник прочел донесения, повернулся, спокойно возвращается к воротам острога, на лице никаких эмоций, значит, ничего особо важного в послании не было. Подходит к осадному голое Тимонину, говорит:

— Выдели-ка мне двух солдат, Павел Кузьмич. Да сам иди за мной. Дельце небольшое есть.

«Какое такое дельце? – насторожился Никодим. – Надо быть в курсе». И поспешил к лестнице, чтоб вниз спуститься, еще раз напомнив пушкарю:

— Понял, Петров, что от тебя требуется? Выполнишь – деньги получишь, не исполнишь – головы лишишься!

Что значит приказ – солдат Самсон Петров знал хорошо...

Никодим спустился с башни ровно так, чтоб лицом к лицу оказаться с полковником Гоголевым. Лучше бы он этого не делал! Увидев его, Никита тотчас сказал Тимонину:

— Солдаты, Павел Кузьмич, нужны, чтоб приставить охрану к этому человеку, — и показал рукой на Никодима. — Получен приказ задержать его и составить перечень всего, что посланник Преображенского приказа Никодим Потрохов везет с собой.

— Лжешь! — взвизгнул Никодим. — Меня знаешь, кто сюда послал? Дай взглянуть на приказ!

— Законы, Никодим, плохо знаешь, — с усмешкой ответил Гоголев. — Требовать этого у меня не имеешь права. — И уже к осадному голове обратился. — В колодную избу, Павел Кузьмич, сажать его мы не будем, но охрану к нему приставьте, пущай глаз с него не спускают. А сейчас взглянем на багаж. Во втором письме князь Михаил Мещерский пишет, что именно пришлось ему отдать Потрохову в качестве мзды. Даже золотой браслет жены с выбитыми на нем инициалами. И многое другое, что описано дотошно и ни с чем спутано быть не может. Где багаж твой, Никодим?

Тот, бледный, промолчал, а за него ответил Тимонин:

— Две суммы к его коню приторочены, большие да тяжелые. Он сказал, секретные бумаги да образцы оружия, велел охрану приставить...

— Что ж, будем смотреть эти образцы.

Извернулся бы Никодим, придумал что-нибудь, да ведь только накануне послал он гонца к Ромодановскому, что чист князь Мещерский перед законом, ни казна государева, ни купцы, ни иные чиновники от его действий не страдают. А вышло, что Мещерский сам в поборах наверх признался, и теперь как отвертеться Никодиму?! Молчит он, соображая, хоть в такой растерянности и соображать трудно.

Подошел Гоголев к его лошади, распорядился, солдат открыл суму, и прямо сверху, — надо ж такому случиться! — браслет золотой.

— Хорошие образцы оружия, — сказал Гоголев. — Обе сумы приторочить пока к моему коню.

Солдаты стали выполнять приказ полковника, и тут ударил вестовой колокол и одновременно с наблюдательной вышки послышался крик караульного:

— От соседней слободы сигнал подают: дым кругами. На нас кубанцы идут!

А из местной слободы, заслышав тревожный колокол, уже бежали под защиту стен острога жители: старики, дети, бабы. Были тут и те, кто уцелел в сожженных уже деревнях и сумел добраться сюда, получив помощь — кров и еду. Не вглядывался в их лица полковник Гоголев, не до того ему было: надо решать сугубо военный вопрос защиты острога от

врага. А если б начал вглядываться, наверняка увидел бы одно знакомое лицо. Высокая сухая старуха прошла мимо него через ворота в толпе таких же изможденных людей...

Охрана поспешила было закрыть тяжелые ворота, но Гоголев, глядя на дорогу, ведущую от слободы, сказал:

— Не спешите, там еще кто-то показался. И вообще, не бояться! Мы от любой силы острог не только отстоим, но и сами в атаку пойти сможем! Нам ли, царевым слугам, воров да разбойников бояться?!

Меж тем запылила степь на горизонте, не сплошной линией, а очажками: видно, сразу три-четыре отряда приближались к острогу. И вот уже передние всадники видны стали на одной из сопок. Лошади высокие, красивые, у ногайцев и адыгов нет таких. Скорее всего, это казаки-некрасовцы, староверы, примкнувшие к набегу Бахти Герая, рискнули первыми напасть на крепость. Выстраиваются подковой, на таком расстоянии, чтоб пушки не достали. Знают толк в тактике.

Гоголев уже наверху, на наблюдательной площадке. Туда же проскочил и Алексей:

— Что, Никита Михайлович, жарко будет?

— Не думаю, — ответил тот. — На конях с наскоку нас им не взять, не пройдут через частокол кони, а спешатся —

пушками выкосим. Я даже подозреваю, они вообще нападать не рискнут, погарцуют и ускачут прочь. Это будет лучший для них исход.

— Много их, — Алексей показал на новые отряды, перемещающиеся по степи. — Но мы, правда, и большую силу ломили.

— Ломили, Алёша, еще как ломили.

Никодим же, пребывая возле лошадей, внизу, настоящих сражений не видел, да и думал он вовсе не о том, чья возьмет, страшнее врага для него был тот факт, что приведут его под конвоем к Федору Юрьевичу Ромодановскому, и тот самолично распорядится содрать с мздоимца шкуру, а то и повесить его на всеобщее осмотрение.

«Авось, откуплюсь», — прошептал он, незаметно окрестил себя и оттолкнув солдата, глядящего в степь, запрыгнул на коня полковника Гоголева, где висели две его суммы. Ударил шпорами, выскочил через незакрытые еще ворота, помчал в степь, навстречу орде. Охранявшие его стражники быстро пришли в себя, выстрелили, но трудно попасть в бегущую цель. Другие солдаты и офицеры тоже пули в небо пустили — был от них Никодим в сорока — пятидесяти саженьях, тяжело попасть. Гоголев ударил кулаком по деревянной балке, выругался коротко. Хотел

было вдогон сам пойти, да понял, что на чужой лошади своего скорохода ему не догнать.

Сто сажень уже от острога до беглеца.

Ладно, подумал Гоголев, все одно никуда Никодим не денется. Бахти Герай знает, что в тыл ему идут армейские части, путь ему сейчас один – к Хопру. Но там ждут разбойников верные отряды калмыков, с которыми Гоголев уже наладил связь. Теперь надо калмыкам подать весть о Никодиме – уж от них он не уйдет...

Бахнула пушка рядом, ядро легло точно под конем, на котором скакал Никодим. Животину перевернуло в воздухе и разорвало на части.

— Бить по врагам! – крикнул Никита. – Ничего, если ядра не долетят. Страх долетит.

А сам сел на первого коня, поехал к месту взрыва, спросил одного из сопровождавших его – Тимонина:

— Опять Петров стрелял?

— Он самый!

— Серьезной награды достоин, позабочусь...

Нападавшие и вправду испугались заговоривших пушек, а тут еще увидели, как из ворот вылетел отряд всадников и не стали искушать судьбу, повернули вспять.

На месте взрыва Алексею делать было нечего: Никодиму уже ничто не могло помочь.

А вот обе суммы на удивление оказались целыми.

По возвращении в крепость Гоголев приказал оставаться настороже, и хотел было удалиться с Алексеем, попить чаю да поговорить о жизни, но тут подошла к ним старуха:

— Мне чаю не дадите?

— Ульяна? — вскинулся первым Алексей. — Вот так встреча!

Теперь и Никита узнал ее, усадил рядом.

— Я тебя, кажется, никогда улыбающейся не видел, тётя Ульяна. А сейчас ты прямо светишься.

— Чего ж не светиться, человеку помогла. Он жив остался.

— Это кто же?

— Неважно. Расскажи лучше, Никита Михайлович, как жизнь твоя складывается?

— Как у всякого военного: от битвы до битвы.

— А сыны, что, уже матери помощники?

— Два сына... А ты откуда знаешь про сынов?

— Знаю. Погоди, Наталья и дочку еще родит, красавицу да умницу. — Ульяна взглянула на Алексея. — А ты, значит, по-прежнему один?

— По-прежнему и до конца, — вздохнул тот. — Но на судьбу не жалуюсь.

— И правильно, чего же жаловаться. Вот царь Петр Алексеевич сейчас в Париже с Луботье встречался, не слышал о таком?

— Слышал. Луботье инструменты для врачей производит, у нас их, правда, почти нет...

— Будут. Царь его в Россию пригласил, он тут дело налаживать начнет. А с тобой в Медицинской канцелярии захотел встретиться еще один умный человек, Эйхлер.

— Который по аптечным делам?

— Он самый. Хочет направить в Сибирь экспедицию по заготовке лекарственных трав, тебя в нее включит. Поедешь?

— Не знаю, тётя Ульяна...

— Поедешь, — сказала та, и протянула ему на ладони вырезанную из можжевельникового дерева фигурку.

Гоголев увидел её и головой качал:

— Как здорово сделана! Русалка, да? Не твоя ли, Алешка, это Ле?..

Он прервался, увидев, как побледнел Безродный. А тот, не отрывая глаз от фигурки, шепотом спросил:

— Откуда она у тебя?

— Девушка одна подарила. Со шрамом вот тут, — показала точку у горла. — Сама ушла на реку Обь, а этот подарок попросила тебе передать, коль встречу. Сказала, что если очень захочешь — найдешь...

Алексей встал из-за стола:

— Разреши ехать, Никита Михайлович!

— Полно тебе, Алёша. Отдохни, отоспись.

Тот закачал головой, а Ульяна тихо сказала:

— Не удерживай. Какой ему сейчас — спать?

И остались они вдвоём.

— Твои-то как дела, тетя Ульяна?

Та чуть пожала плечами:

— Миссию выполнила. И сумела даже об этом Орну сказать. Как же он удивился! Во-первых, тому, что спасла-таки хорошего человека наперекор всем нашим постулатам, а во-вторых, что вообще с ним на связь вышла. Они коды поменяли, мне пришлось столько комбинаций с перстнями проделать... Но всё теперь позади.

Гоголев нахмурил брови:

— Я не всё понимаю, тетя Ульяна, ты можешь подробнее обо всем рассказать?

— Могу, но тогда ты еще меньше поймешь. Я сейчас другое тебе скажу. — Она сняла с шеи нанизанные на

кожаный шнурок двенадцать перстней, затем скрутила с пальца последний, тринадцатый. – Можно их в заряд вложить и из пушки выстрелить, а? Чтоб рассыпались они по чистому полю возле этой крепости. Только не спрашивай, зачем.

— Покорежатся от взрыва, — неуверенно сказал Никита.

— Ничего с ними и никогда не случится.

Он поднял на нее глаза:

— И всё же — зачем?

— Жить далее хочу как все. Надеюсь, заслужила это. А тебе один вопрос задать можно?

— Так а чего ж.

— Наталья твоя — летает?

Никита кинул быстрый взгляд на закрытую дверь, кашлянул в кулак, потом попросил:

— Ты пей чай, тетя Ульяна. Варенье к нему есть хорошее, смородиновое... И спрашивай о чем угодно другом, ладно? И вообще, может, просьба какая есть. Куда отсюда идти думаешь? Выделю повозку, охрану...

— Домой. В избу свою. К Федору, Бугаевым, Чаруше. Сама туда дотопаю. Авось, еще кому-нибудь там нужна буду.

— Без перстней разве сможешь что сделать?

— Да что они, перстни. Будто вся суть в них. Нет...

ЭПИЛОГ

Из газеты «Вестник Пензы», от 7 сентября:

«Новыми экспонатами пополнился наш краеведческий музей. Археологи, продолжающие раскопки на месте Старой крепости, где без малого триста лет назад шли бои войск Петра с ордой Бахти Герая, нашли, помимо обычной военной и бытовой утвари, кольцо. Надо сказать, что оно не первое в перечне находок, сделанных здесь, а уже одиннадцатое. Нигде больше таких колец никто не находил. Загадка этой находки еще и в том, что ученые до сих пор не могут определить состав сплава и объяснить, как и зачем производились эти изделия с незатейливой примитивной гравировкой.

Посетители могут увидеть коллекцию данных колец в зале номер шесть, в специально отведенной для них витрине. Старейший работник музея Ульяна Петровна Бессмертных уверена, что это – не последняя подобная находка. На наш вопрос, есть ли у нее как у ученого археолога предположения и версии о предназначении таких колец, она с улыбкой ответила: «Есть. Но давайте поговорим об этом, когда найдется еще пара колец».